

**Российская академия наук  
Сибирское отделение  
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

---

2018 г., том 25, № 3

**СОДЕРЖАНИЕ**

*ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ*

<b>Гончаров Ю.М., Климова О.Г.</b> Д.Я. Резун как организатор изучения истории предпринимательства в дореволюционной Сибири .....	5
<b>Комлева Е.В.</b> Сибирское купечество в оценке западноевропейской и американской историографии .....	10
<b>Шишкин В.И.</b> Персональное дело коммуниста В.Б. Эльцина (сентябрь 1927–февраль 1928 г.) .....	16
<b>Исупов В.А.</b> Динамика численности городского населения России в годы Второй мировой войны (на основе оценок ЦСУ СССР) .....	24
<b>Тимошенко А.И.</b> Роль Сибири в индустриальной модернизации СССР .....	32

*КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА*

<b>Гурьянова Н.С.</b> Кормчая книга в системе книжных авторитетов защитников старого обряда .....	38
<b>Журавель О.Д.</b> Самоидентификация лидера религиозного сообщества в сочинениях Андрея Денисова .....	45
<b>Журова Л.И.</b> Переписка публицистов как опыт формирования интеллектуальной идентичности в Московской Руси XVI в. ....	51
<b>Панич Т.В.</b> Евфимий Чудовский как интеллектуальный лидер сообщества церковных писателей второй половины XVII в. ....	58
<b>Шипилов И.А.</b> К истории изучения материалов С.П. Крашенинникова: проблемы, дискуссии, новые информация и интерпретации .....	64
<b>Петров С.Г.</b> Из эпистолярного наследия советского периода жизни сибирского просветителя П.И. Макушина .....	69
<b>Анисимов А.О.</b> И.Д. Сытин и большевистское издательство И.П. Ладъжникова: к истории взаимоотношений .....	76
<b>Енгальцева (Булгакова) Е.В.</b> Сибирское детское книгоиздание 1991–2008 гг.: особенности развития .....	81
<b>Посадсков А.Л.</b> Состояние негосударственного книгоиздания в регионах России как препятствие на пути информационного общества (по материалам Сибири и Дальнего Востока конца XX – начала XXI в.) .....	88

*СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ*

<b>Анисимова И.В.</b> Развитие судебной системы казахского общества в первой половине XIX в. ....	93
<b>Блинов А.В.</b> Уставные начала управления первыми высшими учебными заведениями Сибири .....	98
<b>Сарин Д.П.</b> Рост жилищного фонда в промышленных районах Кузбасса (1922–1928 гг.) .....	103
<b>Плясуля А.А.</b> Животноводческие совхозы Сибири в 1929–1934 гг. ....	109
<b>Элерт А.Х.</b> Азиатская Россия в имперских устремлениях правительства XVIII – начала XX в. ....	113
<b>Демчик Е.В., Николаев А.А.</b> V Всероссийская научная конференция «Экономическая история Сибири XX – начала XXI в.» .....	115

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ  
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.  
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;  
Институт истории СО РАН**

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), д-р ист. наук, профессор *Е.Т. Артемов* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист. наук, д-р ист. наук *Н.З. Зайц* (Словения), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор *К. Мацузато* (Саппоро, Япония), академик, профессор РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), чл.-кор. РАН *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), профессор *С. Чулуун* (Монголия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск), д-р философии *М. Юнге* (Германия)

**РЕДКОЛЛЕГИЯ**

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*  
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *Н.Н. Родигина*, канд. ист. наук *В.М. Рынков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *А.И. Савин*, д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,  
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. (7–383) 330–24–31  
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>  
[gumnauki@gmail.com](mailto:gumnauki@gmail.com)  
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

*Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением*

Редактор *В.И. Смирнова*  
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемужева*  
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

---

Выход в свет 28.09.18. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.  
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Заказ № 215.

---

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

**Russian Academy of Sciences  
Siberian Branch  
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2018, vol. 25, N 3

CONTENTS

*NATIONAL HISTORY*

<b>Goncharov Yu. M., Klimova O.G. D.Y.</b> Rezun as the organizer of studying the history of entrepreneurship in prerevolutionary Siberia.....	5
<b>Komleva E.V.</b> Siberian Merchantry from the Viewpoint of Western European and American Historiography.....	10
<b>Shishkin V.I.</b> The personal affair of V.B. Eltsin, a communist (September 1927–February 1928).....	16
<b>Isupov V.A.</b> Urban population dynamics in Russia during the World War II (based on assessments of TsSU of the USSR).....	24
<b>Timoshenko A.I.</b> The role of Siberia in the USSR industrial modernization.....	32

*BOOK CULTURE*

<b>Guryanova N.S.</b> Kormchaja kniga in the system of book authorities of the Old Believers.....	38
<b>Zhuravel O.D.</b> Self-identification of the leader of the religious community in the Writings of Andrei Denisov.....	45
<b>Zhurova L.I.</b> Correspondence of the publicists as an experience of forming intellectual identity in Muscovia of XVI century.....	51
<b>Panich T.V.</b> Evfimiy Chudovsky as an intellectual leader of the church writers community in the second half of the XVII century.....	58
<b>Shipilov I.A.</b> On the history of studying S.P. Krasheninnikov’s materials: problems, discussions, new information and interpretations.....	64
<b>Petrov S.G.</b> From the epistolary heritage of the Soviet period of life of P.I. Makushin, a siberian educator.....	69
<b>Anisimov A.O. I.D.</b> Sytin and the Bolshevik publishing house of I.P. Ladyzhnikov: the history of relationships.....	76
<b>Engalycheva (Bulgakova) E.V.</b> Siberian children’s book publishing in 1991–2008: features of development.....	81
<b>Posadskov A.L.</b> The status of non-state book publishing in the Russian regions as an obstacle on the way to the information society (based on materials from Siberia and the Russian Far East at the end of the XX – early XXI centuries).....	88

*REPORTS, SCIENTIFIC LIFE*

<b>Anisimova I.V.</b> Development of the Kazakh society judicial system in the first half of the XIX century.....	93
<b>Blinov A.V.</b> Statutory basis of the first higher educational institutions management in Siberia.....	98
<b>Sarin D.P.</b> Growth of housing stock in industrial regions of Kuzbass (1922–1928).....	103
<b>Plyasulya A.A.</b> Livestock state farms of Siberia in 1929–1934.....	109
<b>Elert A.Kh.</b> Asian Russia in the Imperial aspirations of the government of XVIII – early XX century.....	113
<b>Demchik Ye.V., Nikolaev A.A.</b> The V All-Russian Scientific Conference “Economic History of Siberia in the XX – Early XXI centuries”.....	115

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL  
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”  
 (“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)**

Published since January 1994  
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences  
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

***EDITORIAL COUNCIL***

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.T. Artyomov* (Yekaterinburg), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Professor *S. Chuluun* (Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Doctor *M. Junge* (Germany), Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *N.Z. Zajc* (Slovenia)

***EDITORIAL BOARD***

Chief editor – Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh*  
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynicheva*, Doctor of historical Sciences *N.P. Mathanova*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences *N.N. Rodigina*, Candidate of historical Sciences *V.M. Rynkov* (deputy chief editor), Candidate of historical Sciences *A.I. Savin*, Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*

**Editorial address:** Institute of History, SB RAS, office 301, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia  
tel. 7-383-330-24-31  
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>  
[gumnauki@gmail.com](mailto:gumnauki@gmail.com)  
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

*The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.*

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,  
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

## ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20180301

УДК 930(571.1/.5 ".../1917")

Ю.М. ГОНЧАРОВ<sup>1</sup>, О.Г. КЛИМОВА<sup>2</sup>

### Д.Я. РЕЗУН КАК ОРГАНИЗАТОР ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ

<sup>1</sup>Алтайский государственный университет,  
РФ, 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61,

<sup>2</sup>Алтайский государственный технический  
университет им. И.И. Ползунова,  
РФ, 656038, Барнаул, пр. Ленина, 46

В статье представлен историографический анализ научных трудов д-ра ист. наук Д.Я. Резуна, посвященных истории предпринимательства. Д.Я. Резун прошел путь от старшего лаборанта до заведующего сектором истории конца XVI – первой половины XIX в. Института истории СО РАН. В изучении истории сибирского предпринимательства в дореволюционной Сибири ученым проделана большая исследовательская и организаторская работа. Следует констатировать многочисленность публикаций ученого, жанровое многообразие его работ, огромное увеличение источниковой базы, новые методологические подходы. Д.Я. Резун организовал издание таких уникальных работ по истории предпринимательства в дореволюционной Сибири, как «Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири» и «Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири». Им опубликовано более тысячи научных трудов, в том числе более двадцати монографий.

*Ключевые слова:* история, Сибирь, историография, XIX в., персоналии, биографии, предпринимательство, купечество, научная школа.

YU. M. GONCHAROV<sup>1</sup>, O. G. KLIMOVA<sup>2</sup>

### D.Y. REZUN AS THE ORGANIZER OF STUDYING THE HISTORY OF ENTREPRENEURSHIP IN PREREVOLUTIONARY SIBERIA

<sup>1</sup>Altay State University,  
61 Lenin str., Barnaul, 656049, Russian Federation,

<sup>2</sup>Altay State Technical University,  
46 Lenin str., Barnaul, 656038, Russian Federation

Studying the entrepreneurship as a research area in the national historiography has long been devoted to studying the bourgeoisie, and started to develop as a history of entrepreneurship and merchants only in the recent decades. The revision of the theoretical and methodological foundations of the historical studies of entrepreneurship enabled historians to begin studying new interesting research directions.

The paper objective is to examine scientific heritage of Dmitry Yakovlevich Rezun, Doctor of Historical Sciences, the famous scientist and organizer of studying the entrepreneurship history in prerevolutionary Siberia.

**Юрий Михайлович Гончаров** – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории, Алтайский государственный университет, e-mail: yuriig@yandex.ru.

**Yurii M. Goncharov** – Doctor of Historical Science, Professor, Department of Russian History, Altay State University.

**Ольга Геннадьевна Климова** – канд. ист. наук, доцент кафедры правоождения и политологии, Алтайский государственный технический университет, e-mail: klimovolga@yandex.ru.

**Olga G. Klimova** – Candidate of Historical Science, Docent, Department of Law and Politic Science, Altay State Technical University.

The article presents a historiographical analysis of scientific works of D. Ya. Rezun, as well as contemporary Russian authors' papers devoted to his life and activity. D. Ya. Rezun went all the way from the senior laboratory assistant to the head of the Department of History of the late XVI – early XIX centuries at the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. He contributed a lot to studying and organizing the research of the Siberian entrepreneurship history in pre-revolutionary Siberia. It is possible to state the scholar's numerous publications, genre variety of his works huge extension of source base, new methodological approaches. D. Ya. Rezun organized publication of such unique works on the entrepreneurship history in pre-revolutionary Siberia as "The brief encyclopedia on the history of Siberian merchants and commerce", "The encyclopedic dictionary on the history of Siberian merchants and commerce". The historian published more than a thousand scientific works including more than twenty monographs. No doubt that D. Ya. Rezun did a lot to develop historical science in Siberia and Russia, played a significant role in editing collected works, preparing conferences on the history of pre-revolutionary Siberia.

*Key words: history, Siberia, historiography, XIX century, personalities, biographies, entrepreneurship, merchants, scientific school.*

Научное направление, именуемое историей предпринимательства, уже прочно утвердилось на историографическом поле, а достигнутые на сегодняшний день результаты нуждаются в осмыслении и подведении некоторых итогов.

Так, Е.В. Комлева отмечает, что «многочисленные исследователи рассматривают историю сибирского купечества в разных территориальных и хронологических рамках, основываясь на новых методологических подходах и привлекая для решения поставленных задач разноплановые источники» [1, с. 45]. Согласно позиции В.А. Скубневского и Ю.М. Гончарова, «исследования последнего десятилетия не только ввели в оборот новые источники, собрали и систематизировали огромный фактический материал, но и обозначили новые подходы» [2, с. 216].

В связи с этим возрастает актуальность изучения научного творчества ученых, занимающихся историческими проблемами становления и развития сибирского купечества и предпринимательства.

Цель настоящей статьи – рассмотреть научное творчество известного ученого, крупного организатора изучения истории предпринимательства в дореволюционной Сибири – доктора исторических наук Дмитрия Яковлевича Резуна.

Д.Я. Резун родился 6 февраля 1945 г. в семье служащих, его детство пришлось на тяжелые послевоенные годы. А.Р. Ивонин писал, что будущий историк рос без отца, небольшая зарплата матери позволяла как-то сводить концы с концами, а если появлялись «лишние деньги», то в семье обязательно покупали новую книгу, так как «мать хотела видеть сына образованным человеком» [3, с. 3]. Еще в школьные годы он полюбил уроки истории, и «после окончания школы Резун не задумывался о выборе жизненного пути» [4, с. 299].

В 1963 г. Д.Я. Резун поступил на историко-филологический факультет Омского государственного педагогического института, который успешно окончил в 1968 г. После получения диплома три года работал учителем истории в г. Называевске Омской области, а потом библиотекарем-методистом в Махачкале в Республике Дагестан. По мнению И.П. Каменецкого, Д.Я. Резун, «обладая несомненным практическим даром», привлекал внимание слушателей «не только хорошей эрудицией, эмоциональной живостью, но и особой внутренней убежденностью, собственным видением исторических событий» [5, с. 294].

Трудовая деятельность в различных организациях, освоение нескольких профессий, общение с разными людьми принесли историку интересные впечатления, опыт, что, вероятно, нашло отражение и в его научных трудах. По мнению В.А. Каменевой, «действительно, "кабинетным ученым" Резуна не назовешь. За его плечами научные экспедиции в Среднюю Азию и Восточную Сибирь, в горы Дагестана, педагогическая деятельность в школе, колледжах и вузах, а также опыт предпринимательства в сфере науки, полученный в трудные кризисные годы» [6, с. 12].

Еще в годы учебы Дмитрий Яковлевич начал занимался исследовательской деятельностью под неформальным руководством д-ра ист. наук А.А. Зимина. В 1972 г. молодого историка по рекомендации А.А. Зимина сибирский ученый О.Н. Вилков пригласил в Новосибирск в аспирантуру и на работу в Институт истории, философии и филологии СО АН СССР, где он прошел путь от старшего лаборанта до заведующего сектором истории конца XVI – первой половины XIX в. В.А. Ламин и Л.Б. Ус отмечают: «Д.Я. Резун считает, что ему крупно повезло, здесь он столкнулся с настоящими профессионалами, грамотными и умными людьми. Общение с ними стало хорошей школой» [4, с. 300].

Первые научные труды ученого были посвящены историографии истории жизни и научного творчества В.О. Ключевского, даже «вырисовывались контуры кандидатской диссертации» [3, с. 4]. Однако в 1974 г. академик М.В. Нечкина опубликовала монографию о В.О. Ключевском, и Д.Я. Резуну пришлось заняться другими исследованиями.

Как позднее заметил Д.Я. Резун, в 1970-е гг. государственная концепция «развернула все сибиреведение на разработку деревенской истории» [7, с. 23]. О.Н. Вилков, преодолевая сложившуюся ситуацию, инициировал обращение к городской тематике. Молодой ученый Д.Я. Резун начал исследование дореволюционного сибирского города, а в 1980 г. в г. Томске защитил кандидатскую диссертацию по теме «Сибирский город в русской историографии XVII – первой половины XVIII вв.». В 1982 г. им была опубликована первая монография «Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII в.» [8]. По утверждению многих современных историков, эта монография положила начало новому направлению исторического сибиреведения – исторической урбанистике.

Дмитрий Яковлевич Резун является одной из крупнейших фигур в сибиреведении последней трети XX в. –

начала XXI в. По мнению В.А. Каменевой, «даже среди ученых новосибирского Академгородка, вклад которых в науку трудно переоценить, доктор исторических наук Д.Я. Резун – явление выдающееся» [6, с. 12].

В своем творчестве он разрабатывал многие темы. Научные интересы ученого посвящены «бунташному» XVII в., сибирским городам и их жителям, участию иностранцев в колонизации Сибири, сибирскому и американскому фронтиру, торговле, ярмаркам, купцам дореволюционной России.

Среди проблем, которым Д.Я. Резун уделял значительное внимание, важное место принадлежит истории предпринимательства в Сибири. Отметим, что историк в своих первых работах фактически касался тем торговли и предпринимательства значительно раньше, когда они еще не разрабатывались в историографии и не стали приоритетными. Так, уже в кандидатской диссертации он выделил, в частности, в качестве источников документы приказного делопроизводства XVII в. сибирского города. А в монографиях, опубликованных в 1980-х гг., таких, например, как «Русские в Среднем Причудльмье в XVII–XIX вв. (проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири)» [9], «Летопись сибирских городов» [10], и других уделял постоянное внимание формированию рыночных отношений. Так, по его мнению, «средством, которое способствовало развитию сельского хозяйства, ремесла и промыслов, была торговля, получившая широкое развитие в сибирских городах того времени» [10, с. 58], а «одним из стимулов торговой активности, безусловно, было интенсивное торгово-транспортное движение через сибирские города, когда требовалось накормить людей и дать корм лошадям проходящих караванов» [10, с. 60].

Как известно, «предпринимательская (купеческая) субкультура являлась порождением и составной частью городской культуры» [11, с. 205]. Нельзя отрицать, что сибирские предприниматели дореволюционной России оказали огромное влияние на формирование облика сибирских городов, и их вклад здесь трудно переоценить. Изучая историю больших и малых городов Сибири, Д.Я. Резун всегда касался и истории предпринимательства.

Так, Е.В. Комлева в статье «Вклад Дмитрия Яковлевича Резуна в сибирскую урбанистику» отмечает, что «большой вклад Д.Я. Резун внес в разработку проблематики, связанной с изучением торгового облика сибирского города» [12, с. 463].

Результатом научных поисков 1980-х гг. для ученого стала защита докторской диссертации в 1991 г. по теме «История городов Сибири в отечественной русской историографии XVIII–XIX вв.» [13]. Следует отметить, что диссертация была написана в советское время. Д.Я. Резун, хотя и не отрицал воздействия историко-философских концепций в работах историков, но при этом прямо не использовал классовый подход. Он предложил новую систему периодизации исследования сибирского города, опираясь не на формационный подход, а на ведущие тенденции сибирской урбанистики.

Д.Я. Резун вопросами истории предпринимательства стал более активно заниматься в начале 1990-х гг., к изучению которых «он был внутренне подготовлен» [3, с. 6]. В 1990-е гг. историк издает ряд статей о демографии, культуре сибирских городов, а рассматривая исторические события в тесной связи с колонизацией, экономикой Сибири, уделяет внимание также формированию рыночных отношений. В 1993 г. в совместном докладе на Всероссийской конференции по экономическому развитию Сибири Д.Я. Резун, Л.М. Горюшкин и В.А. Ламин выделили этапы развития предпринимательства в дореволюционной Сибири [14].

В 1992–1993 гг. Д.Я. Резун совместно с О.Н. Бесединой опубликовали две монографии о городских ярмарках в Восточной [15] и в Западной Сибири [16]. Эти работы стали «первыми комплексными исследованиями городской коммерции дореформенной эпохи, отличающимися значительной новизной в постановке проблем» [3, с. 7], которые приглашали к дальнейшему изучению рынка Сибири.

В 1999–2002 гг. при поддержке АКБ «Сибирский банк» по инициативе и редакции Дмитрия Яковлевича вышло пять сборников таможенных книг (см. напр.: [17]), которые позволили значительно уточнить данные об уровне социально-экономического развития Сибири в XVII в. и ее месте в системе складывающегося всероссийского рынка. Публикация документов таможен Сибири XVII в. показала не только развитие рынка, но и жизнедеятельность основной массы сибиряков, виды товаров, социальный состав предпринимателей. По мнению Д.Я. Резуна, «рассматривая ассортимент привезенных в Сибирь товаров по материалам таможенных книг первой половины XVII в., мы отметили относительно широкий выбор – ножи, замки, зеркала и шкатулки “немецкие”; импортные ткани всех видов и платье (кафтаны) из них» [18, с. 78].

Под редакцией и по инициативе Д.Я. Резуна в виде исторических и историографических очерков была подготовлена монография, в которой авторы рассмотрели предпринимательство в сфере винокуренного дела, паромохода, охарактеризовали социокультурный облик купечества [19].

В 2000-е гг. ученый, активно развивая тему истории предпринимательства, пишет в многочисленных статьях о численном, социальном и этническом составе предпринимателей [20]. Он определяет степень участия поляков, немцев, белорусов в освоении сибирских земель, изучает купеческие гильдии в России и формирование менталитета отечественных предпринимателей [21]. Обращаясь к теме фронта, историк одним из общих моментов экономики Сибирского региона и колоний в Америке считает развитие торговли [22].

Пожалуй, нет среди сибирских историков, изучавших историю предпринимательства, тех, кто не обращался бы к «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири» [23], которая в настоящее время стала уже библиографической редкостью. По мнению самого Дмитрия Яковлевича, «такой труд представляет крайне актуальным и, более того, общественно необ-

ходимым, ибо еще не до конца сформировавшийся класс современных сибирских предпринимателей крайне нуждается в своей идеологии, нравственных принципах, которые нельзя получить без обращения к опыту предков» [24, с. 3]. Ученому удалось заинтересовать и организовать более двадцати исследователей из разных городов России, а также найти необходимые для публикации средства. «Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири», объединившая большой авторский коллектив под руководством Д.Я. Резуна, сыграла «огромную роль в координации усилий сибиреведов по изучению истории купечества» [25, с. 17].

По мнению Е. Комлевой, В. Зиновьева, О. Журавель, «несмотря на то, что “Краткая энциклопедия” имела ряд недостатков (например, плохое качество полиграфии, отсутствие технической редактуры, построчных сносок на использованные источники и литературу, неточности, пропуски многих важных персоналий), она стала настоящим прорывом в изучении не только предпринимательства, но и в целом истории Сибири» [26, с. 252].

В 2012–2013 гг. вышел «Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири» в двух солидных томах, в которых число статей увеличилось и были исправлены ошибки первого энциклопедического издания. «Энциклопедический словарь» был существенно переработан, в нем присутствовал концептуальный подход к структуре и содержанию материала.

Дмитрий Яковлевич, являясь ответственным редактором, в предисловии к изданию отмечал: «мы стремились включить в словарь информацию не только о крупных предпринимателях, но и о различных торгово-промышленных обществах, занимавшихся мелкой торговлей. В статьях, посвященных городам и другим населенным пунктам, играющим роль хозяйственных центров своей округи, делается акцент на их экономическом развитии вплоть до начала XX в.» [24, с. 4]. Сам ученый «взял на себя описание сибирских городов в XVII – первой половине XVIII вв. и характеристики некоторых известных ему купцов той далекой эпохи».

Второе энциклопедическое издание существенно дополнило историю династий барнаульских, томских, маринских, красноярских, иркутских и других сибирских купцов. Заслуги Д.Я. Резуна как умелого организатора и как исследователя в подготовке и издании энциклопедических изданий весьма значительны.

Ученым опубликовано более тысячи научных работ, в том числе двадцать монографий, которые известны не только в России, но и за рубежом. Среди трудов Дмитрия Яковлевича можно найти все виды историографических жанров. Применяемые им методы и подходы, выбор темы, обработка, систематизация исторических источников заслуживают внимания и, возможно, отдельного изучения.

Под руководством Д.Я. Резуна защищено шестнадцать докторских и кандидатских диссертаций. Ученый неоднократно выступал инициатором проведения конференций по истории предпринимательства в Сибирском регионе.

За большой вклад в развитие исторической науки и образования Д.Я. Резун награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством», премией им. академика В.А. Коптюга, дипломами Российской академии наук, Национальной академии Республики Беларусь и другими наградами.

Не подлежит сомнению, что д-р ист. наук Д.Я. Резун много сделал для развития исторической науки в Сибири и в России. По изучению истории сибирского предпринимательства в дореволюционной Сибири ученым проделана колоссальная исследовательская и организаторская работа, и сегодня мы можем отметить многочисленность публикаций, жанровое многообразие, увеличение источниковой базы, новые методологические подходы. В редактируемых Д.Я. Резуном сборниках, коллективных работах, в подготовке и проведении научных конференций четко прослеживается его роль как крупного исследователя и организатора изучения истории предпринимательства в дореволюционной Сибири.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Комлева Е.В.* Сибирское купечество в освещении современной российской историографии (конец 1980–2010-е гг.) // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие: материалы Первой Всероссий. науч. конф. Томск, 2014. С. 45–61.
2. *Скубневский В.А., Гончаров Ю.М.* Сибирское купечество – ведущая сила развития родного края // Культурное наследие Азиатской России: материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса. Тобольск, 1997. С. 215–243.
3. *Ивонин Р.А.* Сибирский историк Дмитрий Яковлевич Резун (к 60-летию со дня рождения) // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв.: сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 3–11.
4. *Ламин В.А., Ус Л.Б.* Историк по призванию // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв.: сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 299–300.
5. *Каменецкий И.П.* Корабли, книги и окружение Д.Я. Резуна (субъективные заметки об учителе) // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв.: сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 294–298.
6. *Каменева В.А.* Д.Я. Резун – грани таланта // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв.: сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 12–15.
7. *Резун Д.Я.* О периодизации развития исторической урбанистики Сибири XVII–XX вв. // Городская культура Сибири: История и современность. Омск, 1997. С. 16–31.
8. *Резун Д.Я.* Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII века. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. 220 с.
9. *Резун Д.Я.* Русские в среднем Причумылье в XVII–XIX вв. (проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. 196 с.
10. *Резун Д.Я., Васильевский П.С.* Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосибир. кн. изд-во, 1989. 309 с.
11. *Бойко В.П.* Основные проблемы историографии сибирского купечества и перспективы его дальнейшего изучения // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX–XXI вв.: сб. науч. тр. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2014. Вып. 5. С. 205–215.
12. *Комлева Е.В.* Вклад Дмитрия Яковлевича Резуна в сибирскую урбанистику // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск: Академ. изд-во «Гео», 2013. Т. 2. С. 462–464.

13. Резун Д.Я. История городов Сибири в отечественной русской историографии XVIII–XIX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии, 1991. 35 с.

14. Горюшкин Л.М., Ламин В.А., Резун Д.Я. Исторический опыт развития предпринимательства в Сибири // Всероссийская конференция по экономическому развитию Сибири. Новосибирск, 1993. С. 1–20.

15. Резун Д.Я., Беседина О.Н. Городские ярмарки Восточной Сибири XVIII – первой половины XIX в. Новосибирск: ВО «Наука», Сиб. изд. фирма, 1993. 140 с.

16. Резун Д.Я., Беседина О.Н. Городские ярмарки Западной Сибири XVIII – первой половины XIX в. Новосибирск: ВО «Наука», Сиб. изд. фирма, 1992. 157 с.

17. Таможенные книги сибирских городов XVII века / гл. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 1997.

18. Резун Д.Я. К истории бытовой культуры жителей Енисейска в XVII в. // Города Сибири XVII – начала XX в.: сб. науч. стат. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2004. Вып. 2: История повседневности. С. 75–81.

19. Ананьев Д.А., Комлева Е.В., Раев Д.В., Соколовский И.Р., Туманик Е.Н. Новые земли и освоение Сибири в XVII–XIX вв. Очерки истории и историографии. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН. 227 с.

20. Резун Д.Я. О численности и составе купечества города Березова в конце XVIII – первой половине XIX в. // Города Сибири XVIII – начала XIX в.: сб. науч. стат. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 3–9.

21. Резун Д.Я. Гильдии в России и формирование менталитета отечественных предпринимателей // Гуманитарные науки в третьем тысячелетии: сб. науч. тр. кафедры гуманитарных дисциплин. Новосибирск: НИЭМ, 2009. С. 4–11.

22. Резун Д.Я. Сибирский и американский город на фронтире // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001. С. 24–28.

23. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4 т. / под ред. Д.Я. Резуна, Д.М. Терешкова. Новосибирск: РИПЭЛ-плюс, 1994–1999.

24. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск: Академ. изд-во «Гео», 2012. Т. 1. 450 с.

25. Гончаров Ю.М. Барнаулская школа исторического городождения на рубеже XX–XX вв. // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: сб. науч. стат. СурГУ: Курган: Курганский Дом печати, 2015. С. 14–18.

26. Комлева Е., Зиновьев В., Журavel' О. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: возвращенные имена и раскрытые судьбы // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 251–256.

## REFERENCES

1. Komleva E.V. The Siberian merchant class in the light of modern Russian historiography (the late 1980–2010). *Sibirskoe kupechestvo: istoki, deyatel'nost', nasledie: materialy Pervoy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Tomsk, 2014, pp. 45–61. (In Russ.)

2. Skubnevskiy V.A., Goncharov Yu.M. Siberian merchants as a leading force in developing their home region. *Kulturnoe nasledie Aziatskoy Rossii: materialy I Sibiro-Uralskogo istoricheskogo kongressa*. Tobolsk, 1997, pp. 215–243. (In Russ.)

3. Ivonin R.A. Dmitry Yakovlevich Rezun, a Siberian historian (to the 60<sup>th</sup> anniversary). *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo i kulturnogo razvitiya Sibiri XVII–XX vv.* Novosibirsk, 2005, pp. 3–11. (In Russ.)

4. Lamin V.A., Us L.B. A historian by vocation. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo i kulturnogo razvitiya Sibiri XVII–XX vv.* Novosibirsk, 2005, pp. 299–300. (In Russ.)

5. Kamenetsky I.P. Ships, books and encirclement of D. Ya. Rezun (subjective notes about the teacher). *Problemy sotsial'no-*

*ekonomicheskogo i kulturnogo razvitiya Sibiri XVII–XX vv.* Novosibirsk, 2005, pp. 294–298. (In Russ.)

6. Kameneva V.A. D.Ya. Rezun – the talent facets. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo i kulturnogo razvitiya Sibiri XVII–XX vv.* Novosibirsk, 2005, pp. 12–15. (In Russ.)

7. Rezun D.Ya. On periodization of the historical urban studies in Siberia of the XVII–XX centuries. *Gorodskaya kul'tura Sibiri: istoriya i sovremennost'*. Omsk, 1997, pp. 16–31. (In Russ.)

8. Rezun D.Ya. Essays on the Siberian urban area history of the late XVI – early XVII centuries. Novosibirsk: Nauka, 1982, 220 p. (In Russ.)

9. Rezun D.Ya. Russians in the middle Prechulymie in the VII–XIX centuries (the problems of socio-economic development of Siberian towns). Novosibirsk: Nauka, 1984, 196 p. (In Russ.)

10. Rezun D.Ya., Vasilievsky R.S. Annals of Siberian cities. Novosibirsk: Novosibirsk Publ. House, 1989, 309 p. (In Russ.)

11. Boiko V.P. Basic problems of historiography of the Siberian merchants and prospects of their further study. *Khozyaistvennoe i kulturnoe razvitie Urala i Sibiri v XIX–XXI vv.* Tomsk, 2014, vol. 5, pp. 205–215. (In Russ.)

12. Komleva E.V. Dmitry Rezun's contribution to Siberian urbanistics. *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri*. Novosibirsk, 2013, vol. 2, pp. 462–464. (In Russ.)

13. Rezun D.Ya. History of the Siberian cities in the Russian historiography of the XVIII–XIX centuries: diss. thesis. Novosibirsk, 1991, 35 p. (In Russ.)

14. Goryushkin L.M., Lamin V.A., Rezun D.Ya. The historical experience of the entrepreneurship development in Siberia. *Vserossiyskaya konferentsiya po ekonomicheskomy razvitiyu Sibiri*. Novosibirsk, 1993, pp. 1–20. (In Russ.)

15. Rezun D.Ya., Besedina O.N. Urban fairs in East Siberia in the XVIII–early XIX centuries. Novosibirsk: Nauka, 1993, 140 p. (In Russ.)

16. Rezun D.Ya., Besedina O.N. Urban fairs in West Siberia in the XVIII–early XIX centuries. Novosibirsk: Nauka, 1992, 157 p. (In Russ.)

17. Rezun D.Ya. (ed). Customs books of Siberian cities of the XVII century. Novosibirsk: RIPEL Plus, 1997. (In Russ.)

18. Rezun D.Ya. To the history of the everyday culture of Yeniseisk town population in the XVII century. *Goroda Sibiri XVII – nachala XX v.* Barnaul, 2004, iss. 2, pp. 75–81. (In Russ.)

19. Ananiev D.A., Komleva E.V., Raev D.V., Rezun D.Ya., Sokolovskiy I.R., Tumanik E.N. New lands and the development of Siberia in the XVII–XIX centuries. Essays on the history and historiography. Novosibirsk: Sova, 2006, 227 p. (In Russ.)

20. Rezun D.Ya. On the merchants number and composition in the town of Berezovo in the late XVIII – early XIX centuries. *Goroda Sibiri XVIII – nachala XIX v.* Barnaul, 2001, pp. 3–9. (In Russ.)

21. Rezun D.Ya. Guilds in Russia and forming the domestic entrepreneurs' mentality. *Gumanitarnye nauki v tret'em tysyacheletii*. Novosibirsk, 2009, pp. 4–11. (In Russ.)

22. Rezun D.Ya. Siberian and American city on a frontier. *Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.* Novosibirsk, 2001, pp. 24–28. (In Russ.)

23. Rezun D.Ya., Tereshkov D.M. (ed.). The brief encyclopedia on the history of the merchants and commerce in Siberia. Vol. 1–4. Novosibirsk: RIPEL-Plus, 1994–1999. (In Russ.)

24. Rezun D.Ya. (ed.). The encyclopedic dictionary of the history of the merchants and commerce in Siberia. Novosibirsk: Geo, 2012, vol. 1, 450 p. (In Russ.)

25. Goncharov Y.M. Barnaul historical school of the urban studies. *Istoricheskaya urbanistika: proshloe i nastoyashchee goroda*. Kurgan, 2015, pp. 14–18. (In Russ.)

26. Komleva E., Zinoviev V., Zhuravel' O. The encyclopedic dictionary on the history of the merchants and commerce in Siberia: returned names and revealed destinies. *Quaestio Rossica*. 2015, no. 2, pp. 251–256. (In Russ.)

DOI: 10.15372/HSS20180302  
УДК 930(571.1/5)

Е.В. КОМЛЕВА

## СИБИРСКОЕ КУПЕЧЕСТВО В ОЦЕНКЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Институт истории СО РАН,  
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье анализируются представления западноевропейских и американских авторов о сибирском купечестве и его роли в экономическом и социокультурном развитии Северо-Восточной Евразии. Первые зарисовки из жизни сибирского купечества, а также красочные характеристики отдельных представителей этого слоя общества вышли из-под пера иностранных путешественников второй половины XVII – начала XX в. В центре внимания зарубежных, преимущественно американских, исследователей XX в. находились вопросы, связанные с продвижением России на восток, участием в этом процессе предпринимателей, развитием русско-китайских экономических отношений и торговлей пушниной в Северо-Тихоокеанском регионе. Интерес к указанным темам характерен и для современной англоязычной историографии. Особое значение имеет недавно опубликованная работа американской исследовательницы Эрики Монахан, посвященная сибирскому купечеству конца XVI–XVIII в. На примере действовавших в Сибири купцов разного регионального и этнического происхождения автор рассматривает условия функционирования купеческого капитала на территории региона, взаимодействие коммерсантов с центральными и местными властями.

*Ключевые слова:* зарубежная историография, освоение Северо-Восточной Евразии, сибирское купечество, образ жизни, торговля пушниной, русско-китайские экономические отношения, взаимодействие с государством.

E. V. KOMLEVA

## SIBERIAN MERCHANTRY FROM THE VIEWPOINT OF WESTERN EUROPEAN AND AMERICAN HISTORIOGRAPHY

Institute of History SB RAS,  
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article analyzes the views of Western European and American authors on Siberian merchantry and its role in the economic and socio-cultural development of North-Eastern Eurasia. The first sketches of the lives of Siberian merchants and colorful characteristics of individual members of this stratum of society came from the pen of the foreign travelers of the second half of the XVII – the early XX century. In the XX century the foreign researchers focused on the issues related to the movement of Russia to the East, the participation of entrepreneurs in this process, the development of Russian-Chinese economic relations and fur trade in the North Pacific region. The interest in these topics is also characteristic of modern English-language historiography. Of particular importance is the recently published work of American researcher Erica Monahan, dedicated to the Siberian merchants of the late XVI–XVIII century. Using the examples of merchant dynasties of different regional and ethnic origin operating in Siberia the author considers the conditions of functioning of merchant capital in the territory of the region, interaction of businessmen with central and local authorities. E. Monaghan draws attention to the flexibility of the Russian government towards the participants of the process of development of new Siberian territories. Inscribing the Russian realities of the late XVI–XVIII centuries in a broader context, the author considers trade as the main mechanism by which the Russian government sought to assert its influence in Asia. In general, while assessing the genesis of capitalist relations in Russia, foreign researchers noted the dominant role of the state in the economy, the desire of power structures to control as much as possible the actions of private entrepreneurs. A characteristic feature of the works of foreign researchers is the desire to present the processes in a global context, to identify the place and importance of Russia in the development of the world economy.

*Key words:* foreign historiography, development of the North-East of Eurasia, Siberian merchantry, way of life, fur trade, Russian-Chinese economic relationship, interaction with the state.

---

Евгения Владиславовна Комлева – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: feodal@history.nsc.ru.

Evgeniya V. Komleva – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

Начиная с конца XV–XVI в. иностранцы проявляли большое внимание к феномену российской государственности. Сохранилось множество оставленных ими документальных свидетельств и теоретических рассуждений об особенностях мировоззрения, характера и бытового уклада населения, взаимоотношениях личности, общества и власти в России. Многие сюжеты из русской истории стали предметом самого серьезного осмысления в зарубежной историографии XX в., по-прежнему продолжая вызывать интерес и в настоящее время. В работах иностранных исследователей, посвященных различным проблемам русской истории Нового времени, довольно часто можно встретить упоминания о сибирском купечестве, хотя большинство авторов не заостряли внимание специально на данном региональном отряде предпринимателей, а рассматривали его деятельность в рамках российского купечества в целом. В настоящей статье дан краткий обзор эволюции представлений о сибирских купцах в западноевропейской и американской историографии с XVII в. до современности.

Один из первых письменных отзывов иностранных подданных о сибирских купцах относится ко второй половине XVII в. и принадлежит французскому П.-М. де Ламартиньеру, который характеризовал Сибирь как огромную, неизвестную область, простиравшуюся до стен Китая [1, с. 158]. Основываясь на сообщениях очевидцев, Ламартиньер писал: «Местные купцы пьют чай с сахаром, как и мы, и употребляют его, как прекрасное лекарство против болезни легких (*maladies des poulmons*), против скопления ветров в животе и расстройства желудка. Его привозят в бумаге [в бумажных пакетах] с китайскими надписями, и в каждом свертке заключается 1 фунт» [1, с. 159]. В XVIII в. состояние сибирских городов и их жители характеризовались в работах знаменитых иностранных ученых, находившихся на русской службе, – И. Гмелина, П. Палласа, Г. Миллера, Г. Стеллера, И. Фалька, отмечавших, с одной стороны, развитие в регионе торговли, а с другой – экономическую слабость местного купечества [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8].

Более подробные сведения, а также замечания о проблемах и перспективах социально-экономического развития Сибири оставили западноевропейские и американские путешественники XIX – начала XX в.: Дж. Кохрэн [9], Ю. Клапрот [10], Т. Аткинсон [11], Л. Аткинсон [12], П. Коллинз [13], Дж. Кеннан [14, 15], Й. Лид [16], Ф. Нансен [17]. В своих путевых заметках и воспоминаниях они описывали увиденное, обращая внимание на детали, казавшиеся обычными жителям России. Зачастую, по мере знакомства с реалиями, представления иностранцев о Сибири претерпевали серьезные изменения. Так, американец Дж. Кеннан был поражен объемом вывозившихся из региона товаров и подчеркивал, что расхожее среди его соотечественников мнение об азиатской части России как о безжизненной пустыне не соответствует действительности [14, с. 21, 23]. Иностранные пу-

тешественники создавали яркие зарисовки встреченных ими отдельных представителей сибирского купечества, отмечали их гостеприимство и радушие, неоднократно подчеркивали, что «цивилизация» проникла в самые отдаленные уголки – повсюду можно было встретить великолепно образованных и воспитанных на западноевропейский манер людей, в том числе купцов. Конечно, эти весьма любопытные свидетельства, составленные на основе личного опыта, отличаются фрагментарностью и не претендуют на какой бы то ни было обобщенный анализ социальной роли сибирского купечества в целом.

Работы профессиональных историков, в которых так или иначе затрагивается положение торгово-предпринимательских слоев населения Сибири, появились лишь в XX в. Зарубежных авторов преимущественно интересовала проблематика, связанная с продвижением России на северо-восток Евразии и ролью в этом процессе торговли. В 1940–1950-х гг. вышли в свет публикации американских историков Р. Фишера и Е. Рича о пушной торговле в Сибири [18, 19, 20]. Исследователи отмечали важную роль государства в процессе колонизации региона, его активное вмешательство во все сферы местной жизни, включая добычу зверя и торговлю мягкой рухлядью, приносившую огромный доход.

Другой американский исследователь – С. Фоуст – в 1961 г. указывал, что «механизм возникновения “служилого государства” (“service state”) в России и территориальная экспансия государства пока еще слабо изучены», заметив, что именно центральная власть была в первую очередь заинтересована в освоении северо-восточных земель и занималась организацией их широкомасштабной колонизации, а купечество, в том числе крупное, находилось в «вынужденной зависимости и служении государству» и, несмотря на несомненный и значительный вклад в продвижение России к тихоокеанскому побережью, не только редко получало поддержку от государственной власти, но и вынуждено было конкурировать с ней [21, с. 469, 471, 475]. Конкуренцию представителей частного капитала с государством С. Фоуст подчеркивал и в своих исследованиях по эволюции русско-китайских экономических отношений [22, 23]. Эти же идеи о слабости русского купечества и доминировании государства в последующем развивались в работах таких западных исследователей, как С. Томпстоун [24], Р. Келли [25], Е.-М. Столберг [26]. По словам специалиста в области англо- и германоязычной историографии по истории освоения Сибири Д.А. Ананьева, «признавая большое значение торговли, американские историки все же представляли процесс хозяйственного освоения Сибири как многофакторный, требующий всестороннего изучения» [27, с. 126].

На глубокую конфронтацию интересов отдельной личности и государства, характерную для России конца XIX в., обратил внимание и Я. Коцонис в своем исследовании реформирования российской системы

налогообложения. Анализируя развернувшуюся в то время общественную дискуссию о введении подоходного налога, он писал: «Дебаты и риторика были обусловлены самой идеей о том, что государство и общество, государство и экономика, государство и человек являются антиподами» [28, с. 90]. Я. Коцонис отмечал стремление государства контролировать купеческий бизнес, внутренние тайны которого воспринимались как неприемлемая практика российских коммерсантов, «проявляющая в узком стремлении к “личному обогащению и успеху”» и игнорировании общественного мнения [28, с. 94].

Со взаимодействием государства и представителей частного капитала тесно связана разработка такой проблемы, как генезис капиталистических отношений в России. Дж. Фурман считал главным препятствием на пути к развитию капитализма в XVI–XIII вв. крепостное право [29, с. 258], а Д. Коллинз отмечал, что для всех русских купцов был характерен гораздо больший интерес к торговле, чем к развитию промышленности [30, с. 131].

Одним из первых в мировой историографии обратился к изучению особенностей генезиса капитализма собственно в Сибири на примере становления и развития периодической торговли американский исследователь Р. Дрю, опубликовавший в 1960-х гг. серию статей, посвященных сибирским ярмаркам. Исследователь указывал на специфику, присущую ярмарочной торговле в Западной, Центральной и Восточной Сибири, подчеркивал стремление государства держать под контролем торговую сеть региона. Одно из доказательств появления «торгового капитализма» в Сибири XVIII в. Р. Дрю видел в широком распространении среди купцов практики взаимного кредитования, делая оговорку, что время появления «надежной и разветвленной системы кредитования», а также его формы остаются до конца не ясными [31, с. 438–439]. В то же время Дрю считал, что не следует преувеличивать роль ярмарок «в развитии активного торгового класса в Сибири», поскольку «основа местной коммерческой жизни существовала там совершенно отдельно от торговли и обмена, проводимого в Ирбите и других ярмарочных местах» [31, с. 437].

Отдельное направление в зарубежной историографии связано с разработкой проблем развития геополитической ситуации, экономических связей и соперничества в Северо-Тихоокеанском регионе. Связанные с этим сюжеты рассматривали Дж. Ленсен [32], Дж. Стефан [33], Б. Дмитришин, Е. Краунхарт-Вогэн и Т. Вогэн [34], Дж. Гибсон [35], Е.-М. Столберг [26], С. Хэйкок [36], Л. Блэк [37], Д. Иглер [38], К. Померанц и С. Топик [39], А. Лэвам и Х. Кавакацу [40], Р. Равали [41] и многие другие авторы. Особое внимание уделялось обсуждению причин создания и деятельности Российско-Американской компании. Подробный историографический обзор работ англо- и германоязычных историков по данному вопросу представлен в статье Д.А. Ананьева, который

указывает на разнообразие точек зрения зарубежных исследователей, отсутствие у них «единой, доминирующей концепции освоения русскими Дальнего Востока, Тихоокеанского региона и Северной Америки» [42, с. 53].

Что касается такой важной сферы, как ментальность и особенности мировоззрения действовавшего на территории Сибири купечества, то в зарубежной историографии XX в. господствующей оставалась точка зрения о культурной неразвитости, сильной зависимости от государства не только сибирских, но и вообще всех российских предпринимателей. В 1950-х гг. вышла широко известная работа американского историка М. Раева о М.М. Сперанском, в которой, в частности, отмечалось, что М.М. Сперанский «был потрясен низким уровнем культурного и духовного развития, которое он обнаружил даже среди городской верхушки» [43, с. 74]. В увидевшем свет в 1982 г. фундаментальном труде А. Рибера «Купцы и предприниматели в Имперской России» [44] – первом специальном исследовании истории русского купечества после публикации в 1922 г. монографии П.А. Берлина [45] – сделан акцент на этническом и культурном многообразии предпринимательского слоя России, неспособности его представителей преодолеть многочисленные внутренние противоречия и создать единый «бизнес-класс», их «политической наивности». На низкий культурный уровень российских предпринимателей, большинство из которых даже в конце XIX в. не только не вели бухгалтерские записи, но и вовсе не владели грамотой, указывал в вышедшей в 2014 г. монографии Я. Коцонис [28, с. 127].

Большим событием, несомненно, можно считать появление в 2016 г. фундаментального труда американской исследовательницы Э. Монахан, впервые в зарубежной историографии специально посвященного сибирскому купечеству [46]. В центре внимания Э. Монахан – история крупных купеческих династий различного регионального и этнического происхождения, составивших свое состояние на сибирской торговле. Вписывая российские реалии конца XVI – XVIII в. в глобальный контекст, автор рассматривает торговлю в качестве основного механизма, с помощью которого московское правительство стремилось утвердить свое влияние в Азии. По мнению исследователя, «государство требовало служения от всех социальных групп, и купцы не были исключением» [46, с. 220]. В то же время Э. Монахан обращает внимание на гибкость позиции центральной власти по отношению к участникам процесса освоения новых сибирских территорий. В частности, православное государство не препятствовало широкомасштабной деятельности здесь купцов-мусульман, таких как выходцы из Средней Азии – бухарцы Шабабины, которые к концу XVIII в. входили в число наиболее состоятельных торговцев Тюмени [46, с. 255]. Как и некоторые из предшествовавших исследователей, Э. Монахан упоминает о неоднократных попыт-

ках создать в первой половине XVIII в. русскую купеческую компанию для торговли с Китаем и ставит вопрос о причинах неудачи этих планов [46, с. 242]. Характеризуя образ жизни и менталитет крупнейших купцов, американская исследовательница отмечает их участие в «западных культурных инновациях» XVII в., что усиливало связи купечества с высшими слоями московского общества [46, с. 247].

Таким образом, западная историография прошла путь от простого упоминания отдельных представителей сибирского купечества до появления крупного обобщающего труда, посвященного этому социальному слою. Основной круг вопросов, при изучении которых иностранные исследователи обращались к сюжетам из истории сибирского купечества, связан с ролью торговли пушниной в продвижении России на восток в конце XVI – XVIII в. и характеристикой русско-китайских экономических отношений. При оценке генезиса капитализма в России зарубежные авторы отмечали доминирующую роль государства в экономике, стремление властных структур максимально контролировать действия частных предпринимателей. Характерной чертой работ американских и западноевропейских историков можно считать их стремление представить происходившие процессы в глобальном контексте, выявить место и значение России в развитии мировой экономики.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРА

1. *Де Ламартиньер П.-М.* Путешествие в северные страны, в котором описаны нравы, образ жизни и суеверия норвежцев, лапландцев, килопов, борандайцев, сибиряков, самоедов, ново-земельцев и исландцев, со многими рисунками / Пер., объяснения и прим. В.Н. Семенковича. М.: Изд. Моск. Археол. ин-та, 1911. 264 с.
2. *Gmelin J.* Reise durch Siberien von den Jahren 1733–1743. Göttingen: Vandenhöck, 1751. Bd. I. 417 S.
3. *Pallas P.* Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. Bd. 3. St. Petersburg: Gedruckt bei der Kayserlichen Akademie der Wissenschaften, 1776. Buch 1: Reise im ostlichen Sibirien und bis in Daurien 1772stes Jahr. 454 S.
4. *Pallas P.* Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. Bd. 3. St. Petersburg: Gedruckt bei der Kayserlichen Akademie der Wissenschaften, 1776. Buch 2: Reise aus Sibirien zurück an die Wolga im 1773sten Jahr. 305 S.
5. *Миллер Г.Ф.* Описание о торгах сибирских. СПб.: Имп. Акад. наук, 1756. 172 с.
6. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Миллера / подг. А.Х. Элерт. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 310 с.
7. *Steller G.W.* Reise von Kamtschatka nach America mit dem Commandeur-Capitän Bering. Ein Pendant zu dessen Beschreibung von Kamtschatka. St. Petersburg: J. Z. Logan, 1793. 146 S.
8. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею наук по предложению ее президента. СПб.: Имп. Акад. наук, 1824. Т. 6, X, 546 с.
9. *Cochrane J.* Narrative of a Pedestrian Journey Through Russia and Siberia Tartary, from the Frontiers of China to the Frozen Sea and Kamchatka; performed during the years 1820, 1821, 1822, and 1823. Philadelphia: H.C. Carey, I. Lea, and A. Small, 1824. 415 p.
10. *Klaproth J.* Mémoires relatifs à l'Asie, contenant des recherches historiques, géographiques et philologiques sur les peuples de l'Orient. Paris: Dondey-Dupré père et fils, 1824. Т. I. 479 p.
11. *Atkinson T.W.* Oriental and Western Siberia: a Narrative of Seven Years' Explorations and Adventures in Siberia, Mongolia, the Kirghis steppes, Chinese Tartary, and Part of Central Asia. New York: Harper and Brothers Publishers, 1858. 555 p.
12. *Atkinson L.* Recollections of the Tartar Steppes and their inhabitants. New York: Arno Press, 1970. Vol. XVI. 351 p.
13. *Collins P.* A voyage Down the Amoor. New York: D. Appleton & Company, 1860. 390 p.
14. *Кеннан Дж.* Сибирь: в 2 т. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1906. Т. I. VII, 227 с.
15. *Кеннан Дж.* Сибирь: в 2 т. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1906. Т. II. 183 с.
16. *Люд Й.* Сибирь – странная ностальгия. Автобиография. М.: Весь Мир, 2009. 304 с.
17. *Нансен Ф.* В страну будущего: Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Пг.: Склад при конторе изданий Т-ва А.Ф. Маркс, 1915. 631 с.
18. *Fisher R.* The Russian Fur Trade: 1550–1700. Berkely, Los Angeles: University of California Press, 1943. Vol. XI. 275 p.
19. *Fisher R.* Mangazeia: a boom town of the seventeenth century Siberia // Russian Review. 1944–1945. Vol. 4, N 1. P. 89–99.
20. *Rich E.* Russia and the Colonial Fur Trade // The Economic History Review. New series. 1955. Vol. 7, N 3. P. 307–328.
21. *Foust C.* Russian Expansion to the East Through the Eighteenth Century // The Journal of Economic History. 1961. Vol. 21, N 4. P. 469–482.
22. *Foust C.* Russia's Peking caravan. 1689–1762 // South Atlantic Quartely. 1968. Vol. 67, N 1. P. 108–124.
23. *Foust C.* Muscovite and mandarin: Russia's trade with China and its setting, 1725–1805. Chapel Hill, North Carolina: Univ. of North Carolina Press, 1969.
24. *Thompson S.* Russia's tea traders: a neglected segment of a still neglected entrepreneurial class // Renaissance and Modern Studies. 1980. Vol. 24. P. 131–163.
25. *Kelly R.* The fur Siberian Trade with Countries of the east (the end of the XVII and the beginning of the XVIII centuries) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. М.; Иркутск, 1987. Ч. 2. С. 186–192.
26. *Stolberg E.-M.* Interracial Outposts in Siberia: Nerchinsk, Kiakhta, and the Russo-Chinese Trade in the Seventeenth/Eighteenth Centuries // Journal of Early Modern History. 2000. Vol. 4. P. 322–336.
27. *Ананьев Д.А.* История Сибири конца XVI – XIX вв. в англо- и германоязычной историографии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 289 с.
28. *Kotsonis Y.* States of Obligation: Taxes and Citizenship in the Russian Empire and Early Soviet Republic. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2014. 483 p.
29. *Fuhrmann J.* The Origins of Capitalism in Russia: Industry and Progress in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Chicago: Quadrangle Books, 1972. 376 p.
30. *Collins D.* Plans for Railway Development in Siberia, 1857–1890, and Tsarist Colonialism // Siberica. A Journal of North Pacific studies. Winter 1990–1991. Vol. I, N 2. P. 129–150.
31. *Drew R.* The Siberian Fair. 1600–1750 // Slavonic and East European Review. 1961. Vol. 39, N 93. P. 423–439.
32. *Lensen G.* The Russian Push Toward Japan: Russo-Japanese Relations, 1697–1875. Princeton: Princeton University Press, 1959. 553 p.
33. *Stephan J.* The Kuril Islands: Russo-Japanese Frontier in the Pacific. Oxford: Clarendon Press, 1974. Vol. XIII, 279 p.
34. *Dmytryshyn B., Crownhart-Vaughan E.A.P., Vaughan T.* Russian Penetration of the North Pacific Ocean, 1700–1799: a Documentary Record. Portland: Oregon Historical Society Press, 1988. 558 p.
35. *Gibson J.* Russian Expansion in Siberia and America // Geographical Review. 1980. Vol. 70, N 2. P. 127–136.

36. *Haycox S.* Alaska: an American Colony. Seattle: University of Washington Press, 2002. 372 pp.

37. *Black L.* Russians in Alyaska, 1732–1867. Fairbanks, AK: University of Alaska Press, 2004.

38. *Igler D.* Diseased Goods: Global Exchanges in the eastern Pacific Basin, 1770–1850 // *American Historical review*. 2004. Vol. 109, N 3 (June). P. 693–719.

39. *The World That Trade Created: Society, Culture, and the World Economy, 1400 to Present* / Ed. by K. Pomeranz, S. Topik. Armonk; London: M.E. Sharpe, Inc., 2006. 358 p.

40. *Latham A.J.H., Kawakatsu H.* Intra-Asian Trade and the World Market. London: Routledge, 2006. 246 p.

41. *Ravalli R.* The Sea Otter Islands: Geopolitics and Environment in the east Asian Fur Trade // *Asia Pacific: Perspectives*. An electronic journal. 2010. Vol. IX, N 2 (June). P. 27–35.

42. *Ананьев Д.А.* Проблемы истории Русской Америки в англо- и германоязычной историографии // *Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология*. 2012. Т. 11. № 1. С. 47–54.

43. *Raeff M.* Siberia and the Reforms of 1822. Seattle: University of Washington press, 1956. Vol. XVIII. 210 p.

44. *Rieber A.* Merchants and entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill: University of North Carolina press, 1982. 464 p.

45. *Берлин П.А.* Русская буржуазия в старое и новое время. М.: Книга, 1922. 308 с.

46. *Monahan E.* The merchants of Siberia. Trade in early modern Eurasia. Cornell University Press. 2016. 391 p.

#### REFERENCES

1. *De Lamartinier P.-M.* Journey to the North countries which describes the customs, lifestyle and superstition of the Norwegians, Laplanders, Khilops, Borandians, Siberians, Samoyeds, the inhabitants of Novaya Zemlya and Icelanders, with many drawings. Moscow: Moscow Archaeological Institute, 1911, 264 p. (In Russ.)

2. *Gmelin J.* Journey through Siberia in 1733–1743. Goettingen: Vandenhoeck, 1751, vol. I, 417 p. (In Germany)

3. *Pallas P.* Travel through different provinces of the Russian Empire. Band 3. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1776. Book 1: Travel in Eastern Siberia and up to Dauria 1772, 454 p. (In Germany)

4. *Pallas P.* Travel through different provinces of the Russian Empire. Band 3. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1776. Book 2: Trip from Siberia back to the Volga in the 1773, 305 p. (In Germany)

5. *Miller G. F.* Description of the Siberian trading. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1756, 172 p. (In Russ.)

6. Siberia of the XVIII century in Miller's travel descriptions]. Novosibirsk: Sibirskiy Hronograf, 1996, 310 p. (In Russ.)

7. *Steller G. W.* Voyage from Kamchatka to America with the Commandeur-Capitan Bering. A counterpart to its description of Kamchatka. Saint-Petersburg: J. Z. Logan, 1793, 146 p. (In Germany)

8. Travel notes by academician Falk. *A complete collection of scientists travelling to Russia, published by the Imperial Academy of Sciences at the suggestion of its President*. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1824, vol. 6, no. X, 546 p. (In Russ.)

9. *Cochrane J.* Narrative of a Pedestrian Journey Through Russia and Siberia Tartary, from the Frontiers of China to the Frozen Sea and Kamchatka; performed during the years 1820, 1821, 1822, and 1823. Philadelphia: H.C. Carey, I. Lea, and A. Small, 1824, 415 p.

10. *Klaproth J.* Asia memoirs, containing historical, geographic and philological research on the Peoples of the Orient. Paris: Dondey-Dupré father and son, 1824, vol. I, 479 p.

11. *Atkinson T.W.* Oriental and Western Siberia: a Narrative of Seven Years' Explorations and Adventures in Siberia, Mongolia, the Kirghis steppes, Chinese Tartary, and Part of Central Asia. New York: Harper and Brothers Publishers, 1858, 555 p.

12. *Atkinson L.* Recollections of the Tartar Steppes and their inhabitants. New York: Arno Press, 1970, vol. XVI, 351 p.

13. *Collins P.* Voyage Down the Amoor. New York: D. Appleton & Company, 1860, 390 p.

14. *Kennan J.* Siberia!: in 2 vols. Saint-Petersburg: Typography of F. Veisberg and P. Gershunin, 1906, vol. I, no. VII, 227 p. (In Russ.)

15. *Kennan J.* Siberia!: in 2 vols. Saint-Petersburg: Typography of F. Veisberg and P. Gershunin, 1906, vol. II, 183 p. (In Russ.)

16. *Lid Y.* Siberia is a strange nostalgia. Autobiography. Moscow: Ves' Mir, 2009, 304 p. (In Russ.)

17. *Nansen F.* To the country of the future: the Great Northern way from Europe to Siberia through the Kar-sea. Petrograd: A. F. Marks Publisher Partnership, 1915, 631 p. (In Russ.)

18. *Fisher R.* The Russian Fur Trade: 1550–1700. Berkely, Los Angeles: University of California Press, 1943, vol. XI, 275 p.

19. *Fisher R.* Mangazeia: a boom town of the seventeenth century Siberia. *Russian Review*. 1944–1945. Vol. 4, no. 1, pp. 89–99.

20. *Rich E.* Russia and the Colonial Fur Trade. *The Economic History Review*. New series. 1955, vol. 7, no. 3, pp. 307–328.

21. *Foust C.* Russian Expansion to the East Through the Eighteenth Century. *The Journal of Economic History*. 1961, vol. 21, no. 4, pp. 469–482.

22. *Foust C.* Russia's Peking caravan. 1689–1762. *South Atlantic Quartely*. 1968, vol. 67, no. 1, pp. 108–124.

23. *Foust C.* Muscovite and mandarin: Russia's trade with China and its setting, 1725–1805. Chapel Hill, North Carolina: Univ. of North Carolina Press, 1969.

24. *Thompson S.* Russia's tea traders: a neglected segment of a still neglected entrepreneurial class. *Renaissance and Modern Studies*. 1980, vol. 24, pp. 131–163.

25. *Kelly R.* The fur Siberian Trade with Countries of the east (the end of the XVII and the beginning of the XVIII centuries). *Relations between the peoples of Russia, Siberia and the East: history and modernity*. Moscow, Irkutsk, 1987. Part 2, pp. 186–192.

26. *Stolberg E.-M.* Interracial Outposts in Siberia: Nerchinsk, Kiakhta, and the Russo-Chinese Trade in the Seventeenth /Eighteenth Centuries. *Journal of Early Modern History*. 2000, vol. 4, pp. 322–336.

27. *Anan'ev D. A.* The history of Siberia in the late 16<sup>th</sup>–19<sup>th</sup> centuries in the English and German-speaking historiography. Novosibirsk: Publishing House of SB RAS, 2012, 289 p. (In Russ.)

28. *Kotsonis Y.* States of Obligation: Taxes and Citizenship in the Russian Empire and Early Soviet Republic. Toronto; Buffulo; London: University of Toronto Press, 2014, 483 p.

29. *Fuhrmann J.* The Origins of Capitalism in Russia: Industry and Progress in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Chicago: Quadrangle Books, 1972, 376 p.

30. *Collins D.* Plans for Railway Development in Siberia, 1857–1890, and Tsarist Colonialism. *Siberica. A Journal of North Pacific studies*. Winter 1990–1991, vol. I, no. 2, pp. 129–150.

31. *Drew R.* The Siberian Fair. 1600–1750. *Slavonic and East European Review*. 1961, vol. 39, no. 93, pp. 423–439.

32. *Lensen G.* The Russian Push Toward Japan: Russo-Japanese Relations, 1697–1875. Princeton: Princeton University Press, 1959, 553 p.

33. *Stephan J.* The Kuril Islands: Russo-Japanese Frontier in the Pacific. Oxford: Clarendon Press, 1974, vol. XIII, 279 p.

34. *Dmytryshyn B., Crownhart-Vaughan E.A.P., Vaughan T.* Russian Penetration of the North Pacific Ocean, 1700–1799: a Documentary Record. Portland: Oregon Historical Society Press, 1988, 558 p.

35. *Gibson J.* Russian Expansion in Siberia and America. *Geographical Review*. 1980, vol. 70, no. 2, pp. 127–136.

36. *Haycox S.* Alaska: an American Colony. Seattle: University of Washington Press, 2002, 372 pp.

37. *Black L.* Russians in Alyaska, 1732–1867. Fairbanks, AK: University of Alaska Press, 2004.

38. *Igler D.* Diseased Goods: Global Exchanges in the eastern Pacific Basin, 1770–1850. *American Historical review*, 2004, vol. 109, no. 3 (June), pp. 693–719.

39. *The World That Trade Created: Society, Culture, and the World Economy, 1400 to Present*. Ed. by K. Pomeranz, S. Topik. Armonk; London: M.E. Sharpe, Inc., 2006, 358 p.
40. *Latham A.J.H., Kawakatsu H.* Intra-Asian Trade and the World Market. London: Routledge, 2006, 246 p.
41. *Ravalli R.* The Sea Otter Islands: Geopolitics and Environment in the east Asian Fur Trade. *Asia Pacific: Perspectives. An electronic journal*. 2010, vol. IX, no. 2 (June), pp. 27–35.
42. *Anan'ev D.A.* Problems of the history of Russian America in English and German language historiography. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2012, vol. 11, no. 1, pp. 47–54. (In Russ.)
43. *Raëff M.* *Siberia and the Reforms of 1822*. Seattle: University of Washington press, 1956, vol. XVIII, 210 p.
44. *Rieber A.* *Merchants and entrepreneurs in Imperial Russia*. Chapel Hill: University of North Carolina press, 1982, 464 p.
45. *Berlin P.A.* *Russian bourgeoisie in old and new times*. Moscow: Kniga, 1922, 308 p. (In Russ.)
46. *Monahan E.* *The merchants of Siberia: Trade in early modern Eurasia*. Ithaca: Cornell University Press. 2016, 424 p.

Статья принята  
редакцией 22.06.2018

DOI: 10.15372/HSS20180303  
УДК 329.15-051"1927"

**В.И. ШИШКИН**

**ПЕРСОНАЛЬНОЕ ДЕЛО КОММУНИСТА В.Б. ЭЛЬЦИНА  
(СЕНТЯБРЬ 1927–ФЕВРАЛЬ 1928 г.)**

Институт истории СО РАН,  
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье выясняются политические практики, которые в сентябре 1927 – январе 1928 г. использовало руководство ВКП(б) против оппозиционера В.Б. Эльцина – одного из ярких представителей молодого поколения большевиков, активно проявивших себя во время революции и гражданской войны, получивших хорошее образование, отличавшихся высокой активностью и принципиальностью. В статье сформулирован вывод о том, что против Эльцина были последовательно применены три репрессивные меры: в конце сентября 1927 г. – высылка из Москвы в Сибирь, закамфлированная под откомандирование в порядке партийной дисциплины; в середине ноября – исключение из рядов ВКП(б) на основании обвинения во фракционной деятельности; в январе 1928 г. – административная ссылка в Усть-Вым автономной области Коми (Зырян).

*Ключевые слова:* В.Б. Эльцин, Сибирская партийная организация, Сибкрайком ВКП(б), внутривнутрипартийная борьба, дискуссия, оппозиция, троцкизм, фракция, контрольная комиссия, политические практики.

**V.I. SHISHKIN**

**THE PERSONAL AFFAIR OF V.B. ELTSIN, A COMMUNIST  
(SEPTEMBER 1927–FEBRUARY 1928)**

Institute of History SB RAS,  
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The aim of this paper is understanding political practices, which were used by the leadership of AUCP(b) in the struggle against intraparty opposition in the mid -1920s. The determination of institutes and “technologies” (instruments, mechanisms and methods), used by Stalin’s majority of the ruling Communist party against its opponents, will permit to get a more complete and objective idea about the state of the political sphere of the Soviet society of that time and the trends of its development, the political culture of different factions of the Bolshevik party, about the causes of the victory won by I.V. Stalin and his supporters over the opposition. The object of research is the Bolshevik-opponent Victor Eltsin, the subject of research is his political behavior and the arsenal of methods, used by the party leadership against him. Victor Eltsin was chosen as the subject and object of the research due to two reasons. Firstly, he was a son of B.M. Eltsin, who belonged to the thin layer of Bolsheviks, who were considered to be “the old party guard”; secondly, Victor Eltsin was a bright representative of a young generation of Bolsheviks, who had shown his worth during the revolution, the civil war and the first half of NEP, due to which he was known among the party elite and wide communist environment. The methodology is based on double reflection, where a retrospective research strategy of a biographical method is combined with the strategy of case study. The author of the article comes to the conclusion that three repressive measures were used against Eltsin: at the end of September of 1927 a temporary assignment by way of party discipline (in fact – an exile) from Moscow to Siberia; in the middle of November – the expulsion from the rows of AUCP(b) based on the charge in faction anti-party activity; in January of 1928 – an administrative exile to Ust-Vym of the autonomous region Komi (Zyrian). Since the autumn of 1927 the above mentioned repressive measures began to play a less important role in the arsenal of political practices, used by Stalin’s leadership of AUCP(b).

*Key words:* V.B. Eltsin, Siberian party organization, Sibkraicom of AUCP(b), intraparty struggle, discussion, opposition, trotskism, faction, control commission, political practices.

---

**Владимир Иванович Шишкин** – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН; профессор, Новосибирский государственный университет, профессор, e-mail: patric@academ.org.

**Vladimir I. Shishkin** – Doctor of History, professor, Chief Researcher, Institute of History SB RAS, professor, Novosibirsk State University.

Политическая сфера советского общества середины 1920-х годов была богато насыщена событиями и процессами разного характера, направленности, масштаба, уровня и значения. Однако не подлежит сомнению, что ее основное содержание, динамика, ритмичность и результаты в решающей степени задавались и детерминировались правившей коммунистической партией и в значительной мере являлись отражением того, что происходило внутри РКП(б) – ВКП(б).

С конца 1923 г. безусловным мейнстримом внутрипартийной жизни являлась борьба, которая велась между сталинским большинством Центрального комитета РКП(б) и оппозицией. В советской историографии, некритически воспроизводившей в качестве своих выводов решения пленумов ЦК, XIV и XV партконференций, XIV и XV съездов партии, утверждалось, что к концу 1927 г. оппозиция потерпела идейное и организационное поражение. Но расхождения, которые имелись между большинством ЦК и оппозицией в теоретической сфере, аргументация сторон и ход идейной борьбы в публикациях советских историков получили фрагментарное и крайне одностороннее освещение. Еще хуже обстояло дело в советской историографии с показом того, как и почему оппозиция была разгромлена организационно.

Несмотря на то, что за последние три десятка лет в России вышли в свет многочисленные воспоминания, документальные публикации и научные исследования, в которых вопрос о внутрипартийной борьбе середины 1920-х годов нашел более полное и объективное освещение, считать его основательно изученным нельзя. Одной из серьезных исследовательских лакун остаются политические практики, которые использовало большевистское руководство в борьбе против оппозиции. В настоящей статье ставится задача частично ликвидировать указанный пробел, проанализировав обстоятельства и «технологии» исключения из ВКП(б) Виктора Эльцина.

Выбор в качестве темы специальной статьи, казалось бы, частного случая сделан осознанно и целенаправленно.

Прежде всего учитывалось то обстоятельство, что Виктор Эльцин был сыном Бориса Михайловича Эльцина, принадлежавшего к тому тонкому слою большевиков, которых считали «старой партийной гвардией». Б.М. Эльцин вступил в РСДРП в 1897 г. С тех пор и до Февральской революции он практически постоянно сочетал работу на врачебном поприще с нелегальной деятельностью, за что подвергался арестам, тюремному заключению, высылкам, был вынужден совершить побег из-под суда и три года скрывался от властей.

Во время революции 1917 г., гражданской войны и в первые годы нэпа Б.М. Эльцин занимал крупные посты в местных и центральных партийных и советских органах: состоял членом коллегии НКВД, членом малого Совнаркома, наркомом социального обеспечения Украины, входил в руководство Главполитпросве-

та<sup>1</sup> [1, с. 29, 53, 82–83; 2, с. 20–27]; являлся делегатом VI Всероссийского чрезвычайного съезда Советов, VIII и IX съездов РКП(б). В 1922–1927 гг. под его редакцией четырежды многотысячными тиражами издавался «Политический словарь», ориентированный на среднеобразованного читателя и содержащий краткое научно-популярное объяснение наиболее общепотребительных терминов. Благодаря всему этому Б.М. Эльцин был хорошо известен в элите и в широкой коммунистической среде. Для своих детей, в том числе Виктора, в вопросах политики он был безусловным авторитетом.

Еще более важным соображением, в силу которого Виктор Эльцин избран в качестве объекта исследования, был его жизненный путь. Если говорить о нем обобщенно и забегая вперед, то нужно отметить, что Виктор Эльцин являлся ярким представителем молодого поколения большевиков, активно проявивших себя во время революции, гражданской войны и в первые годы нэпа.

Конечно, биография, заслуги и известность Эльцина-сына были намного скромнее, чем его отца<sup>2</sup>. Он родился 22 декабря 1898 г. в Могилеве, в 1916 г. окончил реальное училище в Уфе и поступил учиться в только что открывшееся Пермское отделение Петроградского университета. Но после Февральской революции политические события увлекли и захватили студента. В августе 1917 г., находясь на каникулах в Уфе, где жили родители, он вступил в РСДРП(б). С тех пор большевистская партия во всем многообразии ее проявлений заняла в жизни молодого человека центральное место.

Во время революции и гражданской войны места работы и должности младшего Эльцина менялись с калейдоскопической быстротой, из-за чего точно назвать и датировать их оказалось довольно сложно. В августе 1917 г. он являлся партийным пропагандистом в Уфе, в августе–ноябре 1917 г. – членом Мотовилихинского комитета РСДРП(б), в декабре 1917 – апреле 1918 г. – заведующим отделом управления Пермского губисполкома Советов, в мае–июле 1918 г. служил рядовым красноармейцем в отряде особого назначения, в августе–декабре 1918 г. входил в руководство Вятского губисполкома Советов, в том числе около месяца был его председателем. С марта 1919 г. Виктор Эльцин занимался политработой на Восточном фронте, в том числе заведовал политотделом дивизии<sup>3</sup>.

С конца ноября 1919 г. В.Б. Эльцин в составе походного отделения Сибирского ревкома занимался реорганизацией и инструктажем созданных партизанами и повстанцами Алтайского губернского и Семипалатинского областного ревкомов, причем

<sup>1</sup> Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-539. Оп. 3. Д. 7484. Л. 2.

<sup>2</sup> В литературе и в Интернете о В.Б. Эльцине имеются небольшие и малодостоверные биографические справки, в которых неверно указан даже год его рождения. – См., например: [3, с. 22].

<sup>3</sup> Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-6. Оп. 2. Д. 3877. Л. 26, 31.

несколько дней возглавлял первый из них<sup>4</sup>. Позднее он вел политработу среди командного и рядового состава партизан Алтайской и Енисейской губерний, принимал участие в нормализации отношений между партизанскими формированиями и частями Красной армии, в ликвидации недоразумений и конфликтов между ними [4].

В апреле 1920 г. В.Б. Эльцин был направлен на хозяйственный фронт. До конца года он являлся уполномоченным Сибугля по партийно-политической работе на копиях Кузнецкого бассейна<sup>5</sup>. В начале 1921 г. его перебрали на Юг, где первые полгода Эльцин работал председателем правления Криворожского рудничного района, следующие полгода – секретарем Евпаторийского уездно-городского (окружного) комитета РКП(б) в Крыму. В Евпатории Эльцин успешно прошел «генеральную чистку» и получил новый партийный билет, что свидетельствовало о безупречности его политической репутации.

В начале 1922 г. В.Б. Эльцин вернулся в Москву, которая являлась центром притяжения всех революционеров, так как именно здесь вершились судьбы партии, России и мировой революции. В столице он хотел продолжить обучение. Немаловажно было и то, что в Москве жили отец, младшие брат и сестра, нуждавшиеся в его поддержке. Здесь Эльцин сразу же поступил на курсы марксизма при Социалистической академии, по окончании которых в 1923 г. стал слушателем Института красной профессуры. Учебу Эльцин сочетал с научной, преподавательской и партийной работой<sup>6</sup>.

Вслед за своим отцом, в середине октября 1923 г. подписавшим Заявление 46, в котором были изложены программные положения Л.Д. Троцкого и его сторонников, Виктор Эльцин активно включился в оппозиционную деятельность. Уже в начале 1924 г. он участвовал в разъяснении взглядов противников сталинского большинства ЦК в Петрограде<sup>7</sup> [5, с. 172, 199].

В начале 1926 г. к троцкистам присоединились сторонники Г.Е. Зиновьева – так называемая новая оппозиция. Противники сталинского большинства ЦК стали называться объединенной троцкистско-зиновьевской оппозицией. Один из современных исследователей считает, что ядром сформировавшейся оппозиционной среды являлись нелегальные группы, состоявшие из лидеров, активистов и рядовых членов [6]. Эльцин-сын не принадлежал к лидерам, но, безусловно, входил в число наиболее активных, инициативных и устойчивых членов оппозиции.

<sup>4</sup> Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 2. Л. 32; ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 2277. Л. 12–17; Власть Советов. Орган Сибирского походного революционного комитета и Алтайского губернского революционного комитета. Барнаул, 17 декабря 1919 г.; Знамя борьбы и труда. Семипалатинск, 18 декабря 1919 г.

<sup>5</sup> Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-100. Оп. 2. Д. 1526. Л. 1–7.

<sup>6</sup> ГАНО. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 3877. Л. 26, 27, 31; ГА РФ. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 120. Л. 1–9.

<sup>7</sup> Правда. 1924. 9 янв.

Активность, принципиальность и последовательность Виктора Эльцина по достоинству оценили как лидеры оппозиции, так и официальное партийное руководство. В мае 1925 г., судя по всему – по совету Троцкого, он поменял основное место работы: с преподавательской деятельности в Коммунистическом университете трудящихся Востока перешел в Государственное издательство, где его главной обязанностью стала подготовка к изданию многотомного собрания сочинений Троцкого. Тогда же Троцкий, занимавший должность председателя Главного концессионного комитета СССР, взял Эльцина к себе личным секретарем.

В свою очередь сторонники И.В. Сталина попытались создать для деятельности младшего Эльцина искусственные трудности. В ход пошел стандартный, но эффективный прием: переброска на другую работу в порядке партийной дисциплины. 18 июня 1926 г. Секретариат ЦК принял немотивированное постановление о его откомандировании из Москвы в Сибирь, что являлось скрытой формой высылки. Однако Троцкому удалось заблокировать это постановление. 28 июня 1926 г. он обратился в Оргбюро ЦК с просьбой оставить Виктора Эльцина в Москве на один год для подготовки к изданию его трудов. Оргбюро почти месяц вопрос не рассматривало, держа Троцкого и Эльцина в напряжении. Только 26 июля оно заслушало ходатайство Троцкого и постановило «удовлетворить просьбу тов. Троцкого об оставлении т. Эльцина в Москве»<sup>8</sup>. Тем не менее, активная оппозиционная деятельность Эльцина не прошла для него безнаказанно. 8 ноября 1926 г. Московская контрольная комиссия ВКП(б) объявила ему строгий выговор «за участие во фракционной работе»<sup>9</sup>.

В конце мая 1927 г. объединенная оппозиция обнародовала свою платформу – Заявление 83. Среди подписавших этот документ большевиков-ленинцев, как именовали себя оппозиционеры, вторым по стажу пребывания в партии значился старший Эльцин. Правда, в 1924–1925 гг. он тяжело болел, из-за чего почти отошел от активной партийной деятельности. В 1925 г. Борис Михайлович был вынужден перейти на работу из Главполитпросвета в Госплан РСФСР, но связь с Троцким и его сторонниками, в том числе через сына, продолжал поддерживать.

Поскольку по мере приближения к XV съезду ВКП(б) накал борьбы между большинством ЦК и оппозицией нарастал, сторонники Сталина максимально использовали имевшиеся у них властные рычаги для того, чтобы ослабить оппозицию. Тогда же они попытались удалить из Москвы В.Б. Эльцина, являвшегося одним из ближайших и наиболее деятельных сотрудников Троцкого. 16 сентября 1927 г. Секретариат ЦК принял постановление, в соответствии с которым Эльцин должен был в течение недели выехать в распоряжение Сибкрайкома ВКП(б) для преподавательской

<sup>8</sup> Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 653. Л. 6; Оп. 113. Д. 215. Л. 2.

<sup>9</sup> ГАНО. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 3877. Л. 28.

работы. Но Эльцин отказался получить путевку и обратился в Оргбюро ЦК с заявлением, в котором ходатайствовал об отсрочке его откомандирования, мотивируя свою просьбу отсутствием в Москве Троцкого, сочинения которого ему было поручено издать.

17 сентября это заявление было обсуждено опросом секретарей ЦК, по итогам которого было вынесено решение, оформленное постановлением Секретариата ЦК от 23 сентября. Оно обязывало Эльцина «в недельный срок выехать в распоряжение Сибкрайкома». Троцкий и Эльцин обратились в Политбюро ЦК с просьбой отменить это решение. Однако 29 сентября 1927 г. Политбюро, напомнив о письме Троцкого годичной давности, подтвердило постановление Секретариата от 23 сентября 1927 г., обязав Эльцина в течение недели выполнить указание высшего партийного органа<sup>10</sup>.

Видимо, в начале октября 1927 г. В.Б. Эльцин выехал в Сибирь, заручившись договоренностью в ЦК партии о том, что он откомандирован «исключительно для педагогической работы как окончивший Институт красной профессуры по отделению истории Запада». Прибыв 15 или 16 октября в Новосибирск, Эльцин предоставил в Сибкрайком путевку, в которой было указано, для какого рода деятельности ЦК направил его в Сибирь.

Несомненно, руководство крайкома хорошо знало, кто такой В.Б. Эльцин и почему он откомандирован в Сибирь. Именно поэтому оно не спешило с его трудоустройством. Такую задержку Эльцин квалифицировал как волокиту, но использовал возникшую паузу для установления связи с местными оппозиционерами, ранее откомандированными в Новосибирск из Москвы и Ленинграда: Н.П. Мясниковым, Н.Я. Пекарь-Орловым, М.И. Сумецким, Д.Б. Чарным и Д.С. Шейнбергом. Лишь 25 октября 1927 г. бюро Сибкрайкома на своем закрытом заседании приняло решение откомандировать Эльцина в распоряжение Томского окружкома партии на преподавательскую работу в вузах<sup>11</sup>.

На следующий день Эльцин выехал в Томск. Однако руководство Томского окружкома не предоставило ему соответствующую работу, поскольку, как оно 31 октября сообщило Сибкрайкому телеграммой, «преподавательский состав ВУЗов по всем общественно-политическим дисциплинам укомплектован партияцами, которые вполне отвечают предъявляемым требованиям». Вместо преподавания в вузах Томский окружком предложил выпускнику престижного Института красной профессуры другую работу, от которой тот категорически отказался. Исходя из этого, 2 ноября руководство Томского окружкома приняло решение откомандировать Эльцина в распоряжение Сибкрайкома<sup>12</sup>.

Вернувшись в Новосибирск, Эльцин 5 ноября написал в бюро Сибкрайкома ВКП(б) заявление, выдер-

жанное в довольно жестких тонах. В нем говорилось: «[...] Я вынужден заявить в бюро Сибкрайкома энергичный протест против подобного отношения ко мне». В заключение «красный профессор» обратился в бюро Сибкрайкома с просьбой, если оно не в состоянии обеспечить его преподавательской работой в вузах, отправить обратно в распоряжение ЦК ВКП(б)<sup>13</sup>.

В это время в Сибирской партийной организации набирала обороты предсъездовская дискуссия между сталинским большинством ЦК и объединенной оппозицией. Ко времени возвращения Эльцина из Томска в Новосибирск решающий раунд борьбы в краевом центре уже завершился. Дискуссия перемещалась в окружные города и рабочие районы. В соответствии с секретной директивой бюро Сибкрайкома для участия в собраниях партийных ячеек и районных конференциях направлялись специально подготовленные ответственные партработники. Накануне десятой годовщины Октябрьской революции немногочисленные новосибирские оппозиционеры тоже решили отправиться в турне по разным городам, но только не по партийным поручениям, а в порядке частной инициативы<sup>14</sup> [7, с. 85–88].

Совершенно естественно, что Эльцин не остался в стороне от этих событий. 8 ноября вместе с сотрудником Сибстатуправления Чарным он отправился в Омск, не получив на поездку разрешение Сибкрайкома. Это дало основание официальным властям присвоить им оскорбительную кличку «гастролеры». Действительная же причина такого поведения заключалась отнюдь не в пренебрежении партийной дисциплиной. Дело в том, что их отъезд на открывавшуюся в среду в Омске дискуссию совпал с выходными днями, что не позволило оформить командировку в Сибкрайкоме.

В Омске Эльцин встретился с секретарем окружкома Н.А. Филатовым, сообщил ему о цели приезда и обратился с просьбой предоставить возможность принять участие в дискуссии на собраниях в ячейках, на что последний дал свое устное согласие. 10 ноября Чарный и Эльцин отправили в Новосибирск заместителю председателя Сибкрайсовнархоза В.В. Дьякову, у которого проживал Эльцин, телеграмму с просьбой проинформировать Сибкрайком и заведующего Сибстатуправлением В.А. Каврайского о том, что они возвратятся в Новосибирск 14 ноября<sup>15</sup>.

Ко времени приезда Эльцина в Омск благодаря массовой пропаганде партийного аппарата, в ложном свете представлявшего взгляды оппозиционеров как врагов единства, раскольников и даже пособников контрреволюции, они были основательно дискредитированы в глазах большинства рядовых коммунистов. В рабочих ячейках ВКП(б) Чарного и Эльцина сначала даже не хотели допускать на собрания. Но при содействии райкомов и Филатова Эльцина согласились выслушать на собраниях ячеек службы пути,

<sup>10</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 653. Л. 6; Оп. 113. Д. 331. Л. 6, 86.

<sup>11</sup> ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 14. Л. 283.

<sup>12</sup> Там же. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 3877. Л. 2, 4.

<sup>13</sup> Там же. Л. 3.

<sup>14</sup> Там же. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 14. Л. 283.

<sup>15</sup> Там же. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 3877. Л. 7–8, 11.

механического цеха главных железнодорожных мастеровских и водников<sup>16</sup>.

В своих выступлениях в Омске Эльцин не ограничился обсуждением вопросов повестки дня XV съезда: о пятилетнем плане и о работе в деревне. Он пытался разъяснить рядовым коммунистам сущность политики и расхождения между большинством ЦК и оппозицией по широкому спектру внутренних и международных вопросов. В своих выступлениях Эльцин прямо утверждал, что большинство ЦК лишило оппозицию возможности открыто пропагандировать свои взгляды и критиковать ошибки руководства ЦК, из-за чего она, по сути дела, была вынуждена действовать нелегально и даже организовать собственную типографию. Он заявил, что в октябре 1917 г. колебались не только Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев, но и И.В. Сталин; со ссылкой на призыв Н.И. Бухарина «Обогащайтесь!» и пожелание секретаря Сибкрайкома С.И. Сырцова «В добрый час» говорил о наличии у ЦК правого, кулацкого уклона.

Совершенно естественно, что предложенные Эльциным резолюции с осуждением политики большинства ЦК не нашли поддержки у коммунистов, если не считать несколько голосов в ячейке водников. Более того, ячейка механического цеха единогласно потребовала исключить оппозиционеров из рядов ВКП(б) в целях сохранения ее единства, а ячейка службы пути даже осудила персонально Эльцина за выступление с позиций троцкизма против линии ЦК. Тенденциозно интерпретированная информация о партийных собраниях в Омске с участием Чарного и Эльцина была оперативно доложена в Сибкрайком, а затем опубликована в омских и новосибирских газетах<sup>17</sup>.

14 ноября Эльцин вернулся в Новосибирск и подал в бюро Сибкрайкома заявление с просьбой разрешить ему выехать в Анжерку и в Ленинск-Кузнецкий для участия в дискуссии. Но к тому времени сталинское большинство ЦК нанесло по объединенной оппозиции очередной удар: состоявшийся 14 ноября объединенный пленум ЦК и ЦКК принял решение об исключении из ВКП(б) Зиновьева и Троцкого. Ориентируясь на поведение партийных верхов, руководство Сибирской парторганизации резко ужесточило свою позицию. На следующий день Новосибирская окружная контрольная комиссия (ОКК) партии потребовала от Мясникова, Пекарь-Орлова, Чарного, Шейнберга и Эльцина немедленно прибыть в комиссию, поскольку, как утверждалось в ее объявлении, они выезжали «без разрешения парторганов в разные округа Сибири для оппозиционной работы»<sup>18</sup>.

16 ноября Эльцин явился в Новосибирскую ОКК. Здесь партследователь Воронин<sup>19</sup> учинил ему трехча-

совой опрос с пристрастием, который на самом деле являлся настоящим допросом.

Во время этой процедуры Воронин задал Эльцину около двух десятков вопросов. Нет смысла подробно пересказывать эти вопросы допрашивавшего и прозвучавшие на них ответы, которые составляют несколько страниц рукописного текста. Отметим только, что значительная часть вопросов партследователя носила откровенно провокационный характер. Например, Воронин интересовался, где и когда Эльцин участвовал в Новосибирске в нелегальных фракционных собраниях, какая связь у него с местными оппозиционерами, какую имеет оппозиционную литературу и где ее получил, в какой типографии отпечатана оппозиционная платформа и как она распространяется, есть ли у оппозиции своя программа и чем определяется ее дисциплина, ведет ли он фракционную работу и намерен ли вести ее дальше.

Эльцин отвечал на вопросы партследователя довольно полно, точно и иногда даже жестко, категорично отметая интерпретацию своего участия во внутрипартийной дискуссии как фракционную деятельность. Он признал, что не только подписал оппозиционную платформу, но и принимал участие в ее разработке, о чем известно партийным органам Москвы.

Наличие у оппозиции собственной программы и особой дисциплины Эльцин отрицал, заявив: «[...] У нас есть общая программа партии, но к XV съезду имеется платформа большевиков-ленинцев. У нас никакой нет оппозиционной дисциплины».

На вопросы о том, известны ли ему последние сообщения партийно-советских газет об оппозиции и со всеми ли ее действиями он согласен, Эльцин ответил, что полностью газетам не доверяет, так как за последние два года «много неточностей, неверных фактов и прямой лжи сообщалось про оппозицию в официальных газетных извещениях», а со всеми теми действиями большевиков-ленинцев, о которых он знает, согласен и несет за них полную ответственность. В том числе Эльцин назвал несколько конкретных случаев, когда недостоверную информацию давал орган ЦК партии – газета «Правда».

Столь же определенно высказался Эльцин по вопросу об исключении из ВКП(б) 14 ноября пленумом ЦК и ЦКК Троцкого и Зиновьева. «[...] Считаю это постановление неправильным, – заявил он, – тем более, что оно вынесено накануне XV съезда. Этот акт

русский, из крестьян. Три года учился в сельской школе. С 1903 по 1909 г. работал ткачом, с 1909 по 1917 г. – слесарем. В конце весны 1917 г. вступил в РСДРП(б). В мае–ноябре 1917 г. был председателем фабрично-заводской ячейки. В мае–октябре 1918 г. состоял членом Александровского уездного комитета РКП(б). С апреля по ноябрь 1919 г. служил в Красной армии политкомом полка. С сентября 1920 г. заведовал отделами Переславльского и Судогодского уездных комитетов РКП(б), Славгородского уездного исполкома Советов, с сентября 1925 г. был инструктором Славгородского окружного комитета РКП(б), затем – ответственным секретарем партколлегии Славгородской окрКК. С 19 сентября 1927 г. работал партследователем Новосибирской окрКК.

<sup>16</sup> ГАНО. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 3877. Л. 5.

<sup>17</sup> Там же. Оп. 4. Д. 26. Л. 39, 41–43, 46–49; Д. 33. Л. 34–35; Советская Сибирь. 1927. 13, 16 и 17 нояб.

<sup>18</sup> ГАНО. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 3877. Л. 6; Советская Сибирь. 1927. 16 нояб.

<sup>19</sup> Воронин Иван Иванович родился 7 июля 1888 г. в д. Наумова Александровской вол. Александровского уезда Владимирской губ.,

есть нарушение не только внутри[партийной] демократии, но и [является] таким шагом, который будет иметь своим последствием дезорганизацию партийного авангарда, ослабление ленинского крыла в партии, усиление правого крыла, неленинского крыла в нашей партии и сплочение устряловских элементов в советской стране».

Наконец, на заключительный вопрос Воронина: «Ведете ли сейчас фракционную работу и намерены ли вести ее дальше[?]», Эльцин дал такой ответ: «Сейчас фракционной работы не веду, ибо борюсь за исправление линии в партии в так называемой дискуссии. В дальнейшем – зависит от решения съезда и тех условий, которые тогда создадутся в партии»<sup>20</sup>.

В тот же день Воронин представил в Новосибирскую ОКК заключение по делу Эльцина. Составлено оно было неграмотно, тенденциозно, но ожидаемо по выводам. Первоначально партследователь обвинил Эльцина в том, что он состоит во фракционной группе, принимал непосредственное участие в выработке оппозиционной платформы и отказался назвать методы ее распространения, дискредитировал парторганы, нарушил партдисциплину.

Затем к этим обвинениям Воронин присовокупил участие Эльцина в демонстрации на Ярославском вокзале, тесную связь с новосибирскими оппозиционерами, посещение их собраний, категорический отказ от работы, предложенной Томским окружкомом, дискредитацию Сибкрайкома, клевету на газету «Правда» и др. Из этого Воронин сделал выводы о том, что Эльцин является одним из активных оппозиционеров, стремится «систематически разрушать и подрывать единство партийных рядов», тогда как «о каком бы то ни было исправлении своих ошибок и прекращении антипартийной работы Эльцин и не думает»<sup>21</sup>.

На следующий день состоялось заседание президиума Новосибирской ОКК, на котором присутствовали Воронин и Эльцин. Сохранилась не очень качественная стенограмма этого заседания. По делу Эльцина докладывал Воронин, который повторил все обвинения, которые раньше сформулировал в своем заключении. Однако в протоколе заседания было записано, что Эльцин обвиняется только в трех антипартийных проступках: «В участии в нелегальной выработке платформы и ее распространении. Отказался выполнять предложенную ему парторганизациями работу. Дезертировал без согласия на то парторганов в другой округ для ведения фракционной работы».

В своем ответном выступлении Эльцин доказал недостоверность и даже абсурдность предъявленных ему обвинений и признал только одно из них: поездку в Омск без разрешения парторганов. Но он очень четко назвал цель, которую преследовал Воронин: «Все эти обвинения выдуманы [для] того, чтобы исключить меня из партии».

Эльцин довольно убедительно показал, что в течение двух лет внутривнутрипартийной борьбы не оппозиция, а большинство ЦК нарушало все достигнутые договоренности, в том числе по вопросу о снижении накала этой борьбы. Свое выступление он закончил такими словами: «Мы считаем, что боремся не против партии, а за партию, боремся против неправильной политики в партии. Мы считаем нашу борьбу в интересах пролетарской диктатуры. Мы считаем, что наша борьба укрепляет пролетарскую диктатуру и поэтому ведем борьбу внутри партии»<sup>22</sup>.

Тем не менее, президиум Новосибирской ОКК, основываясь на заключении и докладе партследователя, единогласно принял постановление, которое гласило: «Считать фракционную деятельность тов. Эльцина явно антипартийной, направленной к созданию внутри ВКП(б) другой, меньшевистской партии, чуждой ленинизму и пролетарской революции. Эльцина из рядов ВКП(б) исключить». Некоторое время спустя Воронин вручил Эльцину выписку из протокола заседания президиума ОКК, а исключенный сдал ему свой партбилет<sup>23</sup>.

Тем не менее, Эльцин не согласился с решением президиума Новосибирской ОКК. 22 ноября он подал в Сибирскую краевую контрольную комиссию (ККК) ВКП(б) апелляцию, в которой пункт за пунктом разобрал обвинения, предъявленные ему на заседании президиума ОКК, и показал их несостоятельность: участвовал в выработке платформы большевиков-ленинцев не нелегально, а легально; нелегальным распространением платформы не занимался; постановление ЦК и Сибкрайкома об откомандировании в Томский окружком для преподавательской работы в вузах выполнил; в Омск не дезертировал для ведения фракционной работы, а выехал открыто для участия в дискуссии; выступал в дискуссии с санкцией секретаря местного окружкома. Эльцин обратился в Сибирскую ККК с просьбой пересмотреть решение об его исключении из партии<sup>24</sup>.

Судя по всему, примерно по такой же схеме развивались события с Мясниковым, Пекарь-Орловым, Чарным и Шейнбергом. Первые трое из них 13 сентября уже привлекались Сибирской ККК к ответственности за фракционную деятельность и подвергались наказанию. 17 ноября все они, как и Эльцин, были исключены Новосибирской ОКК из ВКП(б) за фракционную работу, но подали апелляции в Сибирскую ККК. 29 ноября состоялось заседание ее секретариата, на которое были приглашены все исключенные оппозиционеры. Однако какие-либо сведения о том, что происходило на заседании и чем оно закончилось, пока не обнаружены<sup>25</sup>.

Правда, удалось найти два заключения, которые подготовил для Сибирской ККК один из ее чле-

<sup>22</sup> ГАНО. Ф. П-6. Оп. 4. Д. 15. Л. 337, 448.

<sup>23</sup> Там же. Оп. 2. Д. 3877. Л. 13.

<sup>24</sup> Там же. Л. 14.

<sup>25</sup> Там же. Л. 30; Советская Сибирь. 1927. 20 нояб.

<sup>20</sup> ГАНО. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 3877. Л. 7–10.

<sup>21</sup> Там же. Л. 12.

нов – большевик с июня 1920 г., бывший рабочий Ф.Ф. Остренко<sup>26</sup>. Одно из них – о поездке Чарного и Эльцина в Омск, другое – по делу Эльцина.

В первом заключении Остренко, основываясь только на дискуссионных выступлениях Чарного и Эльцина на партсобраниях в Омске, утверждал, что их деятельность «нужно расценивать как попытку использования дискуссии в[о] фракционных целях, методами клеветы на партию и демагогическими извращениями приведенными партией положений». Исказив показания Чарного и Эльцина, Остренко сформулировал такой вывод: «они не только разделяют взгляды троцкистской оппозиции, но причисляют себя к ее подпольным организациям (мы ушли в подполье, распространяли литературу и т. д.), [что] заставляет поставить вопрос о невозможности пребывания т. т. Чарного и Эльцина в партии»<sup>27</sup>.

В заключении по апелляционному делу Эльцина Остренко дал трактовку его признаний с позиций сталинского большинства ЦК. Он обвинил Эльцина в неоднократном грубом нарушении партийной дисциплины, в участии в выработке и распространении оппозиционной платформы, во фракционной раскольнической деятельности, ведущей к созданию в СССР второй, троцкистской, партии. Причем Остренко утверждал, что в Сибири Эльцин занимался антипартийной работой даже больше и интенсивнее, чем в Москве, а его заявление партследователю Новосибирской ОКК о своем поведении после XV съезда ВКП(б) заставляет «считать невозможным пребывание тов. Эльцина в рядах ВКП(б)»<sup>28</sup>.

К последнему заключению Остренко сделал добавление, в котором сообщил, что 29 ноября на квартире Пекарь-Орлова происходило собрание группы оппозиционеров в количестве 13 человек. Остренко утверждал, что в их числе был и Эльцин. «Таким образом, – писал Остренко, – тов. Эльцин, будучи исключенным Новосибирской окрКК, все же антипартийной работы не оставил, а продолжает ее вести даже после своего исключения из рядов партии»<sup>29</sup>.

Тем не менее, Сибирская ККК секретным пакетом направила Эльцину повестку, обязывавшую его явиться на заседание секретариата комиссии. Однако вскоре выяснилось, что вручать повестку некому, так как Эльцин еще 30 ноября выехал в Москву, поскольку на 1 декабря в столице было намечено открытие XV съезда

ВКП(б). Видимо, точно так же поступили Мясников, Пекарь-Орлов и Чарный. Во всяком случае на состоявшемся 7 декабря заседании секретариата СибККК никто из них не присутствовал. В результате их апелляции рассматривались заочно и только Шейнберга – в его присутствии.

Не менее показательным еще одно обстоятельство. В большевистской партии давно существовала практика, в соответствии с которой контрольные органы рассматривали апелляционные заявления исключительно персонально, поскольку причины и мотивы апелляционных обращений почти всегда имели индивидуальное содержание и различались.

На этот раз общепринятая норма была нарушена. Секретариат СибККК искусственно сформировал из пяти заявителей не существовавшую группу, всем членам которой предъявил одинаковые обвинения: принадлежность к троцкистской фракции, участие во фракционных собраниях, распространение антипартийной литературы, отказ от несения партийных обязанностей, наконец, «явное игнорирование служебных обязанностей (самовольные выезды), партийной дисциплины». В результате СибККК решила утвердить постановление Новосибирской ОКК от 17 ноября об исключении всех апеллянтов, включая Эльцина, из ВКП(б) за фракционную работу<sup>30</sup>.

Важнейшим рубежом в борьбе сталинского большинства против объединенной оппозиции стал состоявшийся 2–19 декабря 1927 г. XV съезд ВКП(б). Он признал принадлежность к оппозиции и пропаганду ее взглядов несовместимыми с пребыванием в ВКП(б). Но если до съезда главным инструментом борьбы с оппозиционерами были контрольные органы, а наказания заключались в основном в выговорах, в принудительных переброях и в исключении из партии, то после съезда на первую роль выдвинулась политическая полиция – ОГПУ, которая против бывших оппозиционеров применяла более жесткие меры: аресты, заключение в тюрьмы и внесудебную ссылку в отдаленные районы СССР.

В январе 1928 г. Эльцин был вынужден отправиться по «путевке» ОГПУ на Север, в автономную область Коми (Зырян), которая с 1923 г. уже широко использовалась советскими репрессивными органами для ссылки священнослужителей Русской православной церкви. Вот первые впечатления Эльцина об уездном городе Усть-Выме, куда он был послан, и об областном центре Усть-Сысольске, которыми он поделился со старшим сыном Троцкого – Львом.

«Хуже этого города, – сообщил Эльцин об Усть-Сысольске, – я еще не видел». Тем не менее, он обнаружил и признал преимущества Усть-Сысольска по сравнению с Усть-Вымом. «Но несмотря на столь печальный вид – этот город по сравнению с Усть-Вымом, куда я должен буду, очевидно, переправиться, является прямо-таки столицей. Здесь все же есть библиотека, музей, кино, педагогический техникум, магазины,

<sup>26</sup> Остренко Филипп Фомич – родился в 1888 г., имел низшее образование. Сначала работал токарем по металлу. Член РКП(б) с июня 1920 г. В Сибири жил с 1921 г. Занимался партийной работой в Иркутской губернии. В 1924 г. избирался кандидатом в члены Сибкрайкома, был членом уездного и губернского парткомов, делегатом XIII съезда РКП(б). С конца мая – начала июня 1927 г. служил в СибККК. В середине 1930-х годов работал в Сталинске заместителем председателя городского совета, секретарем Заводского партийного комитета. В конце 1937 г. был арестован органами НКВД, 5 февраля 1938 г. исключен из ВКП(б).

<sup>27</sup> ГАНО. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 3877. Л. 16–17.

<sup>28</sup> Там же. Л. 17а–18.

<sup>29</sup> Там же. Л. 20.

<sup>30</sup> Там же. Л. 30.

столовая, гостиница и электричество. В Усть-Выме же нет ничего, кроме Центроспирта»<sup>31</sup>.

В результате менее чем за полгода, прошедшие с сентября 1927 г. по февраль 1928 г., в жизни Виктора Эльцина произошли существенные изменения. Они стали следствием последовательно примененных против него репрессивных мер: в конце сентября 1927 г. это была высылка в порядке партийной дисциплины из Москвы в Сибирь; в середине ноября – исключение из рядов ВКП(б) на основании обвинения во фракционной антипартийной деятельности; в январе 1928 г. – административная ссылка в Коми.

Обобщая рассмотренный частный случай, нужно сделать вывод о том, что с осени 1927 г. в арсенале политических практик, использовавшихся сталинским руководством ВКП(б) в борьбе против оппозиции, репрессивные меры неуклонно ужесточались и стали играть главную роль. Если так бесцеремонно и сурово Сталин и его сторонники расправлялись со своими товарищами по партии, преданными идеалам революции и социализма, то можно было ожидать, что еще более жестокие меры будут применены по отношению к тем, кто не разделял взгляды коммунистов и тем более сопротивлялся попыткам их воплощения в жизнь.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Октябрь в Башкирии. Сборник документов и материалов. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1979. 302 с.
2. Опальный большевик // Башкортостан в XX столетии. Исторические портреты. Вып. 2. Уфа: Гилем, 2007. С. 20–27.
3. Политические лидеры Вятского края. Биографический справочник. Киров, 2009. 730 с.

4. Эльцин Виктор. Пятая армия и сибирские партизаны // Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредилковской и колчаковской контрреволюцией. М.; Л.: ГИЗ, 1926. С. 261–280.

5. Резник А. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924 годы. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 382 с.

6. Шабалин В.В. «И вот тогда я стал троцкистом»: к вопросу о формировании идентичности оппозиционера в 1920 гг. // История в подробностях. М., 2016, № 1–2. С. 84–89.

7. Демидов В.В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири. 1922–1929 гг. Новосибирск, 1994. 165 с.

#### REFERENCES

1. October in Bashkortostan. Collection of documents and materials. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izd-vo, 1979, 302 p. (In Russ.)

2. Disgraced Bolshevik. *Bashkortostan v XX stoletii. Istoricheskie portrety*, Ufa: Gilem, 2007, vol. 2, pp. 20–27. (In Russ.)

3. Political leaders of the Vyatka region. Biographical reference. Kirov, 2009, 730 p. (In Russ.)

4. Eltsin Victor. The Fifth Army and the Siberian Partisans. *Bor'ba za Ural i Sibir'. Vospominaniya i stat'i uchastnikov bor'by s uchredilovskoy i kolchakovskoy kontrrevolyuciyey*. Moscow; Leningrad: GIZ, 1926, pp. 261–280. (In Russ.)

5. Reznik A. Trotsky and the comrades: the left opposition and political culture of the RCP(b), 1923–1924. St. Petersburg: EUSP Press, 2017, 382 p. (In Russ.)

6. Shabalin V.V. “And then I became a Trotskyite”: on the question of the forming an opposition’s identity in the 1920s. *Istoriya v podrobnostyakh*. Moscow, 2016, no. 1–2, pp. 84–89. (In Russ.)

7. Demidov V.V. Political struggle and opposition in Siberia, 1922–1929. Novosibirsk, 1994, 165 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 02.07.2018

<sup>31</sup> Хогтонская библиотека Гарвардского университета. Архив Л.Д. Троцкого. bMS Russ 13 T-1091.

DOI: 10.15372/HSS20180304  
УДК 314.1+94(470+571) "1939/1945"

**В.А. ИСУПОВ**

## **ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА ОСНОВЕ ОЦЕНОК ЦСУ СССР)**

Институт истории СО РАН,  
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Ак. Николаева, 8

В статье рассматривается чрезвычайно слабо изученная проблема – динамика численности городского населения РСФСР в годы Второй мировой войны. Если изменения численности городского населения отдельных регионов страны в 1939 – 1945 гг. определены, то динамика численности горожан страны в целом в указанный период все еще остается вне поля зрения ученых, – и это несмотря на большое количество работ, посвященных проблемам исторической демографии. Между тем вопросы изменения численности населения, в том числе городского, чрезвычайно важны. Они являются значимым показателем не только социально-экономического и демографического развития, но и немаловажным критерием, необходимым для определения людских потерь. Не менее важно, что данные о численности населения в военные годы использовались для определения военных и трудовых мобилизационных ресурсов. Кроме того, сведения о численности населения используются для расчетов параметров естественного и механического движения населения. Таким образом, сформулированная в статье проблема является одной из фундаментальных проблем исторической демографии. В статье выявлены конкретные показатели динамики численности городских поселений как тыловых районов, так и территорий, оказавшихся в оккупации. Большое внимание уделено источниковедческим аспектам проблемы.

*Ключевые слова:* численность, население, статистика, учет, динамика, город, рабочий поселок, городское поселение, война, оккупация, тыловой район.

**V. A. ISUPOV**

## **URBAN POPULATION DYNAMICS IN RUSSIA DURING THE WORLD WAR II (BASED ON ASSESSMENTS OF TSSU OF THE USSR)**

Institute of History SB RAS,  
8 Ak. Nikolayevastr., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

There is a statement in the modern scientific literature that one of the main socio-economic processes of the twentieth century is urbanization. In our opinion, it's not far from the truth. The development of a network of urban settlements became possible only because of the rapid growth of the industrial economy, development of transport routes, trade and culture. Urbanization, as is known, is interpreted in two aspects. In the broadest sense of the word urbanization means the formation of the urban way of life, the transformation of the social psychology of the resident of the city, the emergence of a new cultural environment. In the narrow sense of the word urbanization is the growth of the urban population, an increase in the proportion of urban residents in the population, the expansion of the network of urban settlements. This article considers the poorly studied problem of urban population dynamics in the RSFSR during the World War II. While the size of urban population in certain regions of the country in 1939–1945 is determined, the urban population dynamics on the national level remains beyond the attention of scientists, though there is a large number of works devoted to the problems of historical demography and historical urbanistics. Meanwhile, the question of population change, including urban, is extremely important. It is not only a significant indicator of social and economic and demographic development, but an important criterion of both direct and human losses. Besides, data on the population in the war years are used for determining the military and labor mobilization resources, for calculations of the parameters of natural and mechanical movement of the population. So, the problem formulated in the article is one of the fundamental problems of historical demography. The article reveals specific indicators of population size in cities and in rear areas as well as in the occupied territories. A lot of attention is paid to source-study aspects of the problem

*Key words:* population size, population, statistics, registration, dynamics, city, working settlement, war, occupation, rear area.

---

**Владимир Анатольевич Исупов** – д-р ист. наук, профессор, заведующий сектором, Институт истории СО РАН, e-mail: Vladimir\_2004\_@mail.ru.

**Vladimir A. Isupov** – Doctor of History, Professor, Head of the Department, Institute of History SB RAS.

Динамика численности городского населения как важный аспект урбанизации уже давно вызывает повышенный интерес представителей ряда научных дисциплин. Не остались в стороне и историки. Исторические аспекты динамики численности городского населения России в предвоенные и послевоенные годы изучены довольно основательно. Вместе с тем на периферии научного знания оказался вопрос о колебаниях численности городского населения России в период Второй мировой войны.

Одним из первых эту проблему сформулировал В. С. Кожурин [1]. Но по причине почти полного отсутствия источников автор ограничился рамками Центрального района РСФСР. Вопрос о динамике численности городского населения СССР был продекларирован, но не решен. Только во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. историкам удалось добиться расширения источниковой базы, необходимой для научного анализа. Тогда же произошел прорыв в историко-демографических исследованиях, но он коснулся главным образом региональных аспектов проблемы. Свет увидели работы, посвященные развитию городского населения, хронологически охватывающие период Второй мировой войны [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10]. Вопросы динамики городского населения затрагивались и в публикациях, посвященных эволюции сельского населения. [11, 12]. Вместе с тем, общероссийские тенденции оказались за пределами внимания исследователей. Только в 2002 г. был издан 2-й том фундаментального труда «Население России в XX веке», в котором в очерковой форме была охарактеризована динамика численности городского населения России в 1941–1945 гг. [13]. И, наконец, в 2017 г. появилась публикация В.А. Исупова и Г.Е. Корнилова, в которой определен тренд динамики численности населения России в годы Второй мировой войны [14].

Основной источниковой базой предлагаемого исследования являются статистические материалы ЦСУ СССР и ЦСУ РСФСР. На протяжении многих лет советские статистики создавали динамические ряды численности сельского и городского населения как страны в целом, так и ее отдельных регионов. Но уверенности в достоверности полученных цифровых оценок, особенно для 1940–1945 гг., нет. Отметим, прежде всего, что Всесоюзная перепись 1939 г., которая служила исходной точкой исчислений, содержит погрешности. Как показала В.Б. Жиромская, при проведении переписи и обработке ее материалов были допущены различного рода приписки, повышающие численность горожан [15, с. 63]. Чтобы получить представление о последующей динамике численности населения, к данным переписи 1939 г. статистики прибавляли число родившихся и число прибывших и вычитали количество умерших и выбывших. Но точных данных о рождаемости, смертности и миграциях не имелось. Следовательно, в основу расчетов по определению численности городского населения после переписи 1939 г. были по-

ложены неточные сведения как самой переписи, так и всех слагаемых расчета.

Не менее важно, что организаторы переписи 1939 г. принимали в расчет численность армии и контингента мест заключения. Определяя численность населения на начало 1940 и 1941 гг., статистики также принимали во внимание количество военнослужащих и спецконтингента. Но во всех последующих исчислениях армия и спецконтингент в расчет не принимались. Не учитывались и раненые в госпиталях. На документах, содержащих сведения о численности населения, начиная с 1942 г., ставилась пометка: «Без армии, госпиталей и спецконтингента». В документах военного времени они часто обозначались как «нераспределенные по территории». Чтобы обозначить масштаб явления, укажем, что на 1 января 1942 г. по территории СССР не было распределено 24,5 млн чел.<sup>1</sup> В результате возникает проблема несопоставимости цифровых данных.

Вместе с тем в годы войны оформились новые источники сведений о численности городского населения, позволившие сократить величину вероятных ошибок, обусловленных недостатками текущего учета. Сильной стороной статистического учета военных лет оказалась регулярная сверка численности городского населения с данными карточных бюро. Для этого Наркомат торговли СССР направлял сведения о количестве выданных продуктовых карточек в органы статистики.

На этой основе выявлялись расхождения между исчислениями, которые проводили статистики ЦСУ СССР (на базе данных о естественном и механическом движении населения), и сведениями Наркомторга СССР о числе выданных продовольственных карточек. Учитывая допущенные недочеты, Наркомат торговли СССР с 1 января 1943 г. в СССР ввел так называемые индивидуальные стандартные справки, которые в обязательном порядке получали горожане. Лица, не оформившие стандартную справку, лишались карточек. С начала 1943 г. учет городского населения был не только улучшен, но стал тотальным. Таким образом, источники позволяют получить если не абсолютно верную, то все же приближающуюся к достоверной картину динамики численности городского населения в годы Второй мировой войны.

Всесоюзная перепись 1939 г. показала, что население РСФСР в границах на момент проведения переписи (17 января) насчитывало 109,4 млн чел., из них в городских поселениях проживало 36,9 млн чел.<sup>2</sup> Но 31 марта 1940 г. Карельская АССР была исключена из состава РСФСР и получила статус союзной республики. Соответственно статистикам пришлось вводить поправки в материалы переписи. Пересчитанная численность населения РСФСР составила 108,9 млн чел., в том числе в городах – 36,7 млн чел. (табл. 1). Как ви-

<sup>1</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 791. Л. 68.

<sup>2</sup> Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 23.

Таблица 1\*

**Динамика численности городского населения РСФСР в годы Второй мировой войны. Оценки ЦСУ СССР, тыс. чел.**

Дата	Все население	Городское население	Удельный вес городского населения, %
17 января 1939 г.**	108 928,5	36 724,8	33,7
1 января 1940 г.**	110 491,2	38 298,1	34,7
1 января 1941 г.**	111 539,4	39 272,5	35,9
1 января 1942 г.***	91 159,9	33 620,2	36,9
1 января 1943 г.***	78 625,0	28 833,2	36,7
1 января 1944 г.***	89 986,2	33 032,3	36,7
1 января 1945 г.***	90 316,0	34 324,0	38,0
1 мая 1945 г.***	87 973,5	34 905,5	39,7
1 сентября 1945 г.***	88 713,0	35 387,0	39,9

\* Составлено по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 564. Л. 2 об., 31–31 об., 60 об.; Оп. 329. Д. 391. Л. 40; Д. 406. Л. 113; Д. 1452. Л. 17, 18, 111, 112; Д. 2219. Л. 119, 120, 121.

\*\* В границах РСФСР 1941 г., включая армию и спецконтингент.

\*\*\* Без армии, госпиталей и спецконтингента.

дим, в городских поселениях РСФСР проживала треть населения республики. Россия в конце 1930-х – начале 1940-х гг. была страной с еще низким уровнем урбанизации, характерным для стран с незавершенной индустриализацией.

Отталкиваясь от данных переписи 1939 г., работники ЦСУ СССР организовали расчеты текущей численности городского населения на начало 1940 и 1941 гг. Результаты этих расчетов наши отражение в материалах табл. 1, согласно которым за два года – с 17 января 1939 г. по 1 января 1941 г. – городское население РСФСР выросло на 7 % (свыше 2,5 млн чел.). Поскольку численность сельского населения в указанные годы фактически стагнировала (в 1939 г. в деревне проживало 72,2 млн чел., а 1 января 1941 г. – 72,3 млн чел.<sup>3</sup>), удельный вес горожан заметно увеличился.

В годы Великой Отечественной войны, несмотря на усилившиеся трудности учета, советские статистики продолжали вести динамический ряд численности населения. Но цифры, очевидно, несопоставимы, поскольку из сферы советского статистического учета исключались оккупированные территории. Условно сопоставимыми могут быть только данные о численности населения на 1 января 1941 г. и на 1 января 1945 г. Условность заключается в том, что в 1945 г. в расчет численности населения РСФСР не включены данные о нераспределенных по территории. В масштабах СССР их число на начало 1945 г. было определено в 16 млн чел.<sup>4</sup> Сведения о численности нераспределенных по территории в рамках союзных республик отсутствуют.

Тем не менее даже эти данные, содержащие погрешности, свидетельствуют о многих важных тен-

денциях динамики городского населения. Главным трендом этой динамики было значительное уменьшение числа горожан. Согласно имеющимся оценкам, численность городского населения России с 1 января 1941 г. по 1 января 1945 г. сократилась в абсолютном выражении почти на 5 млн чел. Это было важным свидетельством демографической катастрофы, которую пережили народы России в военные годы. Вместе с тем, в военный период удельный вес городского населения РСФСР заметно увеличился. Но это была только иллюзия урбанизации. Прослойка городского населения выросла не за счет роста численности горожан, а за счет внушительного сокращения численности сельского населения. За период с 1 января 1941 г. по 1 января 1945 г. численность жителей российского села уменьшилась с 72 млн чел. до 56 млн чел.<sup>5</sup> Только в конце войны слабо наметилась тенденция к увеличению численности городского населения. Так, в течение четырех месяцев – с 1 января по 1 мая 1945 г. – городское население РСФСР выросло на 582 тыс. чел., а с 1 мая по 1 сентября 1945 г. – на 484,5 тыс. чел. Эти «скромные» по масштабам РСФСР цифры свидетельствуют о кардинальном переломе тренда в позитивную сторону.

Вследствие того, что в военные годы конфигурация линии фронта меняла границы учета, получить территориально сопоставимые сведения о динамике городского населения страны можно, только рассматривая проблему в региональном аспекте.

Период между переписью 1939 г. и 1 января 1941 г. отмечен специфическими тенденциями динамики численности городского населения России. Сдвиг производства в восточные районы страны, обусловленный военной угрозой, предопределил региональные изменения численности городского населе-

<sup>3</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1452. Л. 111.

<sup>4</sup> Там же. Д. 2219. Л. 119.

<sup>5</sup> Там же.

Т а б л и ц а 2\*

## Численность городского населения регионов\*\* РСФСР в годы Второй мировой войны

Регион	17 января 1939 г.		1 января 1941 г.		1 мая 1945 г.	
	Тыс. чел.	Удельный вес, %	Тыс. чел.	Удельный вес, %	Тыс. чел.	Удельный вес, %
Районы Севера и Северо-Запада	5126,5	51,7	5209,5	51,5	2273,2	43,0
Районы Центра – в том числе Москва***	11 300,0 4137,0	36,8 –	12 031,3 4357,8	38,6 –	9687,1 3324,8	40,9 –
Центрально-Черноземный район	942,1	17,4	995,2	18,7	801,8	19,9
Волго-Вятский район	1844,1	20,6	1987,2	22,0	2206,0	30,9
Поволжье	3447,3	28,0	3752,0	28,7	3795,0	35,1
Районы Юга	3077,0	29,8	3240,2	30,3	2392,5	31,4
Крымская АССР	585,6	51,8	614,1	52,0	264,3	46,4
Урал	4753,9	35,3	5236,3	37,5	6360,2	49,3
Западная Сибирь	2581,8	28,9	2792,6	30,1	3517,8	41,2
Восточная Сибирь	1843,0	37,1	2021,4	38,5	2003,0	44,1
Дальний Восток	1273,4	45,8	1539,5	48,7	1604,6	56,6

\* Составлено по данным: Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 23–25; РГАЭ. Ф. 1562, Оп. 329. Д. 2219. Л. 119–121.

\*\* В текущих административных границах.

\*\*\* По экономическому районированию военных лет.

ния. В 1939 – 1941 гг. по темпам роста городского населения выделялся интенсивно заселяемый Дальний Восток. Здесь численность горожан выросла на 21 %. На Урале и в Восточной Сибири количество горожан увеличилось на 10 %. Ускоренными темпами росла численность городского населения Поволжья – почти на 9 %, Западной Сибири – более чем на 8 % и Волго-Вятского района – почти на 8 %. Умеренные темпы роста городского населения были характерны для районов Центра (рост на 6,5 %), Центрально-Черноземного района (на 6 %), районов Юга (на 5 %). Почти не изменилась численность городского населения Севера и Северо-Запада. Вместе с тем городское население Коми АССР увеличилось на 32 %. В рассматриваемый период это были самые высокие темпы роста городского населения РСФСР<sup>6</sup>.

В годы войны основным трендом динамики численности городского населения РСФСР было его сокращение. Особенно значительное снижение числа горожан было характерно для регионов России, оказавшихся в зоне оккупации.

Самое крупное сокращение численности населения в годы Великой Отечественной войны произошло в подвергшихся оккупации городах российского Северо-Запада. Городское население Псковской области уменьшилось в 27 раз, Ленинградской – в 22, Новгородской области – в 17 раз. В самом Новгороде по состоянию на 1 января 1945 г. осталось всего 8,8 тыс. жителей, тогда как в 1939 г. в городе прожи-

вало почти 40 тыс. чел.<sup>7</sup> В Пскове, где до войны проживало 60,4 тыс. чел., к концу войны насчитывалось всего 19 тыс. чел. Заметно уменьшилось население оказавшихся за линией фронта городов Ленинградской области. В Волхове, где согласно переписи 1939 г. числилось почти 30 тыс. чел., к 1 января 1945 г. оставалось 16 тыс. чел., в Гатчине соответственно 38 тыс. и 14 тыс. чел., в Луге – 28 тыс. и 12 тыс. чел.<sup>8</sup>

Значительно понизилась численность населения, оказавшегося в оккупации городов Центральной России. Так, городское население Великолукской области сократилось за годы оккупации почти в 5 раз, городское население Брянской области – почти в 3 раза, Калининской – почти в 2 раза. Население Ржева уменьшилось с 57 тыс. чел. в 1940 г. до 6 тыс. чел. в 1942 г., Вышнего Волочка – с 61 тыс. чел. до 33 тыс. чел. В Зубцове после освобождения осталось всего 462 чел., тогда как до оккупации население этого старинного русского города превышало 5 тыс. чел.<sup>9</sup>

Уменьшилось и население подвергшихся оккупации южных районов России. Данные табл. 3 свидетельствуют о сокращении численности городского населения Ставропольского и Краснодарского краев, Ростовской и Астраханской областей, Кабардинской АССР. Почти в 4 раза в период с 1 января 1941 г. по 1 июля 1944 г. сократилось городское население Кры-

<sup>7</sup> Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. С. 30; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2219 Л. 172.

<sup>8</sup> Там же.

<sup>9</sup> Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 11. Д. 359. Л. 35 об.

<sup>6</sup> Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992. С. 3.

Таблица 3\*

**Ориентировочные оценки ЦСУ СССР численности городского населения территорий РСФСР, бывших в оккупации, тыс. чел.**

Территория	1 января 1941 г.	1 января 1944 г.	1944 г. в % к 1941 г.
<i>Территории, бывшие в оккупации полностью</i>			
Ростовская область	1293,0	754,5	58,4
Ставропольский край	374,5	286,0	76,4
Курская область	317,0	241,0	76,0
Орловская область	229,2	108,0	47,1
Смоленская область	381,6	86,5	22,7
Крымская область	614,1	172,0**	28,5
Кабардинская АССР	103,5	85,3	82,4
Брянская область	471,3	163,9	34,8
Великолукская область	126,4	25,7	20,3
Псковская область	116,8	4,3**	3,7
<i>Территории, бывшие в оккупации частично</i>			
Воронежская область	75,1	41,8	55,7
Тульская область	247,5	186,9	75,5
Сталинградская область	24,9	10,9	43,8
сверх того Сталинград	473,5	248,0	52,4
Астраханская область	18,0	12,3	68,4
Краснодарский край	693,4	460,4	66,4
Московская область	556,1	424,7	76,3
Ленинградская область	445,3	19,9	4,5
Новгородская область	108,7	6,3	5,8
Калининская область	325,9	176,0	54,0
Северо-Осетинская АССР	45,5	35,1	77,1

\* Составлено по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 564, л. 9 – 10.

\*\* На 1 июля 1944 г.

ма. При этом население Севастополя к 1 мая 1945 г. по отношению к 1939 г. уменьшилось более чем в 3 раза, Симферополя – почти в 2 раза<sup>10</sup>.

В особых условиях находился Ленинград. Численность его населения, по расчетным оценкам ЦСУ СССР, изменялась следующим образом<sup>11</sup> (тыс. чел.):

- 17 января 1939 г. – 3191,3;
- 1 января 1940 г. – 3015,0;
- 1 января 1941 г. – 3155,0;
- 1 января 1942 г. – 1900,0;
- 1 января 1943 г. – 690,0;
- 1 января 1944 г. – 555,0;
- 1 января 1945 г. – 949,0;
- 1 января 1946 г. – 2000,0.

Сокращение численности населения Ленинграда впервые фиксируется в 1939 г., поскольку город оказался в непосредственной близости от театра боевых действий, развернувшихся в ходе советско-финляндской войны. К январю 1941 г. довоенная численность Ленинграда почти восстановилась. Но

с началом Великой Отечественной войны Ленинград был ввергнут в демографическую катастрофу. Массовая эвакуация гражданских лиц, мобилизация мужской части населения в армию, снижение рождаемости и рост смертности привели к резкому падению численности населения города. К январю 1942 г. население Ленинграда сократилось по отношению к январю 1941 г. в 1,7 раза, что в абсолютном выражении составило 1255 тыс. чел. Низшей точки падения численность населения Ленинграда достигла в 1944 г. Всего с 1 января 1941 г. по 1 января 1944 г. население города сократилось почти в 6 раз, или в абсолютном выражении на 2,6 млн чел. Прорыв блокады привел к изменению демографической ситуации. С 1944 г. численность населения Ленинграда обрела тенденцию к росту.

Резко сократилась численность населения Сталинграда. Согласно переписи 1939 г. в Сталинграде насчитывалось 445,3 тыс. жителей. Определить численность гражданского населения, оставшегося в городе во время Сталинградской битвы, не представляется возможным. Но непосредственно после разгрома немецко-фашистских войск, в Сталинграде (с учетом

<sup>10</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2219. Л. 172.

<sup>11</sup> Там же. Д. 1452. Л. 17, 111; Д. 2219. Л. 120, 171.

Т а б л и ц а 4\*

## Динамика численности населения крупных тыловых городов\*\* РСФСР, тыс. чел.

Город	Перепись 1939 г.	Оценка ЦСУ СССР на 1 января 1945 г.	1945 г. в % к 1939 г.
Москва	4137,0	3324,8	80,4
Ленинград (Санкт-Петербург)	3191,3	961,0	30,1
Горький (Нижний Новгород)	643,7	691,0	107,3
Новосибирск	404,4	605,9	149,8
Куйбышев (Самара)	390,5	516,0	132,1
Казань	398,0	510,0	128,1
Свердловск (Екатеринбург)	423,3	487,4	115,1
Омск	288,9	406,9	140,8
Молотов (Пермь)	306,1	392,0	128,1
Челябинск	273,1	399,5	146,3
Саратов	372,0	397,2	106,8
Барнаул	148,2	210,5	142,0
Красноярск	190,0	235,0	123,7
Владивосток	206,4	180,3	87,4
Хабаровск	207,3	205,0	98,9
Астрахань	253,6	240,3	94,8
Иваново	285,2	241,1	84,5
Иркутск	250,2	242,0	96,7
Сталинск (Новокузнецк)	165,7	219,2	132,3
Нижний Тагил	159,9	234,0	146,3
Сталинград	445,3	252,3	56,7
Тула	272,2	204,8	75,3
Ярославль	308,8	283,1	91,7
Уфа	257,9	264,8	102,7
Ижевск	175,6	203,7	116,0
Архангельск	251,0	182,2	72,5
Чкалов (Оренбург)	171,7	179,9	104,8
Магнитогорск	145,9	190,8	130,8
Ульяновск	98,1	150,3	153,2
Комсомольск-на-Амуре	70,8	110,0	155,4
Прокопьевск	107,3	139,5	130,0
Кемерово	132,8	194,7	146,6

\* Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Оп. 2219. Л. 171–174.

\*\* В границах городов текущих лет.

уже прибывших на восстановительные работы) проживало 56 тыс. гражданских лиц<sup>12</sup>.

Вместе с тем городские поселения восточных районов России, превратившиеся в мощный боевой арсенал Красной армии, увеличили свою численность. Отток людей из городов этих районов в ходе воинских мобилизаций и снижение естественного прироста компенсировались притоком эвакуированных, а также рабочих силы из деревни.

Отметим, прежде всего, рост численности городского населения Западной Сибири. В 1941–1945 гг., как показывает табл. 2, городское население региона

выросло на 26 %. Почти на 22 % увеличилась численность горожан Урала. Значительный рост городского населения был характерен для Волго-Вятского экономического района. Выросло также городское население Дальнего Востока и Поволжья.

Самые быстрые темпы роста населения, как свидетельствуют данные табл. 4, были характерны для городов, превратившихся в центры оборонной промышленности, таких как Комсомольск-на-Амуре, Ульяновск (рост населения более чем в 1,5 раза), Новосибирск, Нижний Тагил, Омск, Челябинск, Молотов, Барнаул (рост почти в 1,5 раза). Ускоренными темпами увеличивалось население Казани и Куйбышева (рост на 30 %). Заметно выросло население цен-

<sup>12</sup> ГАРФ. Ф. А-373. Оп. 2. Д. 112. Л. 11.

тров металлургии и угледобычи: Сталинска, Прокопьевска, Кемерово, Магнитогорска. Средние темпы роста горожан были характерны для Саратова, Горького, Уфы, Чкалова. Вместе с тем, сократилось население таких городов, как Ярославль, Архангельск, Астрахань, Иваново, Иркутск. Уменьшилось и население крупных дальневосточных городов – Владивостока и Хабаровска.

В начальный период Великой Отечественной войны сократилось и население Москвы. По состоянию на 1 января 1941 г. в Москве проживало 4358 тыс. чел. На 1 января 1942 г. ЦСУ СССР оценило численность населения столицы в 2361,5 тыс. чел.<sup>13</sup> Сокращение численности населения – крайне редкое явление в истории столицы. Только после разгрома немецко-фашистских войск население города вновь обрело тенденцию к росту. В 1943 г. в Москве насчитывалось 2743,6 тыс., а в 1944 г. – 3235,9 тыс. жителей<sup>14</sup>. Но даже к концу войны население Москвы так и не достигло довоенного уровня.

В годы Великой Отечественной войны, несмотря на тяжелые условия военного времени, не прекратился процесс расширения сети городских поселений. На 1 января 1941 г. в РСФСР насчитывалось 608 городов и 836 рабочих поселков<sup>15</sup>. На 1 июля 1945 г. в России зафиксировано 678 городов, 953 рабочих и 16 курортных поселков<sup>16</sup>. Тем не менее процесс расширения сети городских поселений затормозился. Отметим, прежде всего, что в годы войны, по существу, не было создано ни одного в полном смысле этого слова «нового» городского поселения. Расширение городской сети происходило за счет административного повышения статуса уже существующих поселений. Крупные села переводились в разряд городов, а быстро растущие рабочие поселки получали статус города. По данным О.А. Константинова, за период с 1 января 1941 г. по 1 января 1942 г. в целом по СССР статус города получили 16 рабочих поселков, в 1942–1945 гг. статус города приобрели 61 рабочий поселок и 12 крупных сел [16, с. 76].

Все «новые» города формировались в тыловых районах. В основной своей массе «новые» города возникли на базе развития машиностроения, металлообработки, металлургии, добычи полезных ископаемых. Новые поселки городского типа складывались как центры добычи полезных ископаемых и развития пищевой и лесной промышленности. На территориях, бывших в оккупации, в годы войны не было создано ни одного города и рабочего поселка.

Итак, война затормозила процесс урбанизации, нанесла огромный урон развитию городов. Численность городского населения РСФСР в 1941 – 1945 гг.

сократилась, что особенно характерно для территорий, оказавшихся в оккупации. Особенно значительно уменьшилась численность городского населения в центральных районах России, оказавшихся вблизи районов боевых действий или в оккупации. Вместе с тем война не смогла прервать окончательно развитие городского населения и формирование сети городских поселений.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кожурин В.С. Изменения численности и состава городского населения СССР в годы Великой Отечественной войны (по материалам Центрального района РСФСР): дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.
2. Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, 1986. 232 с.
3. Кышпанакоев В.А. Население Хакасии: 1917 – 1990-е гг. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 1995. 348 с.
4. Сивцева С.И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.). Якутск: ЯНЦ СО РАН, 2000. 149 с.
5. Безносова Н.П. Демографическая ситуация в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сыктывкар, 2003. 36 с.
6. Михалев Н.А. Население Ямала в первой половине XX века. (Историко-демографический анализ). Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 196 с.
7. Ткачева Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Владивосток: Дальнаука, 2010. 376 с.
8. Чернышева Н.В. Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. 203 с.
9. Бельков А.А., Заболотская К.А. Очерки по истории населения Кузбасса в новейший период отечественной истории 1920–2015 гг. Кемерово, 2015. 113 с.
10. Сакаев В.Т., Телишев В.Ф. Городское население Татарстана в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические и политико-демографические аспекты. Казань: Казан. гос. ун-т, 2015. 229 с.
11. Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург: Уралагропресс, 1993. 174 с.
12. Уваров С.Н. Сельское население Удмуртии в годы Великой Отечественной войны: демографический аспект. Ижевск, ФГБОУ ВПО Ижевская ГСХА, 2014. 172 с.
13. Население России в XX веке: исторические очерки. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2: 1940–1959. 416 с.
14. Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Численность населения России в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. № 4(57). С. 46–53.
15. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., РОССПЭН, 2001. 280 с.
16. Константинов О.А. Новые городские поселения СССР периода Великой Отечественной войны // Науч. зап. Ленингр. ун-та. Л., 1956. Вып. 12. С. 76.

#### REFERENCES

<sup>13</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1452. Л. 111; Д. 2219. Л. 120.

<sup>14</sup> Там же. Д. 1452, Л. 17, 111.

<sup>15</sup> СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 января 1941 года. М., 1941. С. 2.

<sup>16</sup> РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1945 г. с приложением изменений с 1 июля по 31 декабря. М., 1945. С. 5–7.

1. Kozhurin V.S. The changes in size and composition of the urban population of the USSR during the Great Patriotic war (Based on materials from the Central District of the RSFSR): dis. ... Cand. of Hist. Moscow, 1980. (In Russ.)
2. Alekseev V.V., Isupov V.A. Siberian population during the Great Patriotic war. Novosibirsk: Nauka, 1986. 232 p. (In Russ.)
3. Kyshpanakov V.A. Population of Khakassia: 1917 – 1990s. Abakan: izd-vo Khakasskogo gos. un-ta im. N.F. Katanova, 1995, 348 p. (In Russ.)

4. *Sivtseva S.I.* Yakutia during the Great patriotic war: social and demographic aspects (1941–1945). Yakutsk: IaNTs SO RAN, 2000, 149 p. (In Russ.)
5. *Beznosova N.P.* Demographic situation in Autonomous Soviet Socialist Republic of Komi during the Great Patriotic war (1941–1945). Syktyvkar, 2003, 36 p. (In Russ.)
6. *Mikhalev N.A.* The population of Yamal in the first part of XX<sup>th</sup> century (historical and demographic analysis). Yekaterinburg: UrO RAN, 2010, 196 p. (In Russ.)
7. *Tkacheva G.A.* The Far East community during the Great Patriotic war (1941–1945). Vladivostok: Dalnauka, 2010, 376 p. (In Russ.)
8. *Chernyshova N.V.* Social and demographic processes in the Kirov region during the Great patriotic war. Kirov: Izd-vo Vyat. GGU, 2012, 203 p. (In Russ.)
9. *Belkov A.V., Zabolotskaia K.A.* Essays on the history of the population of Kuzbass in the newest period of national history 1920–2015. Kemerovo, 2015. 113 p. (In Russ.)
10. *Sakaev V.T., Telishev V.F.* The urban population of Tatarstan during the Great Patriotic war: historical-demographic and political-demographic aspects. Kazan: Kazanskiigos.un-t, 2015, 229. (In Russ.)
11. *Kornilov G. Ye.* Rural community of Ural and the war. The challenges of demographic development. Yekaterinburg: Uralagropress, 1993, 174 p. (In Russ.)
12. *Uvarov S.N.* Rural population of Udmurtia during the Great Patriotic war. Demographic aspect. Izhevsk: FGBOU VPO Izhevskaya GSHA, 2014, 172 p. (In Russ.)
13. The Population of Russia in the XXth century: historical essays. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2001, vol.2: 1940–1959, 416 p. (In Russ.)
14. *Isupov V.A., Kornilov G.Ye.* The population number of Russia during the World War II (1939–1945). *Uralskiy istoricheskiy vestnik*. 2017, no. 4(57), pp. 46–53. (In Russ.)
15. *Zhiromskaya V.B.* Demographic history of Russia during 1930. Look into the unknown. Moscow, ROSSPEN, 2001, 280 p. (In Russ.)
16. *Konstantinov V.B.* New urban settlements of the USSR during the Great Patriotic War. *Nauchnye zapiski Leningradskogo universiteta*. Leningrad, 1956, iss. 12, 76 p. (In Russ.)

*Статья принята  
редакцией 25.06.2018*

DOI: 10.15372/HSS20180305  
УДК 332.146.2 (571) "1920/1990"

А.И. ТИМОШЕНКО

## РОЛЬ СИБИРИ В ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СССР

Институт истории СО РАН,  
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье сделана попытка обозначить роль Сибирского региона в индустриальной модернизации Советского государства, показать особенности экономического развития Сибири в советский период. В статье также выделены этапы индустриальной модернизации региона. Подчеркнуто, что первой индустриальной программой стало создание Урало-Кузнецкого комбината. Это подготовило основу для индустриального развития Сибири в годы Великой Отечественной войны, когда регион принял сотни эвакуированных предприятий из западных регионов СССР. В послевоенные годы реализация индустриальных программ в Сибири продолжилась. Самыми эффективными программами являлись масштабное энергетическое строительство и создание на его базе сразу нескольких энергоёмких отраслей промышленности. В статье сделан вывод, что в советский период главным фактором экономического развития Сибирского региона стала индустриальная модернизация.

*Ключевые слова:* Сибирь, индустриальная модернизация, государственная политика, экономическое развитие, индустриальные программы, военно-оборонный комплекс.

A.I. TIMOSHENKO

## THE ROLE OF SIBERIA IN THE USSR INDUSTRIAL MODERNIZATION

Institute of history SB RAS,  
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article objective is to identify main problems related to Siberia's economic development peculiarities in the Soviet period. The research is necessary to reveal the historical experience of Siberia's industrial development as the rear region of the USSR rich in natural and mineral resources. The paper's problematic field includes the phased implementation of industrial programs in the Siberian region territory. The first program was the Ural-Kuznetsk project which laid the foundations for Siberia's industrial development in the 1930s. As the project's implementation result, hundreds enterprises were evacuated to the region from the western part of the USSR during the Great Patriotic War. The article emphasizes the events of Siberia's industrial modernization in the post-war period as well, when implementation of the industrial programs continued in the region. In the post-war years, all endeavors of the prewar and military periods were further developed. The state strategy aimed exclusively at increasing the industrial potential of eastern regions, including Siberia. In the 1950s–1960s, energy, mining, non-ferrous metallurgy and wood chemistry, pulp-paper and other industries developed rapidly in the region. The average annual growth rate of the gross industrial output was higher in Siberia than in the USSR as a whole.

In the post-war period, the military-strategic goals of Siberia's industrial modernization remained. Plans to create new weapons types, including nuclear ones, were realized under conditions of unfolding the «cold war». The military-defense complex of the region significantly increased in such circumstances. In Siberia during the «cold war», new enterprises were built in various branches of the military-defense industry: nuclear, rocket-space, electronic, which produced the newest weapons, including rocket and missile equipment. The author concludes that the main factor of Siberia economic development was industrial modernization, which determined the state's attitude towards the region.

*Key words:* Siberia, industrial modernization, state policy, economic development, industrial programs, military-defense complex.

Актуальность изучения проблем, связанных со становлением и развитием индустриальной модернизации в СССР, объясняется в первую очередь тем, что

индустриализация является главным содержанием мировых модернизационных процессов, определивших совершенно новый уровень цивилизационного

Альбина Ивановна Тимошенко – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: timoshenkoai@ngs.ru.

Albina I. Timoshenko – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher Institute of History SB RAS.

развития практически всех стран и народов. В СССР и в Сибири<sup>1</sup> в частности данные процессы активно происходили в XX в. На темпы индустриализации одновременно воздействовало несколько факторов, основными из них являлись институциональный и одновременно политический, связанный с государственной экономической политикой, а также технологический, определяющийся научными и техническими возможностями общества на том или ином этапе исторического развития. В советское время главным механизмом роста индустриального производства в Сибири стали государственные мобилизационные решения, которые выполняли регулирующую и определяющую роль в экономическом развитии региона, позволяли игнорировать рыночные законы, основанные на естественной конкуренции между субъектами экономической деятельности.

Вместе с тем данные обстоятельства открывали возможность реализовывать очень затратные инфраструктурные проекты перспективного значения, такие как Урало-Кузбасс, Ангаро-Енисейстрой и др. Эти проекты вначале экономически были малоэффективны, но стали давать отдачу со временем. Главным образом они способствовали освоению территории самого обширного в мире государства, богатого природными ресурсами. Выбранная экономическая и политическая стратегия в советский период оказалась решающим фактором в геополитическом позиционировании страны и ее цивилизационном развитии в XX в.

В условиях нарастания геополитического противостояния народов и государств под влиянием научно-технического и информационно-коммуникативного прогресса в XX в. индустриализация Сибири стала главным содержанием модернизационных процессов, которые не только определили высокие темпы экономического роста, но и превратили Сибирь из аграрно-промышленного региона в индустриальный. Индустриализация и урбанизация как исторические явления происходили одновременно, определяя социально-экономическое развитие региона.

В отечественной и зарубежной историографии большое внимание уделялось изучению проблем, связанных с индустриальным освоением Сибири. Они нашли достаточное отражение в экономической и исторической литературе, рассматривались и анализировались как в коллективных многотомных изданиях, так и в авторских монографиях и научных статьях. Приоритет в исследованиях получили процессы индустриализации производства, формирования рабочего класса и индустриальных кадров, становления индустриально-урбанистического общества. В целом исследователи собрали большой фактический материал, определили основные этапы и тенденции индустриальной модернизации Сибири, охарактеризовали социально-демографические процессы в условиях

индустриального строительства и эксплуатации промышленных предприятий.

Для изучения заявленной темы значительный интерес представляют новаторские исследования уральских ученых из Института истории и археологии УРО РАН в области цивилизационного значения российской индустриальной модернизации (см., напр.: [1, 2, 3]). Уральцы одни из первых начали комплексное изучение истории азиатской части России на протяжении четырехсот лет ее нахождения в составе Российской империи и государства с позиций мировой геополитической и цивилизационной динамики. В трудах уральских историков существенное внимание уделено проблемам индустриальной модернизации восточных регионов России, их многофакторного влияния на процессы геополитического самоопределения государства, складывания его социокультурного и цивилизационного облика. Изучение роли Сибири в индустриальной модернизации СССР может внести определенный вклад в историографию и в целом в историческое знание, которое, безусловно, имеет не только научный, но и практический интерес.

В советский период новый этап в модернизации экономики Урала и Сибири обозначился во второй половине 1920-х гг., когда советские государственные лидеры, потеряв надежду на победу мировой пролетарской революции, объявили курс на ускоренную индустриализацию всего государственного народнохозяйственного комплекса СССР. В отличие от имперских властей, привлекавших иностранные капиталы, они избрали иное направление модернизационных решений, которые базировались исключительно на собственных ресурсах и мобилизационных возможностях страны при максимальной концентрации власти в руках государства. Такая совершенно не рыночная модель развития экономики была поддержана населением и показала свою эффективность в годы Великой Отечественной войны. А это означает, что модернизация в советском варианте была необходимой и в принципе безальтернативной. Осуществление ее стало возможным благодаря богатым природным ресурсам регионов СССР.

Первым крупным модернизационным проектом в Азиатской России в советское время стало создание Урало-Кузбасского комбината (УКК) с целью индустриального освоения богатых природными ресурсами восточных районов, в которых планировалось не только развитие тяжелой индустрии, но и создание мощной военно-оборонной промышленности с привлечением передовых научных и технологических приемов производства. Выбранная политическая линия удовлетворяла решению как внутренних, так и внешних потребностей страны. В послевоенном мире, несмотря на договоренности между ведущими мировыми державами, наращивались темпы гонки вооружений. Объективно в таких условиях государственной необходимостью являлось создание мощной военно-оборонной промышленности.

Об угрозе со стороны империалистических стран говорил И.В. Сталин в Отчетном докладе Централь-

<sup>1</sup> Под Сибирью в статье понимается территория Азиатской России от восточных отрогов Урала до берегов Тихого океана.

ного Комитета ВКП (б) XVI съезду партии 27 июня 1930 г. Он отмечал, что ведущие капиталистические страны «бешено вооружаются и перевооружаются. Для чего? Конечно не для беседы, а для войны. А война нужна империалистам, так как она есть единственное средство для передела мира, для передела рынков сбыта, источников сырья, сфер приложения капитала. Вполне понятно, что в этой обстановке так называемый пацифизм доживает последние дни. Лига наций гниет заживо, «проекты разоружения» проваливаются в пропасть, а конференции по сокращению морских вооружений превращаются в конференции по обновлению и расширению морского флота. Это значит, что опасность войны будет нарастать ускоренным темпом» [4, с. 353].

Урало-Кузбасский проект позволял создать в Урало-Сибирском регионе различные предприятия военно-оборонного профиля. Находясь в глубоком тылу, в центре огромной территории СССР, предприятия на Урале и в Кузбассе, создававшиеся в рамках программы, могли составить основу крупного военно-промышленного комплекса. Поэтому правительство СССР после острых политических обсуждений с одновременной проработкой научно-технических и экономических аспектов программы сделало выбор в пользу строительства на Урале и в Сибири промышленных предприятий, транспортных и энергетических объектов, которые в целом и составили Урало-Кузнецкий комбинат. В результате была создана специфическая модернизационная модель комплексного производственного развития, которая затем использовалась в той или иной степени на протяжении всего советского периода.

Главным механизмом действия модели стало централизованное государственное управление, основанное на всеобщем планировании и государственной собственности на средства и ресурсы производства. Менялись во времени только степень директивного администрирования, жесткости управленческих подходов, материально-техническое и научное обеспечение. Неизменной оставалась определяющая и мобилизующая роль государства, которая реализовывалась через всю систему государственного и общественного управления.

В советский период вмешательство государства в экономику приняло беспрецедентные формы, но и для царской России был характерен именно этот способ регулирования хозяйственных процессов. Он в конечном итоге определял главную особенность российской модернизации, которая практически всегда происходила по инициативе «сверху». Государственное управление продуцировало начальные импульсы модернизационных решений, а затем проводило их в жизнь согласно своим потребностям и представлениям. В отличие от западноевропейской модернизации в российской, как правило, отсутствовали независимые акторы – такие как инициативные граждане, и государство вынуждено было компенсировать их отсутствие своей активной деятельностью по модерни-

зации. Все участники модернизационных процессов в экономике России так или иначе служили государству и выполняли его политический заказ.

В рамках индустриальной программы УКК первыми строились Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты. По планам каждый из них должен был использовать только самые современные технологии в металлургии. К детальной разработке проектов основных производственных цехов и некоторых общезаводских сооружений привлекались ученые и авторитетные научно-технические организации страны. Например, в проектировании каменноугольных копей на Осиново-Воробьевском месторождении принимал участие профессор Ленинградского горного института Б.И. Бокий, вопросами технического оборудования новых шахт Кузбасса занимался профессор того же института А.А. Скочинский. Проекты железных рудников в Тельбессе и Темиртау разрабатывались ленинградским профессором Н.И. Прутковым. Коксовые печи в Кузбассе строились по проектам профессора Екатеринославского горного института П.Г. Рубина. Строительный отдел Гипромеца руководил проектированием гражданских и технических сооружений. Иногда прибегали к консультациям иностранных фирм и специалистов, однако основные разработки осуществлялись в СССР. За рубежом закупали преимущественно технологии и оборудование.

В реализации проекта Урало-Кузнецкого комбината большую роль сыграло постановление ЦК ВКП (б) «О работе Уралмета», принятое 15 мая 1930 г. В нем центральный партийный орган в категоричной форме давал распоряжение Госплану и ВСНХ СССР в кратчайшие сроки разработать и представить на рассмотрение правительства план развития металлургии, рудной, угольной и коксохимической отраслей промышленности в восточных районах страны. При этом указывалось, что необходимо строить более мощные, чем предусматривалось ранее, предприятия: металлургические заводы, шахты, коксовые установки и т. д. [5, с. 202–207].

Летом 1930 г. курс на форсирование темпов промышленного развития был закреплен решениями XVI съезда ВКП (б), на котором И.В. Сталин в своем докладе съезду откровенно требовал увеличения темпов индустриализации. Он говорил, что без роста отраслей тяжелой промышленности невозможно решить задачи индустриальной модернизации СССР и сохранить независимость государства [4, с. 365–369].

Касаясь создания Урало-Кузнецкого комбината, И.В. Сталин в докладе съезду сказал, что необходимо немедленно создавать вторую угольно-металлургическую базу. Этой базой должен стать Урало-Кузнецкий комбинат, соединяющий кузнецкий коксующийся уголь с уральской рудой. Создание УКК позволит на Урале и в Сибири построить тракторные и другие машиностроительные заводы, развивать другие отрасли промышленности не только в Урало-Сибирском регионе, но и в Поволжье, Казахстане и республиках Средней Азии [4, с. 399–400].

Кроме того, большую роль в создании УКК сыграли решения XVI съезда ВКП (б) о внедрении новых методов и форм в управлении экономикой СССР: принципа единоначалия на производстве, централизованного планирования и руководства промышленностью по отраслевому признаку. Директивы XVI съезда устанавливали жесткую вертикаль управления экономикой страны, устранявшую промежуточные элементы [6, с. 587]. Это вызывало ассоциацию с военным командованием. С точки зрения рыночной экономики такая система управления могла оказаться нежизнеспособной, но в условиях использования мобилизационных методов она оказалась эффективнее экономических рычагов и механизмов.

При создании сибирской части УКК основную массу капиталовложений намечалось направить в формирование индустриальных отраслей: промышленность, энергетику, транспорт. Например, в 1930–1933 гг. на промышленное строительство в зоне УКК было затрачено около 3 млрд руб. (в ценах 1930 г.). Из них в тяжелую промышленность (группа «А») было вложено – 2, 5 млрд, а в формирующую фонд народного потребления (группа «Б») – около 285 млн руб. Примерно то же направление сохранялось и в 1934–1937 гг. Причем капитальные вложения с каждым годом планировались и реализовывались с ежегодным значительным увеличением. Так, если в 1930 г. в промышленное строительство в сибирской зоне УКК было вложено около 127 млн руб., то в 1935 г. – почти 1550 млн руб. Всего в 1930–1937 гг. (период активного формирования УКК) в сибирскую индустриальную его часть было вложено – более 22 млрд руб., или 85 % от всех затрат. На социально-культурное строительство в регионе формирования УКК было потрачено чуть более 1,5 млрд руб. (15 %)².

В процессе эксплуатации предприятий УКК Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский районы в 1938 г. произвели 37 млн т угля, тогда как в 1929 г. только 7,3 млн т. В Кузбассе и Черембассе добывалось примерно 2/3 всей добычи в восточных районах СССР. Значительно повысилось производство железной и марганцевой руды. В Сибири в 1938 г. добывалось железной руды в 154 раза больше, чем в 1913 г. Выплавка чугуна увеличилась с 255,5 тыс. т в 1932 г. до 1471,3 тыс. т в 1937 г., выплавка стали – в 30 раз: с 53,6 тыс. т до 1631,6 тыс. т³.

В результате накануне Великой Отечественной войны на востоке страны был создан огромный промышленный потенциал. Практика доказала целесообразность этого грандиозного строительства. Уже к концу второй пятилетки Магнитогорский и Кузнецкий комбинаты производили самый дешевый металл в стране. Это достигалось благодаря экономичности добычи магнитогорской железной руды и кузнецко-

го угля, сокращению транспортных расходов в связи с реконструкцией Урало-Сибирской железнодорожной магистрали. Если учесть, что отпала необходимость завоза металла в Сибирь из южных районов страны, связанного с большими транспортными затратами, то экономическая эффективность и народнохозяйственное значение УКК еще больше возрастают.

Исторический опыт неоднократно свидетельствовал, что укрепление экономики и военно-оборонного потенциала Азиатской России является необходимым условием существования всего Российского государства. Это было подтверждено фактом создания уральского и сибирского тыла в 1930-е гг., когда были созданы заново сотни новых и передовых в своих отраслях крупных промышленных предприятий. Только в Сибири к 1940 г. их число по сравнению с дореволюционным периодом выросло в 10 раз и достигло 5 тыс. Сибирская промышленность развивалась быстрее, чем по стране в целом. Если за первые две пятилетки валовая продукция крупной промышленности СССР выросла в 5 раз, то Сибири – в 9 [7, с. 169–170]. Ведущие позиции занимала тяжелая промышленность. На ее долю в предвоенный период приходилось более половины общего объема промышленного производства. Индустриализация привела к значительному росту производительности общественного труда, увеличению темпов роста промышленности, росту ее доли в валовом продукте. Кроме того, индустриализация сопровождалась внедрением промышленных методов производства во всех отраслях, происходила глубокая реконструкция в целом народного хозяйства на базе электрификации и новой техники.

Производство же потребительских товаров отставало, здесь господствовали мелкие предприятия. В лучшем случае капитальные реконструкции и расширение. Большая часть товаров потребительского спроса сибиряков завозилась из других районов страны. Наиболее ускоренными темпами развивалась лишь пищевая промышленность. В 1930-е гг. на новой технической основе были построены десятки предприятий: мелькомбинаты, мясоконсервные, маслодельные, сыроваренные заводы, хлебокомбинаты, макаронные и кондитерские фабрики. В 1937 г. в Сибири и на Дальнем Востоке работало 3 крупных сахарных заводов. Существенной реконструкции подверглась рыбная и рыбоконсервная промышленность. Только на Дальнем Востоке в предвоенные годы действовал 41 рыбоконсервный завод, в том числе 10 плавучих. Во Владивостоке был создан специальный рыбный порт, крупный холодильник, жестяно-баночная фабрика [7, с. 169–171].

В послевоенные годы научно-технический прогресс и государственная стратегия, направленная на рост производительных сил восточных регионов, способствовали усилению индустриального потенциала Сибири. Уже в 1950–1960-е гг. в Сибири высокими темпами развивались энергетика, горнодобывающая промышленность, цветная металлургия и лесохимия,

<sup>2</sup> Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-3. Оп. 6. Д. 798. ЛЛ. 98–97.

<sup>3</sup> Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.): стат. сб. М.-Л. 1939. С. 47–57.

целлюлозно-бумажная отрасль и новые направления в машиностроении. Среднегодовые темпы прироста валовой продукции промышленности в Сибири были выше, чем в целом по СССР. Особенно высокими темпами развивалась промышленность Восточной Сибири. Здесь в результате строительства крупнейших в мире энергетических объектов сооружались энергоемкие и высокотехнологичные предприятия цветной металлургии, лесохимии и нефтехимии, военно-оборонного комплекса. В Сибири из года в год увеличивалась выплавка цветных и редких металлов, причем доля региона в общесоюзном производстве с 1958 по 1970 г. выросла в 2 раза [8, с. 35].

В послевоенный период сохранились военно-стратегические цели индустриальной модернизации Сибири. В условиях развертывания «холодной войны» строились планы создания новых видов вооружений, в том числе и ядерных. В связи с этими обстоятельствами значительно усилился военно-оборонный комплекс региона. В Сибири в годы «холодной войны» активно реализовывались дорогостоящие проекты создания новых отраслей военно-оборонной промышленности: атомной, ракетно-космической, электронной, которые производили новейшие виды вооружения, в том числе реактивную и ракетную технику.

Возрастание роли Сибири в народнохозяйственном комплексе СССР также происходило благодаря крупным капитальным вложениям в развитие экономики региона, которые требовались для целей качественного преобразования производительных сил на новой технической и технологической основе. Сибирская индустрия в этот период развивалась как за счет экстенсивных факторов и своих значительных природных возможностей, так и в результате нарастающих темпов интенсификации производства.

1960–1980-е гг. со всем основанием можно считать периодом, когда в советской индустрии происходило ускорение темпов научно-технического прогресса. На промышленных и транспортных предприятиях, в строительстве широко использовались новая техника, более совершенные технологические схемы, внедрялись достижения робототехники, микроэлектроники, информатики. Научно-технический прогресс явился также одним из главных факторов хозяйственного развития Сибири в этот период. Во второй половине XX в. СССР переживал новый этап индустриализации, связанной с крупномасштабным использованием природных ресурсов страны в экономике. В Сибирском регионе этой стратегической цели служила реализация крупных социально-экономических программ национального значения: Ангаро-Енисейской, Западно-Сибирской нефтегазовой, Байкало-Амурской. Они охватывали своим влиянием практически всю территорию СССР от Урала до берегов Тихого океана.

Важной составляющей процессов индустриальной модернизации в Сибири во второй половине XX в. стало развертывание энергетического строительства и создания на его основе энергоемких про-

изводств. Одним из крупных проектов, осуществлявшихся в 1950–1960-е гг., было решение так называемой Ангаро-Енисейской проблемы, включавшей строительство каскада мощнейших в мире гидроэлектростанций. В середине 1950-х гг. дала первый промышленный ток Иркутская ГЭС, в 1961 г. – Братская, в 1967 г. – Красноярская, затем были построены Усть-Илимская и Саяно-Шушенская. Все они производили большое количество дешевой электрической энергии и вносили весомый вклад в модернизацию экономики не только Сибири, но и страны в целом. По удельным затратам на строительство сибирские ГЭС являлись самыми дешевыми в мире. Например, Братская ГЭС полностью окупилась уже к сдаче Государственной комиссии. Каждые два года достигалась фондоотдача, равная капитальным вложениям в строительство. За первые 20 лет эксплуатации она выдала народному хозяйству около 400 млрд кВт·ч электроэнергии и 8 раз окупилась затраты на свое сооружение [2, с. 519].

Электроэнергетика Сибири стала мощным катализатором индустриального развития, в процессе которого формировались территориально-производственные комплексы, ставшие символами модернизации азиатской части России в XX столетии. Наиболее эффективными из них можно назвать Иркутско-Черемховский, Братско-Усть-Илимский, Центрально-Красноярский.

Специфически на модернизацию повлияло открытие крупнейших в мире месторождений нефти и газа в Западной Сибири и формирование здесь нефтегазового комплекса. С одной стороны, углеводороды, добываемые в больших масштабах, помогали решать энергетические проблемы в СССР, а с другой – активно тормозили модернизационные перемены в экономике, так как продажа нефти и газа за рубеж создавала иллюзию благополучия в советской экономике и сдерживала ее инновационное изменение. О техническом прогрессе больше говорилось, чем делалось.

Вместе с тем экономическое и социальное развитие территории разработки крупнейших в мире месторождений углеводородов происходило на слабо обжитой и необустроенной территории. Здесь велось масштабное промышленное, энергетическое и транспортное строительство, создавались новые города и рабочие поселки. В целом следует отметить, что модернизация экономики в Сибири происходила высокими темпами, отличалась крупными масштабами, что значительно повышало роль региона в хозяйственном и геополитическом развитии СССР. Благодаря индустриализации Сибирь в XX в. из аграрного края стала индустриальной.

Таким образом, в советский период главным фактором экономического развития Сибири являлась индустриальная модернизация региона. Этого в первую очередь требовала необходимость создания в тылу государства крупной военно-оборонной промышленности. В результате Сибирь значительно увеличила экономическую базу преимущественно за счет своего индустриального роста. Основу сибирского промыш-

ленного производства заложила реализация первых пятилетних планов, среди которых самым крупным проектом являлось создание Урало-Кузнецкого комбината. Дальнейшее развитие УКК позволило в годы Великой Отечественной войны развернуть в регионе масштабное производство продукции для фронта и развить новые отрасли не только военно-оборонного профиля, но и гражданского. В Сибири в годы войны создавались крупные промышленные предприятия машиностроения, энергетики, химического и электротехнического производства.

В послевоенные годы процессы индустриальной модернизации стали еще более значительными. Благодаря крупным капитальным вложениям росла роль региона в экономическом развитии СССР. Усилилась военно-оборонная промышленность Сибири, в ней появились новые отрасли, ее потенциал значительно увеличился. Основой послевоенного развития региона являлось продолжение реализации индустриальных программ, среди которых наиболее важными стали масштабное энергетическое строительство и создание на его базе энергоемких производств.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М.: Наука, 2000. 246 с.
2. Алексеев В.В. Алексеева Е.В. Зубков К.И. Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. М.: Наука, 2004. 600 с.
3. Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно временной аспект / под ред. В.В. Алексеева. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2011. 384 с.

4. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 10-е. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. 655 с.

5. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). М.: Политиздат, 1967. Т. 2: 1929–1932. 797 с.

6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7-е. М.: Госполитиздат, 1953. Ч. 2. 1204 с.

7. Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX веке. Концепции и решения. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2007. 288 с.

8. Экономические проблемы развития Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. 263 с.

#### REFERENCES

1. The experience of Russian modernization. XVIII–XX century. Moscow: Nauka, 2000, 246 p. (In Russ.)

2. Alekseev V.V. Alekseeva E.V. Zubkov K.I. Poberezhnikov I.V. Asian Russia in geopolitical and civilizational dynamics. XVI–XX centuries. Moscow: Nauka, 2004, 600 p. (In Russ.)

3. Alekseev V.V. (ed.). Civilizational identity of Russian modernization in the XVIII–XX centuries: spatial and temporal aspect. Ekaterinburg, 2011, 384 p. (In Russ.)

4. Stalin I.V. Questions of Leninism. 10<sup>th</sup> ed. Moscow: Partizdat, 1935, 655 p. (In Russ.)

5. Decisions of the Party and the government on economic issues (1917–1967). Moscow: Politizdat, 1967, vol. 2: 1929–1932, 797 p. (In Russ.)

6. The CPSU resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. 7<sup>th</sup> ed. Moscow: Gospolitizdat, 1953, pt. 2, 1204 p. (In Russ.)

7. Timoshenko A. I. Projects of social and economic development of Siberia in the XX century. Concepts and solutions. Novosibirsk: Siber. Sci. Publ. House, 2007, 288 p. (In Russ.)

8. Economic problems of Siberia's development. Novosibirsk: Nauka, 1974, 263 p. (In Russ.)

Статья принята  
редакцией 14.06.2018

## КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

DOI: 10.15372/HSS20180306  
УДК 094.5"16":281.93

Н.С. ГУРЬЯНОВА

### КОРМЧАЯ КНИГА В СИСТЕМЕ КНИЖНЫХ АВТОРИТЕТОВ ЗАЩИТНИКОВ СТАРОГО ОБРЯДА

Институт истории СО РАН,  
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье представлены результаты анализа сборника, составленного соловецким иноком Геронтием. В первую часть сборника он включил отобранные к тому времени защитниками старого обряда фрагменты текстов из авторитетных рукописей и старопечатных книг, подтверждающие обвинения в адрес реформаторов об их отступлении от традиции. Сделан вывод о том, что составитель использовал рукописный вариант Кормчей книги из библиотеки Соловецкого монастыря, постепенно убеждая читателей в авторитетности печатной Кормчей книги, изданной в 1653 г. патриархом Никоном. Необходимость обращения Геронтия к изданию Кормчей была обусловлена тем, что нужный ему фрагмент отсутствовал в ее рукописной традиции. Геронтий сумел ввести в круг авторитетных сочинений и печатное издание, чтобы усилить свою позицию и придать приводимым аргументам еще большую основательность.

*Ключевые слова:* XVII в., Русская православная церковь, реформа, раскол, Соловецкий монастырь, инок Геронтий, рукописный сборник, Кормчая книга.

N.S. GURYANOVA

### KORMCHAJA KNIGA IN THE SYSTEM OF BOOK AUTHORITIES OF THE OLD BELIEVERS

Institute of History SB RAS,  
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia

The article presents the results of the analysis of the handwritten collection in order to represent how the printed edition of Kormchaja kniga, carried out in 1653 by Patriarch Nikon, was included in the system of book authorities of the Old Believers. Attention is drawn to the fact that the first generation of opponents of the church reform, proving the illegality of the changes introduced into the rite and the liturgical practice of the Russian Orthodox Church, relied, first of all, on authoritative manuscripts and early printed books. Kormchaja kniga as a collection of church canons, Slavic and Russian laws, of course, was used by the first generation of defenders of the Old Belief. References to this book attached significance to any given argument.

The collection compiled by the monk Gerontij from Solovetsky monastery (Russian State Library, Egorov, No. 706) provided an opportunity to understand how the author proved the authority of the printed edition of Kormchaja kniga. Of course, Gerontij, first of all, drew attention to the hand-written version from the library of Solovetsky Monastery. He used this manuscript in all cases, when he found the fragment he needed. Analysis of the text of the first part of the collection made it possible to trace how the author gradually convinced the readers, that Kormchaja kniga is the authoritative source. Quoting from the manuscript, Gerontij noticed on the field that in printed version the reader will find a similar text. Gerontij proved the authority of the publication due to the fact that some needed fragments were absent in manuscript. Quotations from the print edition, when

---

Наталья Сергеевна Гурьянова – д-р ист. наук, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: gurian@academ.org.  
Natalya S. Guryanova – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of History SB RAS.

it was possible, were accompanied by the parallel texts from an ancient manuscript. It is concluded that Gerontij introduced the printed edition into the circle of authoritatives. It was necessary for him to strengthen his position. The reference to *Kormchaja kniga* was realized in the 17th century as an unconditional authority, because this text was authoritative both in canonical and historical aspects.

*Key words:* 17th century, Russian Orthodox Church, reform, schism, Solovetsky monastery, monk Gerontij, handwritten collection, *Kormchaja kniga*.

Реформа, начатая патриархом Никоном, привела к расколу в Русской православной церкви. Противники изменений, внесенных в обряд и богослужебную практику, стали доказывать их незаконность, отыскивая аргументы в авторитетных рукописях и старопечатных книгах, с помощью которых они обвиняли реформаторов в отступлении от православной традиции. Опираясь на расхождения текстов новых печатных книг с прежними изданиями Московского печатного двора, а также с авторитетными русскими и греческими рукописями, защитники старого обряда показывали, что речь идет о явных отступлениях вероисповедного характера<sup>1</sup>.

Соловецкий монастырь стал одним из центров сопротивления новшествам, внесенным в обряд и богослужебную практику Русской церкви в результате реформы. Благодаря богатейшей библиотеке и образованности иноков им удалось одними из первых представить результаты сравнения новых книг с рукописями и прежними изданиями Московского печатного двора, обратить внимание на древности, свидетельствующие о справедливости отстаиваемой ими точки зрения на дискуссионные вопросы. Открытое противостояние с царскими войсками закончилось поражением [2], но оно послужило, как очень точно заметил Д.С. Лихачев, «укреплению морального авторитета старой веры» [3, с. 31].

Не менее важную роль в распространении идей, которые будут положены в основание идеологии общественно-религиозного движения, получившего наименование «старообрядчество», сыграло творческое наследие соловецких иноков начального периода споров с реформаторами [4]. Сочинения Сергия Шелонина, Герасима Фирсова и других соловецких писателей воспринимались следующими поколениями защитников старого обряда в качестве авторитетных, к ним относились с большим пиететом, переписывая или цитируя дословно отдельные фразы. При этом старались дополнить аргументами, включая новые фрагменты из рукописей и старопечатных книг, с их вполне научным для того времени описанием.

Соловецкие иноки, начиная с Сергия Шелонина, не только писали авторские сочинения, в которых обосновывали свое право оставаться в оппозиции, но и составляли сборники<sup>2</sup>. Форма сборника давала им

возможность более полно представить свидетельства отступления реформаторов от традиции Русской церкви. Тщательный отбор фрагментов текстов из авторитетных рукописей и старопечатных книг, который давался в сопоставлении с цитатами из новопечатных изданий, преследовал цель – быть убедительными для читателей. Показательным в этом отношении следует считать Книгу Геронтия Соловецкого – РГБ, собр. Егорова (ф. 98), № 706 (далее – Е.706). Первую часть рукописи составили выписки, которые О.В. Чумичева считает подготовительными материалами для написания авторских сочинений, помещенных во второй части<sup>3</sup>.

Не вызывает сомнения справедливость характеристики выписок из рукописей и книг, изданных до реформы патриарха Никона и после, в качестве материалов, использованных составителем при написании авторских сочинений. Действительно, некоторые фрагменты воспроизводятся или на них ссылаются Геронтий в своих сочинениях. Эта подборка, открывающая сборник, явно выполняла еще несколько функций. Характерной чертой данного сборника является то, что в нем был реализован план создания цельного текста, не случайно обозначенного составителем в качестве «Книги». Первая часть была включена им с целью подготовить читателей к восприятию идей, сформулированных в помещенных далее сочинениях (подробнее см.: [7]). В них на поле для читателей помещались указания с рекомендацией ознакомиться с цитатами из первой части сборника: «В сей Книге, л. ...»<sup>4</sup>.

Подобными маргиналиями составитель ориентировал читателей, к какому разделу следует обратиться, чтобы получить более полную информацию об аргументе, на который сослался автор сочинения при доказательстве высказанной им мысли. Даже в том случае, когда отсутствовали такого рода указания, Геронтий явно рассчитывал на то, что читатели Книги вначале должны были познакомиться с подборкой выписок, составляющих первую часть сборника. Они были оформлены таким образом, чтобы авторитетность представленного текста не вызвала сомнения. Каждый фрагмент сопровождался заглавием-аннотацией, обязательно указывался источник – рукопись или печатная книга с точными сведениями об их происхождении.

Не случайно эти выписки открывают сборник. В них составитель сумел подборкой цитат, которые объединены в тематические разделы, показать свое отношение к новшествам, введенным в обряд и богослужебную практику Русской церкви. Для большей убедительности

<sup>1</sup> О том, что даже споры об обрядовых изменениях на Руси могли иметь вероисповедный характер, см.: [1, с. 34–113; 311–354].

<sup>2</sup> О.С. Сапожникова считает, что сборник Q.XVII.187, составленный Сергием Шелониным в 1657–1659 гг., был одной из первых «антиреформенных» рукописей, которая послужила источником и образцом для многих других старообрядческих сборников [5, с. 360–374].

<sup>3</sup> Описание сборника и характеристику содержания см.: [6, с. 61–63].

<sup>4</sup> См.: Е. 706, л.254, л. 271 об., 347 об. и др.

тельности Геронтий включил блок, охарактеризованный следующим образом: «Списание известного ради ведения из книг Никона бывшего патриарха, которых речи в коей книге у них переменены и с старыми книгами не согласуют»<sup>5</sup>. В нем, действительно, каждая цитата из новопечатной книги сопровождалась выпиской из издания, осуществленного до Никона, и из авторитетной рукописи для того, чтобы читатель убедился в явном отступлении реформаторов от традиции Русской церкви.

По-видимому, Геронтий считал, что знакомство с первой частью «Книги» не только подготовит читателей к восприятию его идей, сформулированных в сочинениях, но и сделает их более убедительными. Не случайно, высказывая свою точку зрения, автор часто, обозначив суть проблемы в заглавии главы, делает краткое заявление и перечисляет исходные тексты, в которых читатель сможет найти подтверждение высказанной мысли. Ярким примером такого изложения может служить 36-я глава, озаглавленная так: «О неписанном предании святых отец». Первой помещена фраза, в которой четко сформулирована основная мысль: «Да еще бы и в книгах о сем было не писано, но обаче древнее церковное предание, и презирати ево никакже не подобает». После этого идет перечисление текстов, которые служат аргументами для утверждения о ее справедливости: «Понеже в Толковом Евангелии воскресном в неделю 1-ю поста, лист 42, и в Беседах апостольских, лист 234 (в сей Книге лист 250), и в книге Кирилла Иерусалимского, лист 371, и в Правелех преподобного Никона в начале книги, и в книге Кормчей, правило Василия Великого 91, лист 249, и во Апостоле, зач. 276 и зач. 121...»<sup>6</sup>.

Это начало списка исходных текстов, к которым автор рекомендовал обратиться за подтверждением сформулированной мысли. В конце он привел только одну обозначенную цитату – из «книги Кирилла Иерусалимского», подчеркнув, что речь идет о печатном издании. Следовательно, составитель сборника в первой части поместил все отобранные противниками церковной реформы фрагменты текстов с целью опровергнуть законность нововведений. В сочинении ему достаточно было указать выходные данные нужной цитаты, чтобы читатель при необходимости мог отыскать ее и ознакомиться с ней в качестве аргумента.

Характеристика содержания Книги Геронтия в таком плане необходима для того, чтобы представить первую часть в качестве текста, в котором отчетливо проступает, каким образом памятники канонического права заняли достойное место в системе книжных авторитетов старообрядчества. Сборник Геронтия, скорее всего, во многом способствовал этому процессу. В нем заметно стремление составителя при отстаивании точки зрения на обсуждаемый вопрос апеллировать к подобным памятникам. Особый интерес был им проявлен к Кормчей книге.

Ключевой раздел в ней под названием «Изложение православные христианские веры, иже на Первом и на Втором Вселенском соборе» составитель начал с воспроизведения Символа веры, оформив ссылку так: «Из Книги преподобного Никона Черные горы мниха, лист 7»<sup>7</sup>. После этого помещены фрагменты из старопечатных книг и рукописей, которые служили аргументами для противников церковной реформы при доказательстве о незаконности изменений, внесенных патриархом Никоном в Символ веры и в форму крестного знамения. Эту подборку завершает комментарий составителя: «И сия убо сице вся вышеписанная о крестном знамении и о сложении перстов для десныя руки свидетельства от священных правил и богоносных отец. Подобнее и согласно сим обретается и во инех Священных книгах. Глаголю же в Хронографе, сиречь в летописце глава. В книге святого Кирилла Иерусалимского, в ней собрано многих святых отец писания о Святей Троице и на еретики о кресте, глава 14, в книге, иже о вере о кресте, глава 9, и в книге, глаголемей Катихисис, в четвертом артикуле веры. Их же множества ради не положих zde, усердствуя, иже да не обленится самыя оны книги внимателне прочести и обрящет во всех тех согласно вышеписанным zde о предлежащей вине»<sup>8</sup>.

В этом рассуждении на первое место Геронтий поставил свидетельства от «Священных правил». Действительно, переходя далее к теме ересей, он начинает со следующей цитаты: «Книга Кормчая о латынских ересех, глава 37-я, ересь 16. Пятию персты странно некако благословляют и последи палцем лице прекрещают»<sup>9</sup>. На поле рукой Геронтия сделана ссылка на исходный текст: «Сия книга Кор. пис. при велик. князе Василии в лето 7027» (подробнее об этой рукописи см.: [8, с. 91]). Затем фрагмент из Потребника московской печати, из главы 11: «Проклинаю, иже в латынх творимое странно некако благословение пятию персты и последи палцем лице прекрещают...»<sup>10</sup>.

Фраза из Кормчей книги, как считал Геронтий, написанной в 1519 г., оставлена без комментария, но следом помещено проклятие ереси из напечатанного в Москве Потребника, в котором она дословно воспроизведена. Из перечисления ересей в Кормчей книге акцент сделан на отмеченном в XVI в. отклонении от формы перстосложения, затем проклятие тех, кто придерживается ее, зафиксированное в московском печатном издании. После этого Геронтий опять помещает выписку из рукописной Кормчей, озаглавив ее: «Книга Кормчая глава 49-я. Чин»<sup>11</sup>. Действительно, далее приведены два небольших по объему фрагмента из чина принятия в православие тех, кто был крещен в ереси (текст см.: [9, с. 54–60 третьего счета]; о памятнике см.: [10, с. 318–319]).

<sup>7</sup> Е. 706, л. 50–50 об.

<sup>8</sup> Там же. Л. 57 об.–58.

<sup>9</sup> Там же. Л. 58.

<sup>10</sup> Там же, л. 58 об.

<sup>11</sup> Там же.

<sup>5</sup> Е. 706, л. 75 об.–96. Нач.: «В Потребнике печатном в десять выходы 167-го году лист 62...».

<sup>6</sup> Е. 706, л. 302–302 об.

Дословно скопировано начало, в котором про­стуеть суть чина: «Аще кто в ереси быв крещен, сый к Богу обратится любо хвалисин, любо жидовин, любо кий еретик, поставити его посреди церкви и начнет проклинати ереси от яковитян первое начиная»<sup>12</sup>. Геронтий опустил перечисление ересей, которые следует «проклинать», и указания, каким образом следует это делать, охарактеризовав пропуск следующим образом: «И повнегда прокленути ему вся ереси с начальники их, глаголет сице». Затем помещена ключевая для защитников старого обряда цитата из Кормчей: «Иже не крестит двема перстома, якоже и Христос, да будут прокляти»<sup>13</sup>.

Обращение соловецкого инокa к рукописной Кормчей книге явно имело особое значение. Он расположил фрагменты текстов таким образом, чтобы цитаты из нее служили основой аргументации. Для читателей, как считал Геронтий, это было авторитетным свидетельством справедливости утверждения о том, что на Руси традиционным было двуперстие. Высказать такое предположение позволяет следующее обстоятельство. Далее помещен текст, начинающийся 32-ю главу Стоглава под названием «О крестящихся не по чину»<sup>14</sup>. Дело в том, что в 31-ю главу были включены выписки из чина «Аще кто в ереси быв крещен...» с теми формулировками, которые Геронтий предпочел воспроизвести из Кормчей книги.

Возможно, это объясняется тем обстоятельством, что в Деяниях Московского собора 1666–1667 гг. было вынесено следующее определение по поводу собора 1551 г.: «А собор, иже бысть при благочестивом великом государе, царе и великом князе Иоанне Васильевиче, всея России самодержце, от Макария, митрополита московскаго, и что писаша о знамении честнаго креста, сиречь о сложении двою перстов, и о сугубой аллилуии и о прочем, еже писано не разумно, простою и невежеством, в книзе Стоглаве, и клятву, юже без разсуждения и неправедно положиша, мы православнии патриарси... и весь освященный собор... той собор не в собор, и клятву не в клятву, но ни во что вмняем, якоже и не бысть» [12, с. 220–221].

Кроме того, был сформулирован и запрет приводить в свидетельство решения собора 1551 г.: «Тем же убо по сему да никтоже и ныне стужает о сем настоящем соборе, видя некия вины на оном бывшем соборе при Иоанне Васильевиче погрешенныя: о кресте, и о трегубой аллилуии, и о согбении перст, и о символе... Бывший же зде собор оный во свидетельство да не приемлет...» [12, с. 394, 395]. Возможно, для Геронтия решение собора с участием восточных патриархов имело определенное значение, поэтому он, чтобы быть более убедительным, привел все нужные цитаты не из Стоглава, а из Кормчей книги.

Разумеется, Стоглав для соловецкого инокa был по-прежнему авторитетен. Об этом свидетельствует скопированное начало 32-й главы, посвященное осуждению тех, кто «крестится не по чину», но «чин» воспроизведен им по авторитетной рукописи. Решение собора пока Геронтием не оспаривалось, поэтому он предпочел нужные фрагменты из чина «Аще кто в ереси быв крещен...» скопировать из рукописной Кормчей книги. Для Геронтия и для читателей эта рукопись, естественно, была убедительным аргументом в пользу отстаиваемой точки зрения на форму перстосложения при осуществлении крестного знамения в Древней Руси. Скорее всего, он таким образом доказывал авторитетность Стоглава в данном вопросе, считая Кормчую более основательным текстом в каноническом отношении. Это дало ему возможность в сочинениях, помещенных во второй части Книги, сделать 31-ю главу важным аргументом в обосновании отстаиваемой точки зрения.

Первые защитники старого обряда создали базу из авторитетных текстов, благодаря которым они доказывали незаконность новшеств, внесенных в обряд и богослужебную практику в результате церковной реформы. Кормчая книга заняла достойное место в системе их авторитетов. Геронтиевский сборник показателен в этом плане. Анализ содержания первой части позволяет проследить, каким образом она была включена в этот круг. Обратившись к рукописному тексту, указав его выходные данные, далее составитель цитирует два фрагмента из издания Кормчей книги, осуществленного в 1653 г., т.е. оно было напечатано при патриархе Никоне [10].

Е.В. Беляковой убедительно показано, что подготовка текста была осуществлена при патриархе Иосифе, а в 1653 г. патриарх Никон внес небольшие коррективы, дополнив состав вводной главой «Сказание известно, чесо ради вселенский патриарх Константина града и Александринский, и Антиохииский, и Иеросалимский Римских пап от божественных восточных церкви от обычного поминания и любовнаго союза извергоша... об учреждении патриаршества» и легендарным «Константиновым даром» [10, с. 168–205]. Скорее всего, вводная глава<sup>15</sup>, внесенная патриархом Никоном, и была целью, из-за которой Геронтий приложил определенные усилия, чтобы доказать читателям авторитетность печатного издания.

Цитировать эту главу составитель начал с воспроизведения фрагментов из двух посланий восточных патриархов. Первый введен им следующим образом: «В книге Кормчей московской печати, лист 15, Иеремя Цареградский патриарх в лето 7097, егда бывшу ему в царствующем граде Москве, похваляя в рустей нашей земли истинное благочестие и православную христианскую веру в писании своем царю и великому князю Феодору Ивановичю всея Русии пишет

<sup>12</sup> Е. 706, л. 58 об.–59.

<sup>13</sup> Там же. Л. 59.

<sup>14</sup> «Мнози неразумнии человецы махающе рукою по лицу своему... А кто не внимает, ни послушает благаго наказания, да будет отлучен». – Е. 706, л. 59–59 об. Ср.: [11, с. 100].

<sup>15</sup> Характеристику состава, содержания, источников «Сказания об учреждении патриаршества» и литературы о нем см.: [10, с. 272–293].

сиде...» [14, л. 15–15 об.]<sup>16</sup>. В этом названии-аннотации фрагмента указаны точные выходные данные, откуда он скопирован, дата и место пребывания патриарха, а также обозначена важная для составителя идея, сформулированная в послании.

После этого помещена небольшая цитата, в которой обозначена суть политической концепции «Третий Рим»: «Понеже бо рече, Рим падеся аполинариевою ересью, Второй же Рим, еже есть Константинополь агарянскими внуцы от безбожных турок обладаем, твое же, о благочестивый царю великое Российское царствие Третий Рим благочестием всех превзыде и вся благочестивая в твое царствие воедино собращася. И ты един под небесем христианский царь именуешися во вселенней и во всех христианах и прочая»<sup>17</sup>. Следом составитель включил более пространную цитату из послания другого восточного патриарха, озаглавив фрагмент так: «По сем и Феофан Иерусалимский патриарх, бывый на Москве в лето 7127, такоже похваляет истинную православную веру и церковное исправление, яже в Рустей нашей земле. И пишет в той же Кормчей сиде. Лист 25...» [14, л. 25 об.–26]<sup>18</sup>.

В этих названиях-аннотациях цитат, скопированных из печатной Кормчей, проступает цель, которую преследовал составитель, включая их в сборник. Он отобрал фрагменты, в которых восточные патриархи писали о сохранении православной веры только в русской земле. Геронтия не остановило, что вводная часть ассоциируется с патриархом Никоном. По-видимому, для него важно было процитировать эти тексты, сославшись на канонический свод. До этого он предпочел обратиться к рукописной Кормчей, в которой указанные послания, естественно, отсутствовали.

Следом Геронтий поместил текст краткой редакции «Повести о белом клобуке», предварив его заглавием-аннотацией: «Сказание, что ради Великого Новгорода архиепископы на главах своих носят белый клобок и отчего начася и како и откуда прииде в Великий Новгород» (об этом варианте текста Повести см.: [15, с. 405–425])<sup>19</sup>. Легендарно-публицистическое сочинение продолжило тему прославления православия в его русском варианте. Составитель сумел придать рассказу о появлении в Новгороде белого клобука некоторую достоверность, поместив на поле две отсылки к русскому историческому произведению – Степенной книге<sup>20</sup>.

Целью включения данного текста в сборник было желание утвердить читателей в мысли о том, что белый клобок является доказательством сохранения русскими истинной веры. Об этом свидетельствуют заключительные фразы: «Разумейте же братие и отцы, яко по Божию велению от Рима отъята бысть честь и православие искоренися в Риме и предано бысть Велико-

му Новуграду и во всю рускую землю распространися и утвердися Христова православная вера... Мы же прославихом в Троицы единого Бога, давшаго нам познати святыи белый клобок»<sup>21</sup>.

После этого составитель заключает: «Ведомо же буди и сие. Яко о сем белом клобуке писано и в Кормчей печатной книге от задние доски, лист 8 на обороте, строка 20» ([14, л. 8 об. (четвертый счет)])<sup>22</sup>. Ссылка дана на включенный патриархом Никоном в печатное издание Кормчей книги текст – «Константинов дар» (о тексте см.: [10, с. 199–201]). При этом указан конкретный фрагмент, в котором, как сказано во вводной фразе, «о сем белом клобуке писано». Геронтий не включил весь текст о дарственном акте императора Константина папе Сильвестру, а предпочел скопировать Повесть, основанную на этом легендарном рассказе. Для придания достоверности он оформил две ссылки на Степенную книгу, должную свидетельствовать о реальности упоминаемых лиц. Ссылка на печатную Кормчую в конце явно должна была усилить аргументацию.

Несколько иначе Геронтий поступил с фрагментом из главы 20-й Кормчей книги<sup>23</sup>, введя его следующим образом: «Правила три, еже в Константине граде в преименитей церкви Божия премудрости, рекше во святей Софии, собравшагося собора, иже седмый собор утверди. Правило 2. Выписано из книги Кормчей печат. Мос. Лист 222»<sup>24</sup>. В данном случае составитель, повторив дословно название 20-й главы [10, с. 218], уточнил, что выписку сделал из 2-го правила, указав и лист в печатном издании.

Как установлено Е.В. Беляковой, к этому правилу в печатной Кормчей «добавлен... другой перевод из Никона Черногорца» [10, с. 218]. Проясняется причина, по которой Геронтий цитирует из издания, осуществленного патриархом Никоном. К Тактикону и Пандектам Никона Черногорца соловецкий инок апеллирует постоянно, приводя и дословные цитаты. По-видимому, в данном случае его привлекло то, что значимый для него текст был включен еще и в печатную Кормчую книгу. Это придавало правилу канонический характер.

Геронтий поместил следом еще один вариант процитированного правила, обозначив его так: «То же правило, ин перевод». На поле указал, откуда сделана выписка: «Из суздальской харатейной»<sup>25</sup>. Скорее всего, для противника церковной реформы наличие правила в древней рукописи служило дополнительной аргументацией авторитетности вышедшего из печати текста Кормчей книги. По-видимому, Геронтий считал необходимым убедить читателей в том, что это издание заслуживает доверия, поэтому в первой части привел

<sup>21</sup> Е. 706, л. 71 об.–72.

<sup>22</sup> Е. 706, л. 72.

<sup>23</sup> Нач.: «Аще который епископ или презвитер, или диакон восхощет снити во мнишеский чин...». До слов: «Его же самими делесы отвержеся». – Е. 706, л. 101–102.

<sup>24</sup> Е. 706, л. 101.

<sup>25</sup> Е. 706, л. 102–102 об.

<sup>16</sup> Е. 706, л. 63 об.–64.

<sup>17</sup> Е. 706, л. 64.

<sup>18</sup> Там же, л. 64 об.–65 об.

<sup>19</sup> Е. 706, л. 65 об.–72.

<sup>20</sup> Е. 706, л. 68 об.

параллельные фрагменты из печатной Кормчей и авторитетных русских рукописей.

Составитель явно пытался представить цитаты из Кормчей книги в качестве важных аргументов в пользу отстаиваемой точки зрения на обсуждаемый вопрос. Заимствования из печатного издания, когда это было возможно, он обязательно сопровождал воспроизведением параллельного текста из древней рукописи. «Сказание о болгарской и сербской патриархиях», которое открывает вводную часть Кормчей книги (о соч. и текст см: [13]), Геронтий предпочел скопировать из рукописи<sup>26</sup>, что обозначено в заголовке: «Из книги Кормчия письменные»<sup>27</sup>. Это вполне объясняется тем обстоятельством, что в печатной Кормчей, как справедливо отметила Е.В. Белякова, этот текст подвергся значительному редактированию: «... антигреческая направленность Сказания была сглажена... Сказание было расширено отступлениями, не повлиявшими на его основной смысл и тенденцию, а главное, оно и в печатной Кормчей XVII в. служило той же цели – оправдать факт самостоятельного возведения московских митрополитов, московскую автокефалию» [13, с. 145].

Для Геронтия, очевидно, особенно ценным оказалась антигреческая направленность Сказания, поскольку далее он поместил значительный фрагмент из сочинения Арсения Суханова, озаглавив его «Хождение старца Арсения Суханова в Палестину и ответы его противу патриарха и прочих греков»<sup>28</sup>. Естественно, составитель обратил внимание на рукописный вариант Кормчей книги. Дословно скопировав «Сказание о болгарской и сербской патриархиях», он поместил на поле замечание с целью привлечь внимание читателей к тому, что важная для противников церковной реформы мысль была сохранена и в печатной Кормчей: «В печатной Кормчей, лист 5 пишет також...»<sup>29</sup>.

Возможно, этот фрагмент из печатной Кормчей Геронтий выбрал для цитирования с целью продемонстрировать соответствие текстов в издании и рукописном варианте. В нем действительно антигреческая направленность только смягчена. В качестве примера можно привести параллельные тексты, где это особенно заметно:

Е. 706, л. 158

И убо грецы, яко лукави суще, истину корчемствующе, якоже бо рещи, благочестие продающе...

Кормчая книга, л. 5 об.

Но убо некогда гречестии власти, не вем по коему образу: или златолюбия и славолюбия, или конечнаго ради убожества, не туне власти епископства раздаваху, но, якоже глаголют нецыи, истинну корчемствующе и благочестие продающе...

<sup>26</sup> «Всеблагий Бог и многомилостивый, исперва от небытия сотвори род человек... И сих же ради никакovo же негодование Божие бывает, но паче повсюду благочестие снает» – РНБ, Соловецкое собр., № 476/495, л. 1–4. Ср.: Е. 706, л. 156–161 об.

<sup>27</sup> Е. 706, л. 156.

<sup>28</sup> Там же. Л. 169–194 об.

<sup>29</sup> Там же. Л. 158.

В данном случае одна четкая фраза из Сказания заменена пространным рассуждением, в котором обвинительная инвектива сформулирована уже не очень ясно. Дословное ее воспроизведение присутствует, но оно помещено после рассуждения о том, что «отступление» греческих властей произошло неизвестно, в какое время и по какой причине, а обвинение несколько смягчено вводными словами – «якоже глаголют нецыи...».

По-видимому, для Геронтия важно было обратить внимание на этот фрагмент, чтобы заметить на поле для читателя, что в печатной Кормчей книге «такоеж». Составителю показалось, что этого указания будет недостаточно, поэтому в конце первой части он скопировал фрагмент из издания 1653 г., к которому апеллировал в маргиналии, указав выходные данные и тему: «Из книги печатной Кормчей, лист 5-й. О поставлении болгарских властей»<sup>30</sup>. Совершенно очевидно, что Геронтий всякий раз старался убедить читателей в авторитетности издания Кормчей книги и соответствии его текста рукописной традиции. Разумеется, речь шла только о тех фрагментах, которые ему были нужны для того, чтобы отстоять свою точку зрения в спорах с реформаторами.

Обращение к тексту сборника Е. 706, составленного соловецким иноком Геронтием, позволило уточнить, каким образом первое поколение противников церковной реформы определило на будущее принципы формирования системы книжных авторитетов. Доказывая незаконность изменений, внесенных в обряд и богослужебную практику Русской церкви патриархом Никоном, они опирались, прежде всего, на авторитетные рукописи и старопечатные книги. Отбирали нужные фрагменты текстов, ссылались или цитировали их в авторских сочинениях, отстаивая свое право оставаться в оппозиции к церковной реформе. Формировался и фонд выписок, способных служить доказательствами при обвинении реформаторов в нарушении традиции Русской церкви. Из них составлялись сборники, или они включались в качестве самостоятельного раздела. Ярким примером такого рода рукописи служит Книга соловецкого инока Геронтия.

Кормчая книга в качестве свода церковных канонов, славянских и русских правовых памятников использовалась уже первым поколением защитников старого обряда. Ссылки на нее придавали значимость любому приводимому аргументу. Геронтий использовал рукописный вариант Кормчей из библиотеки Соловецкого монастыря. К нему он прибегал во всех случаях, когда находил нужный ему фрагмент. Анализ текста первой части сборника Е. 706 дал возможность проследить, как составитель постепенно убеждал читателей в авторитетности печатной Кормчей книги – издания, осуществленного патриархом Никоном. Необходи-

<sup>30</sup> «От Константина же града по многим местом первостоятелем поставляемым... В том самом граде Тернове пребывающе исцеление повсюду источают». – Е. 706, л. 203–204 об. – См.: [14, л. 5–5 об.].

мость обращения Геронтия к изданию Кормчей была обусловлена тем, что некоторые нужные ему фрагменты отсутствовали в ее рукописной традиции. Геронтий сумел ввести в круг авторитетных сочинений и печатное издание. По-видимому, это ему было необходимо, чтобы усилить собственную позицию, придав приво-димым аргументам еще большую значимость. Ссылка на Кормчую книгу осознавалась в XVII в. в качестве безусловного авторитета, как на текст, основательный во всех отношениях – каноническом, историческом.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Успенский Б.А.* Крест и круг. М.: Языки славянских культур, 2006. 488 с.
2. *Чумичева О.В.* Соловецкое восстание 1667–1676 годов. М.: ОГИ, 2009. 352 с.
3. *Лихачев Д.С.* Соловки в истории русской культуры // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М.: Искусство, 1980. С. 9–41.
4. *Юхименко Е.М.* Старообрядческая история Соловков // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб.: Наука, 2010. С. 289–308.
5. *Сапоженикова О.С.* Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010. 560 с.
6. *Чумичева О.В.* «Ответ вкратце Соловецкого монастыря» и Пятая соловецкая челобитная (взаимоотношения текстов) // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск: ВО «Наука», 1992. С. 59–69.
7. *Гурьянова Н.С.* «Книга» Геронтия Соловецкого // Общественное сознание и литература России: Источники и исследования. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. С. –21.
8. *Бубнов Н.Ю.* Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого. История о патриархе Никоне. СПб.: «Русская симфония», 2006. 320 с.
9. *Дмитриевский А.А.* Богослужение в русской церкви в XVI веке. Ч. 1: Службы круга седмичного и годичного и чинопоследования таинств: Историко-археологическое исследование. Казань: тип. Имп. ун-та, 1884. 614 с.
10. *Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А.* Кормчая книга: От рукописной традиции к печатному изданию. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 496 с.
11. Стоглав: Текст. Словоуказатель / отв. ред. Дж. Манискаль-ко Базиле, А.В. Юрасов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 320 с.
12. Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. М.: Братство св. Петра Митрополита, 1876. Т. 2: Документы, содержащие известия о лицах и событиях из истории раскола за первое время его существования. 430 с.
13. *Белякова Е.В.* Обоснование автокефалии в русских Кормчих // Церковь в истории России. М.: [б. и.], 2000. Сб. 4. С. 139–161.
14. Кормчая. М.: Печатный двор, 1653. 787 л.
15. *Кириллин В.М.* «Повесть о новгородском клобуке» // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Языки славянской культуры; Прогресс-традиция, 2004. Вып. 11. С. 393–437.

#### REFERENCES

1. *Uspenskiy B.A.* Cross and Circle. Moscow: Yazyki slavyznskikh kultur, 2006, 488 p. (In Russ.)
2. *Chumicheva O.V.* Solovetsky rebellion of 1667–1676. Moscow: OGI, 2009, 352p. (In Russ.)
3. *Likhachev D.S.* Solovki in the History of Russian Culture. *Arkhitekturno-khudozhestvennyye pamyatniki Solovetskikh ostrovov.* Moscow: Iskusstvo, 1980, pp.9–41. (In Russ.)
4. *Yukhimenko E.M.* Old-Believers' History of Solovki. *Knizhnyye tsentry Drevney Rusi: Knizhnoye nasledie Solovetskogo monastyrya.* St. Petersburg, Nauka, 2010, pp.289–308. (In Russ.)
5. *Sapozhnikova O.S.* Sergiy Shelonin, a Russian scribe of the XVII century. *Editorial Activities.* Moscow, St. Petersburg, Alyans-Arkheo, 2010, 560 p. (In Russ.)
6. *Chumicheva O.V.* “The Brief Response of the Solovetsky Monastery” and the Fifth Petition of the Solovetsky (Interrelationships of the Texts). *Studies in history of literature and social consciousness in feudal Russia.* Novosibirsk, VO “Nauka”, 1992, pp. 59–69. (In Russ.)
7. *Guryanova N.S.* “The Book” of Gerontij Solovetsky. *Obshchestvennoye soznaniye i literatura Rossii: istochniki i issledovaniya.* Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 2018, pp. 3–21. (In Russ.)
8. *Bubnov N.Yu.* Old-Believers' Literary Monuments: Works by Gerontij Solovetsky. The Story of Patriarch Nikon. St. Petersburg, Russkaya Simfoniya, 2006, 320p. (In Russ.)
9. *Dmitrievskiy A.A.* Liturgy in the Russian Church in the XVI Century. Kazan, Tip. Imp.un-ta, 1884, pt. 1: Liturgies of the Weekly and Yearly Cycles and Ordinances. *Historical and Archaeological Studies,* 614 p. (In Russ.)
10. *Belyakova Ye.V., Moshkova L.V., Oparina T.A.* Kormchaia Kniga: From the Manuscript Tradition to the Printed Edition. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015, 320 p. (In Russ.)
11. *Stoglav: Text. Concordance.* Ed.by G. Maniscale Basile, A.V.Yvrasov. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnukh initsiativ, 2015, 320 p. (In Russ.)
12. *Materials for the Early History of Schism.* Ed.by N.Subbotin. Moscow: Bratstvo sv. Mitropolita, 1876, vol. 2: Documents containing information about persons and events from the early history of schism, 430 p. (In Russ.)
13. *Belyakova Ye.V.* Justification for Autocephaly in the Russian Kormchaia Books. *Tserkov v istorii Rossii.* Moscow, 2000, col. 4, pp. 139–161. (In Russ.)
14. *Kormchaia.* Moscow: Pechatnyy dvor, 1653, 787 p.(In Russ.)
15. *Kirillin V.M.* “The Legend of the Novgorodian White Cow!” *Germenevika drevnerusskoy literatury.* Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, Progress-traditsiya, 2004, is. 11, pp. 393–437. (In Russ.)

Статья принята редакцией 28.06.2018

DOI: 10.15372/HSS20180307  
УДК 821.161.1+930.85

О.Д. ЖУРАВЕЛЬ

## САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИДЕРА РЕЛИГИОЗНОГО СООБЩЕСТВА В СОЧИНЕНИЯХ АНДРЕЯ ДЕНИСОВА\*

Институт истории СО РАН,  
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,  
Новосибирский государственный университет,  
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1

Статья посвящена изучению роли Андрея Денисова в организации крупнейшего старообрядческого центра на Выге. Впервые рассматриваются способы позиционирования руководителя старообрядческого движения. В первой четверти XVIII в. Андрей Денисов был идейным лидером старообрядческого движения, наиболее последовательно противостоявшего тенденциям вестернизации, которые были характерны для России того времени. Богатое рукописное наследие выговского «вожака» вошло в состав книжности старообрядцев разных согласий и на протяжении веков занимало там видное место, а его образ был сакрализован и стал достоянием культурной и исторической памяти русских традиционалистов. В статье на материале авторских текстов Андрея Денисова прослеживаются его самоидентификация, а также способы формирования образа лидера крупного религиозного сообщества.

Выявляются приемы, использованные им для успешной коммуникации внутри сообщества, устанавливается их связь с барочной литературной культурой, в рамках которой развивалось ораторское и проповедническое творчество знаменитого старообрядца, направленное на утверждение религиозного учения.

*Ключевые слова:* старообрядцы, Выг, Андрей Денисов, литературная культура, позиционирование, имидж, риторические стратегии.

O.D. ZHURAVEL

## SELF-IDENTIFICATION OF THE LEADER OF THE RELIGIOUS COMMUNITY IN THE WRITINGS OF ANDREI DENISOV

Institute of History SB RAS,  
8 Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, RF  
Novosibirsk State University  
1 Pirogova str., Novosibirsk, 630090, RF

The article deals with the methods of positioning and communicative strategies of the leader of the largest Old Believer's center in Vyg Andrei Denisov (1674–1730). The author focuses on the rich handwritten heritage of Andrei Denisov, which became part of the book culture of the Old Believers of a later time, and his image was sacralized. The Vyg founders succeeded in building their own cultural and ideological center inside the empire, a so called state of its own. The role of Andrei Denisov in this process was the most important. At the beginning of the 18<sup>th</sup> centuries Andrei Denisov was the ideological leader of Russian spiritual traditionalism, which opposes the tendencies of Westernization, which were characteristic of the Russian Empire. A unique literary culture of Vyg was born as early as the 18<sup>th</sup> century. It was based on ancient literary and spiritual traditions and the modern ideas of European Baroque. The genre of sermon showed its creative potential by appearing in new forms and using the Baroque rhetoric. A preacher of the Vyg Andrei Denisov aimed at creating exceptionally high quality sermons. Andrei Denisov, dealing with the problems of the *pustyn'* (hermitage) building, holding the debate and dealing with urgent everyday problems, found time to write a lot of sermons and messages as he fully realized the importance and effectiveness of the sermon word.

The article reconstructs self-identification and ways of forming the image of the leader of a large religious community, reveals the techniques used by Andrei Denisov for successful communication within the community, establishes their connection with the baroque literary culture. Experts in

---

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 28-09-00094а.

Ольга Дмитриевна Журавель – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, доцент, Новосибирский государственный университет, e-mail: helgazhuravel@gmail.com.

Olga D. Zhuravel – Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of History SB RAS, Associate Professor, Novosibirsk State University.

the field of political image among other characteristics of a successful political leader called the “legend”. The “legend” of Andrei Denisov based on the eschatological theory of the “spiritual antichrist”, which has taken possession of the outside world, is being restored from the totality of his writings.

*Key words:* Old Believers, Vyg, Andrei Denisov, literary culture, positioning, image, rhetorical strategies.

Выговское старообрядческое общежитие, возникшее в 1694 г. на Русском Севере, в Поморье, на протяжении почти полутора столетий оставалось не только главным оплотом староверия, но и крупнейшим центром народной культуры [1]. Расцвет Выга в значительной степени связан с деятельностью Андрея Денисова (1674–1730) [2], которого можно признать вождем русского духовного традиционализма. После избрания его киновиархом в 1703 г. Выговское общежитие, созданное по образцу русских монастырей, становится, по сути дела, своеобразным «государством в государстве». «Основатели Выга осуществили беспрецедентный для России опыт построения почти утопического бытия одной отдельно взятой религиозной общины. Они на протяжении полутора столетий превращали в процветающее и многолюдное общежитие некогда убогие и скудные лесные чащобы Севера» [3, с. 491]. Уже к 1720-м гг. Выг становится экономически процветающим, крупным центром, окруженным скитами, где жили семьи крестьян, разделявших убеждения староверов-беспоповцев.

Роль Андрея Денисова в обустройстве Выговской пустыни первых десятилетий XVIII в. трудно переоценить. Выговская утопия была воплощением аскетического идеала, она создавалась в условиях напряженных эсхатологических переживаний как «остров спасения в океане власти Антихриста» [4, р. 134]. Поэтому важнейшее значение Андрей Денисов придавал чистоте веры и соблюдению всех необходимых условий быта и внутреннего распорядка.

В семнадцатилетнем возрасте Андрей Денисов оставил семью и поселился в уединенном ските, участвовал в создании Выговской пустыни, а к 28 годам сумел завоевать такой авторитет у выговских старцев, что ему предложили место настоятеля. Уставные статьи, предложенные Андреем Денисовым, предполагали строгую иерархию и регламентацию всей жизни насельников Выга, что приближало этот устав к текстам сочинителей утопий [3, с. 496–497]. Большое внимание Андрей Денисов уделял и внешним связям, налаживая отношения со светской властью, с влиятельными людьми местности, где была расположена пустынь. Это было жизненно необходимо для существования центра, оппозиционного по отношению к правящей церкви: еще свежа была память о преследованиях и казнях первых защитников старого обряда, арестам подвергались брат Андрея Симеон Денисов, Даниил Викулин.

Весьма вероятна версия о личном знакомстве Андрея Денисова с Петром I, не раз приезжавшим в 1720-е гг. на Марциальные воды, а также близком общении с членами царской семьи, особенно с царицей Прасковьей Федоровной; он имел близкие контакты

с Г.В. де Геннином. Отношения со светскими властями в значительной степени основывались на экономических интересах: выговские насельники были приписаны к Олонецким горным заводам, кроме того, они слыли отменными рудознатоками, а Петр I умел ставить практическую пользу выше конфессиональных распрей. Необходимо отметить, что деятельность выговского лидера имела важное значение для всей последующей истории староверия. Его сочинения, созданные в рамках барочной риторической культуры, составили часть книжной культуры старообрядцев разных согласий, а личность была сакрализована уже следующим поколением защитников старого обряда.

Какие качества помогли Андрею Денисову стать столь успешным руководителем крупного центра и войти в историю оппозиционного религиозного движения? Безусловно, он обладал талантом организатора, большими познаниями не только в сфере догматики, но и практической жизни, экономики. Он рачительно заботился о благосостоянии пустыни, его многогранная кипучая деятельность охватывала все стороны жизни Выга. По сути дела, он был не только духовным, но и политическим лидером этого «государства в государстве».

Важно то, что довольно рано Андрей Денисов выдвинул прочно обоснованную концепцию создаваемого центра. Она выражена во множестве текстов, вышедших из-под его пера. Он является автором около 200 сочинений, написанных в разных жанрах [5, с. 88–128]. По словам С. Зеньковского, «в лице Андрея Денисова староверы обрели человека, способного выработать ясную и определенную доктрину и воспитать новые кадры фанатичных и упорных миссионеров» [6, с. 596]. Специалисты в области политической имиджологии среди прочих характеристик успешного политического лидера называют «легенду». Для появления легенды необходима демонстрация, как минимум, трех компонентов идеологии: политические цели, реальные дела и миссия, которая показывает, во имя чего ставятся и выполняются такие цели [7, с. 236–237]. Концепция Андрея Денисова была основана прежде всего на эсхатологической теории «духовного антихриста», завладевшего внешним миром. Модель выговской старообрядческой утопии спасения представляла собой, по сути, «трансцендентное духовное единство – взаимопроникновение жизни и религиозной веры» [6, с. 599]. В замысле создать этот центр противостояния губительным «новинам» правящей церкви, разрушившим былое единство веры и жизни, церкви и государства, С. Зеньковский видел некоторое подобие Civitas Dei, Града Божьего блаженного Августина.

В исследовании причин расцвета Выговской пустыни в первые десятилетия XVIII в. необходимо учитывать то уникальное значение, которое Андрей

Денисов и его сподвижники придавали слову. Обязательное слушание проповедей вменялось в обязанности выговцев уже в ранних уставных статьях Андрея Денисова, о которых шла речь выше. В периоды отсутствия киновиарха (Андрей Денисов совершал частые поездки в Москву, Петербург, другие города с целью получения книг или решения других дел, важных для пустыни) его послания зачитывались вслух, и слово Андрея Денисова продолжало звучать и спланивать ряды выговцев.

Таким образом, послания и проповеди играли важнейшую коммуникативную функцию, обеспечивая связь духовного вождя Выга с собором и насельниками пустыни. Постепенно создавался имидж духовного вождя, который затем будет подвергаться мифологизации в агиобиографических текстах, написанных его последователями, в эсхатологических выговских видениях и сыграет значительную роль в формировании исторической памяти старообрядцев. Но у истоков легенды – образ, который транслировал сам Андрей Денисов в своих текстах, адресованных защитникам старого обряда. Возможно ли это, учитывая, что автобиографическим элементом и авторефлексии не было места в сочинениях автора начала XVIII в., созданных строго в соответствии с риторическими канонами эпохи?

Андрей Денисов писал в рамках барочной литературной культуры, создаваемой на Выге при его прямом участии. Принципы барочной словесности прослеживаются во всех сочинениях Андрея Денисова. Барочные же авторы активно использовали поэтику уподоблений [8, с. 435]: все факты и явления, попадавшие в поле зрения писателя, подвергались переосмыслению, будучи соотношенными с некими образцами. Двойное кодирование, свойственное и средневековой словесности [9, с. 436–437], обретало новые формы. Широкое распространение получила в эпоху барокко теория четырех смыслов Священного Писания, в которой главенствующее значение обретал «аллегорический сенс». Многие сочинения Андрея Денисова начинаются с цитаты, служившей своеобразным семантическим маркером, – фемы. Цитата из авторитетного текста, чаще всего из Библии, в маркированной позиции начала сочинения играла роль тематического ключа, связывая буквальный и духовный смысл, задавая определенную модальность текста. В текстах Андрея Денисова цитаты не только служат раскрытию основного содержания послания, но и работают на создание образа автора.

Необходимо учитывать и то, что барочная культура уже в XVII в. выработала особую концепцию автора (поэта, проповедника). Согласно этой концепции, сформировавшейся уже у поэтов-силлабиков, автор, создающий тексты, уподоблялся Богу, Творцу всего сущего [8, с. 176–177]. Эта концепция нашла отражение в творчестве многих барочных авторов, в том числе Симона Полоцкого. Протопоп Аввакум воспринимал подобные идеи враждебно, посвятив не одно высказывание обличению «риторов и философов». Одна-

ко представители второго поколения старообрядцев, и в первую очередь Андрей Денисов, продолжая духовные традиции учителей раннего раскола в сфере религиозного канона, тем не менее отделяли веру от культуры, восприняв многое из идей и практики барокко. Они поставили на службу собственным целям не только новые принципы писательского труда, но и способы полемической аргументации, созданные в лагере духовных противников, представителей правящей церкви [10].

Библейскими аллюзиями и цитатами переполнены сочинения Андрея Денисова, все события и персонажи ставятся в ассоциативный ряд с библейскими аналогами. Под его пером текущая действительность обретала статус бытия, символическому перекодированию подвергался весь «сырой» материал. Необходимо отметить, что Андрей Денисов, прекрасно знакомый с риторическими правилами и каноническими текстами, не был рабом буквы, он свободно владел мастерством проповедника, комбинируя разные риторические формы, создавая собственные синтетические структуры. Это относится и к его работе с цитатами.

Особенно важным местом в тексте является начало. Даже если в нем отсутствует фема, именно начало задает тему, настрой, определенную модальность. Началу посвящены целые главы барочных риторик. И если в начале послания звучали слова проповедника: «Кто даст главе моей воду, – с Божественным пророком Иеремием вопию, – и очима моима источник слез, да плачу день и ночь доспевшее на ны злочастное сие время...»<sup>1</sup>, то слушатель воспринимал голос автора послания «в дуэте» с голосом пророка Иеремии.

Именно так начинается сочинение Андрея Денисова «О содержании староверства и о укоризне раскольникам». По сути дела, при помощи слов пророка автор легитимировал содержание полемического сочинения, где он пишет о важных обрядовых отступлениях правящей церкви. Его же собственная позиция отождествлялась с позицией пророка Иеремии. Как и в других своих текстах, проповедник и полемист достаточно вольно обращается с цитатой, адаптируя текст Библии к актуальным проблемам, волновавшим старообрядцев. В оригинале текст из книги пророка завершается словами: «я плакал бы день и ночь о пораженных дщери народа моего» (ср.: Иер 9:1). Андрей Денисов оплакивает «злочастное сие время» (тема «плачевного времени» – одна из ключевых в творчестве старообрядцев). В основной части этого сочинения, в изложении аргументации, также звучит голос пророка: «О них же благовременно с пророком вкратце рещи: «Дивен Бог во святых своих, Бог Израилев»<sup>2</sup>. Слово пророка сопровождает слово старообрядческого автора.

Еще один прием, используемый Андреем Денисовым в начале послания, – апелляция к словам самого

<sup>1</sup> Библиотека Российской академии наук (БАН), собр. Дружина, № 74. Л. 69 [11, с. 269].

<sup>2</sup> Там же.

Бога, услышанным пророком. «Слышите, возлюбленной мои, – рече Господь, – се пред вами дни скорбни, и от всех избавлю вас. Не бойтесь, не сумняйтесь, яко Бог водитель ваш есть. И иже воздержати заповеди и повеления моя, – рече Господь Бог, – да не отягчают вас грехи ваши, ни воздвигнутся беззакония ваша. Горе, иже стиснутся от грех своих и отягчатся от беззаконии своих», – у Ездры пророка Божия написано в 3 книгах, в главе 16» [12, с. 351]. Эффект воздействия на слушателей послания был обусловлен в первую очередь словами Всевышнего, подтвержденными затем ссылкой на пророка. Призыв руководителя Выга отказаться от грехов и ничего не бояться в страшное апокалиптическое время, поскольку они все уже прощены и приняты Богом-Отцом, обретал особую силу убеждения. Устами выговского лидера говорил, через посредничество пророка Ездры, сам Господь Бог.

Особенно многочисленны фемы, в которых используются цитаты из Псалтыри – одной из самых популярных и почитаемых в среде старообрядчества книг. Голос «царственного пророка», как неоднократно называет Давида-псалмопевца Андрей Денисов, настраивал и на определенную тему, содержащуюся в том или ином псалме. Тексты псалмов были хорошо известны слушателям, содержание сочинения обогащалось за счет отсылок к текстам псалмов, а интонации автора обретали новый тембр благодаря подключению голоса пророка Давида. «Кто есть человек, – возглашающе пророку, – иже поживет и не узрит смерти?» (Пс 88: 49) – так начинается Слово надгробное Петру Прокопьеву. В нем Андрей Денисов не только рассказывает о жизни и кончине одного из видных деятелей пустыни, но и создает первую историю по-морского согласия, а попутно – собственную концепцию старообрядческого сообщества как духовной семьи, где смерть не означает окончательной разлуки.

Цитатой из Псалтыри открываются и другие сочинения выговского проповедника. Например, акцентируется тема врагов и защиты от них в посланиях, где сообщалось об аресте, заключении и последующей судьбе Симеона Денисова (Пс 36: 14–15) [13, с. 94]. «Послание на Выг» начинается словами из Псалтыри «Аз же, внегда они стужаху ми, облачахся во вретнице и смирях постом душу мою, и молитва моя в недра моя возвратится» (Пс 34: 13) [13, с. 98], а «Послание выговцам по поводу заточения Данилы Викулина» открывается цитатой «Ядый хлеб мой возвеличил есть на мя лествь» (Пс 40) [13, с. 154]<sup>3</sup>.

Слова псалмопевца включались и в состав авторского высказывания в основной части сочинения. «Понеже убо ваше боголюбное сословие возжелесте церковлюбным усердием украсити всежеланныи Спаса Христа образ <...>, яко и с пророком вам соревноватно глаголати: «Господи, возлюбих благолепие дому твоего» (Пс 25: 8) (курсив мой. – О. Ж.). Андрей Денисов обращается здесь с праздничным поздравле-

нием в честь Преображения к насельникам Боровского скита, соединив свой голос с голосом пророка Давида [13, с. 210].

Цитаты из Евангелия в сочинениях Андрея Денисова встречаются намного реже. Так, например, Послание Петру Прокопьеву и Соломонии Денисовой, сестре Андрея, предваряется фемой: «В мире скорбь имети будете, о мне возвеселитесь» (Ин 16: 33) [13, с. 104]. Проповедническое «Слово о покаянии» содержит фему из Евангелия «Покаитесь, приближи бо ся Царство Небесное» (Мф 3: 2; 4: 17) [13, с. 362]. Благодарственное послание на Выг по случаю освобождения Семена Денисова начинается словами «самого Христа» о возмездии: «Бог же не имать ли сотворити отмщение избранных своих, вопиющих к нему день и ночь, и долготерпит о них? Глаголю вам, яко сотворит отмщение их вскоре» (Лк 18: 7–8) [13, с. 140]. И все же Новый Завет, в частности, Евангелия, цитируется намного реже, практически в единичных случаях. Обращение к словам пророков имеет более регулярный характер. Отметим, что это вполне соответствует характеру цитирования в сочинениях Андрея Денисова в целом, безотносительно к позиционированию автора. В них, как и в проповедях южнорусских гомилетов, преобладают отсылки к Ветхому Завету. Так, например, в «Слове о человеке» 18 цитат из Ветхого и 12 из Нового Завета [12, с. 148–149].

Позиционирование Андрея Денисова, ориентированное на высочайшие сакральные образцы, имело традицию в истории старообрядчества. Его знаменитый предшественник протопоп Аввакум создал собственный образ, используя обширный круг библейских реминисценций. Исследователи писали об уподоблении Аввакумом самого себя Христу, по-разному интерпретируя этот факт [14, с. 70–83; 15, с. 184–200]. Наиболее убедительным представляется рассмотрение позиции Аввакума в контексте апостолических, особенно паулианских текстов. Так, Н.М. Герасимова, анализируя цитаты и реминисценции «Жития» протопопа, сделала вывод о том, что представление Аввакума о собственном избранничестве основано на аналогиях с апостолом Павлом [16, с. 63]. А.И. Клибанов выявил в корпусе сочинений Аввакума до 170 обращений к Посланиям апостола Павла и обосновал этот феномен, сопоставляя личность и идеи Аввакума, выраженные в его произведениях, с учением апостола [17, с. 25].

Использование библейских тематических ключей в текстах Андрея Денисова позволило создать не только собственный образ в соотношении с высокими образцами. Имидж лидера всегда формируется при участии обеих сторон коммуникации. Адресаты слов и посланий Андрея Денисова также переосмыслились сквозь призму символов Священного Писания, обретая убедительность мифопоэтических образов. Барочное слово, адресованное слушателям (а проповеди и послания зачитывались прежде всего), основано на конвенции, предполагавшей условность. Слушатели послания включались в коммуникацию,

<sup>3</sup> Ср. также: [13, с. 223, 243, 260].

основанную на знаковой системе «двойного кодирования». «...Вам глаголю, воином Царя царем и Господа господем, всякаго чина, возраста же и служения... различными единого пути служения в пресветлейшии Матере градовом, во всекраснейшую митрополию, во сладчайшии небеснии Иерусалим, в вечную утеху, в нескончаемый прохлад, в клеветство пресветлых аггел, в соседство всекрасных жителей небесных: zde обнищавшим, тамо обогащающимся, zde смирившимся, тамо прославляющимся, zde служащим, тамо воцаряющимся...», – пишет Андрей Денисов в «Послании на Выг из Петербурга» [13, с. 132–133]. Выговцы в этом послании предстают как воины Христа, которые, преодолевая земные страдания, вершат шествие в Небесный Иерусалим.

В этом, как и в других сочинениях Андрея Денисова, создается обобщенный образ выговцев: по сути дела, они и воплощают собой Выговскую пустынь, т. е. Церковь, которая, согласно Иоанну Златоусту, есть «не стены и покровы, а вера и житие». Далее мысль проповедника вполне логично (хотя миф не поддается логике) идентифицирует Церковь и апокалиптическую Жену, облеченную в Солнце (Откр. 12). Индивидуальность каждого отдельного насельника становится неактуальной, она теряется в этом лучезарном образе Жены из Откровения Иоанна Богослова, которая в других текстах Андрея Денисова отождествляется с Церковью-Невестой Христа. Старообрядцы позиционируются в аспекте экклезиологии как персонифицированное целое, которое стремится воссоединиться с Христом. Этикетное обращение к слушателям послания является одновременно обращением к Церкви: «Всекраснейшия солнцелобченныя жены, возлюбленныя пресветлейшаго Жениха Невесты, сладчайшыя матере нашае православыя Церкви <...> Вам, благочестному сословию, пасущим и пасомым, тако общне, яко особне живущим, людем христоименитым о Христе Исусе вечней надежде радоватися!» [13, с. 117–118].

Обращаясь к пустынножителям, Андрей Денисов часто называет их путешественниками, странниками, путниками. Мотив непрерывного пути – одна из составляющих темы пустынножительства. Адресаты его посланий находятся в постоянном, непрерывном движении, в ходе которого они не только сопротивляются губительному влиянию апокалиптической эпохи (именуемой Андреем Денисовым «вском»), но и приближаются к конечной цели пути – к Небесному Иерусалиму, своим духовным подвигом создавая особое сакральное пространство, островок спасения в «каменистой пустыне». Более того, в посланиях они даже именуется «Гражданами Небесного Иерусалима».

Как и в древнерусских хождениях в Святую Землю, в сочинениях Андрея Денисова путь к небесным обителям сопряжен с опасностями, что метафорически выражено в описаниях сурового дикого пейзажа. Это «путь, тернием и острым камением постланнный, путь, ратей и страстей изнаполненный, – отсюда змии зияюще, отонюду звери пожирающе, отгинуду раз-

бойницы разбивающе, отсюду наветницы бесчинующе, идеже татие подковывающе, идеже пленующи пленяюще и невнимающыя в темная адская жилища заносяще» [12, с. 207]. Описывая картины страшного «века», автор преисполняется пророческим пафосом, уподобляясь пророку Моисею, ведущему свой народ через пустыню.

Таким образом, тексты Андрея Денисова, слушание которых входило в обязательный круг обязанностей пустынножителей, транслировали идеи религиозного лидера, которые были оформлены в соответствии с эстетическими требованиями барочных риторик. Авторское «я» представало в обрамлении цитат, почерпнутых из Священного Писания, в большей части из книг пророков и Псалтыри. Голос проповедника обретал особую силу и значимость в резонансе с сакральными источниками, самоидентификация лидера религиозного сообщества формировалась при помощи высоких авторитетов священных текстов. Наиболее часто использовались цитаты из Псалтыри и книг пророков, именно они придавали словам киновиарха весомость непререкаемых Божественных глаголов. Слово проповедника по своей значимости можно сравнить со словом поэта, как его понимали теоретики барокко, приравнивающие поэтическое слово к Логосу.

Важным элементом сакрализации слова проповедника было и кодирование, которому подвергался обобщенный образ адресатов, насельников Выга. «Воины Христа», совершавшие неустанный путь в небесные чертоги, соединялись в целостный персонифицированный образ Церкви, которая в условиях эсхатологической угрозы представляла как «Жена, облеченная в Солнце». Так, при помощи системы двойного кодирования выстраивался проповеднический дискурс, главной целью которого была пропаганда учения, признанного его идеологами единственно верным. Условием реализации учения и воплощения его в жизнь было создание образа лидера. Самоидентификация Андрея Денисова как духовного вождя религиозного сообщества легла в основу его последующей сакрализации, формируя анналы исторической памяти русских традиционалистов.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь // Духовная жизнь и литература: в 2 т. М., 2002. Т. 1. 544 с.
2. Поньрко Н.В. Андрей Денисов Вторушин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: изд-во «Дмитрий Буланин». 1992. Вып. 3 (XVII в.), ч. 1. С. 78–81.
3. Выгорецкий Чиновник: в 2 т. СПб., 2008. Т. 2: Маркелов Г.В. Выгорецкий Чиновник: Тексты и исследования. 556 с.
4. Crummey Robert O. The Old Believers and the World of Antichrist: The Vyg Community and the Russian State 1694–1855. Madison, Milwaukee and London, 1970. 258 p.
5. Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописей. СПб., 1912. С. 88–128.
6. Зеньковский С.А. Идеологический мир братьев Денисовых // Русское старообрядчество: в 2 т. М., 2009. Т. 1–2. 688 с.

7. Загайнов А.В. Понятие имиджа политического лидера: сущность и подходы к определению // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. 2007. Т. 149, кн. 3: Гуманитарные науки. С. 227–240.

8. Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1973. 280 с.

9. Пиккио Р. Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. М., 2003. С. 431–473.

10. Гурьянова Н.С. Рукописные сборники и оформление идеологии старообрядческого движения. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2017. 230 с.

11. Описание Рукописного отдела Библиотеки РАН. СПб., 2001. Т. 7, вып. 2: Сочинения писателей-старообрядцев первой половины XVIII века / Сост. Н.Ю. Бубнов. 448 с.

12. Журавель О.Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI вв.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 442 с.

13. Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития: в 2 т. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 1. 688 с.

14. Хант П. Самооправдание протопopa Аввакума // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 70–83.

15. Плюханова М.Б. О некоторых чертах личностного сознания в России XVII в. // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 184–200.

16. Герасимова Н.М. Поэтика «Жития» протопopa Аввакума. СПб., 1993. 88 с.

17. Клибанов А.И. Протопop Аввакум и апостол Павел // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.): сб. науч. тр. М., 1994. С. 12–43.

#### REFERENCES

1. Yukhimenko E.M. Old Believers' Desert of Vyg. *Spiritual life and literature*: in 2 vols. Moscow, 2002, vol. 1, 544 p. (In Russ.)

2. Ponyrko N.V. Andrei Denisov Vtorushin. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. St. Petersburg: Publishing house "Dmitriy Bulanin", 1992, iss. 3 (XVII century), pt. 1, pp. 78–81. (In Russ.)

3. Vygoreskiy Chinovnik: in 2 vols. St. Petersburg, 2008, vol. 2: Markelov G.V. Vygoreskiy Chinovnik: Texts and studies. 556 p. (In Russ.)

4. Crummev R.O. The Old Believers and the world of antichrist. The Vyg Community and the Russian State 1694–1855. Madison, Milwaukee and London, 1970, 258 p.

5. Druzhinin V.G. Writings of Russian Old Believers: A list of manuscripts compiled from printed manuscript descriptions. St. Petersburg, 1912, pp. 88–128. (In Russ.)

6. Zenkovsky S.A. The ideological world of the Denisov brothers. *Russkoye staroobryadchestvo*: in 2 vols. Moscow, 2009, vol. 1–2, 688 p. (In Russ.)

7. Zagainov A.V. The concept of the political leader's image: essence and approaches to the definition. *Uchenyye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007, vol. 149, bk. 3: Gumanitarnyye nauki, pp. 227–240. (In Russ.)

8. Panchenko A.M. Russian verse culture of the XVII century. Leningrad: Science, Leningrad Branch, 1973, 280 p. (In Russ.)

9. Picchio R. The function of biblical thematic keys in the literary code of Orthodox Slavdom. Pikkio R. *Slavia Orthodoxa: Literatura i yazyk*. Moscow, 2003, pp. 431–473. (In Russ.)

10. Guryanova N.S. Handwritten collections and the figuration of the ideology of the Old Believer movement. Novosibirsk: Institute of History SB RAS, 2017, 230 p. (In Russ.)

11. Description of the Manuscript Division of the Library of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, 2001, vol. 7, s. 2: Compositions of Old Believer writers of the first half of the XVIII century. Comp. N.Yu. Bubnov, 448 p. (In Russ.)

12. Zhuravel O.D. Literary creativity of the Old Believers XVIII – early XXI centuries: themes, problems, poetics. Novosibirsk: Publishing House of the SB RAS, 2012, 442 p. (In Russ.)

13. Yukhimenko E.M. Literary heritage of the Old Believers community of Vyg: in 2 vols. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2008, vol. 1, 688 p. (In Russ.)

14. Hunt P. Self-justification of Archpriest Avvakum. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, 1977, vol. 32, pp. 70–83. (In Russ.)

15. Plyukhanova M.B. On some features of personal consciousness in Russia XVII century. *Khudozhestvennyy yazyk srednevekov'ya*. Moscow, 1982, pp. 184–200. (In Russ.)

16. Gerasimova N.M. Poetics of "Zhitiye" of Archpriest Avvakum. St. Petersburg, 1993, 88 p. (In Russ.)

17. Klivanov A.I. Protopyop Avvakum and the Apostle Paul. *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XVIII vv.)*. *Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, 1994, pp. 12–43. (In Russ.)

Статья принята редакцией 02.07.2018

DOI: 10.15372/HSS20180308  
УДК 861.161.1"15"

Л.И. ЖУРОВА

## ПЕРЕПИСКА ПУБЛИЦИСТОВ КАК ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI в.\*

Институт истории СО РАН,  
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Особенностью истории переписки публицистов XVI в. стал тот факт, что до нас большей частью не дошли провокативные письма. На основе анализа посланий Максима Грека, Федора Карпова, митрополита Даниила определено признаковое пространство их интеллектуальной идентичности. Близость взглядов и позиций Максима Грека и Федора Карпова по вопросам правды и справедливости в обустройстве общества, сходство в стремлениях поддержать монархический тип правления, склонность к утопическим проектам в политической организации власти, проявление гуманистических подходов в решении ряда общественных проблем, а также сохранение чувства собственного достоинства в ситуации размолвки объединяют участников переписки в элитарную группу Московской Руси. Отношение к слову как целебному средству – одна из доминант идентичности Максима Грека и Федора Карпова. В посланиях митрополиту Даниилу оба публициста независимо друг от друга выступили в положении «свой» – «не свой».

*Ключевые слова:* послания, публицистика XVI в., Максим Грек, Федор Иванович Карпов, митрополит Даниил, интеллектуальная идентичность.

L.I. ZHUROVA

## CORRESPONDENCE OF THE PUBLICISTS AS AN EXPERIENCE OF FORMING INTELLECTUAL IDENTITY IN MUSCOVIA OF XVI CENTURY

Institute of History SB RAS,  
8, Nikolayeva str., Novosibirsk, 63090, Russian Federation

The popularity and relevance of letters in XVI century publicism resulted from the fact that during the establishment stage of the Russian autocracy the word became an effective tool for defending opinions, ideas and conceptions. Letters as an epistolary genre transformed into a correspondence between famous people of elite communities – civil and religious. The most peculiar thing in its history is that most of provocative letters did not survive to nowadays. The contacts between Maximus the Greek and Fedor Karpov were documented by the correspondence which transformed from personal communication into the fact of political and church life, and a mark of mental strivings and ideological trends of the epoch. The analysis of correspondence concerning the acquaintance of two vivid personalities has shown that the mutual understanding was based on the correlation of inner world parameters of an educated monk and a man of education at Muscovia court. Disagreements and reconciliations, quarrels and understanding are represented in the correspondence of publicists, which preserved the memory of individual personalities. Dialogues between Maximus the Greek and Fedor Karpov were rich in topical issues (discussion of theological doctrine about a Sacred Trinity, the role of predictive astrology). Despite the friendly relationships, they often polemicized. Clear position of Saint Paisios, systematic representation of facts, deep knowledge of the object of discussion and the affective tone of utterance were food for Russian diplomat's thoughts. Treating a word as a cure is one of the dominant features of Maximus the Greek and Fedor Karpov's identity. Both publicists in their letters to Metropolitan Daniel independently of each other took the position of "native" – "non-native". Closeness of views and positions of Maximus the Greek and Fedor Karpov upon the question of truth and justice in the society organization, similarity of intentions to support the monarchy, tendency to utopian projects of government political organization, and humanist approach to the solution of several social issues altogether comprise a characteristic field of group intellectual identity of publicists in XVI century. From the point of view of dynamic relations, both personalities took leading positions in the correspondence, and their common efforts produced rules and regulations of Muscovia intellectual elite identification in the first half of XVI century.

*Key word:* messages, journalism of the XVI century, Maxim Grek, Fedor Ivanovich Karpov, Metropolitan Daniel, intellectual identity.

\*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00094а.

Людмила Ивановна Журова – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: zhurova@ngs.ru.  
Ludmila I. Zhurova – Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of History SB RAS.

Популярность и востребованность посланий в публицистике XVI в. обусловлена тем, что в эпоху становления самодержавия в России слово стало действенным орудием в борьбе мнений, идей, концепций, эффективным средством полемики и назидания. В одном из своих сочинений Максим Грек, подводя некоторые итоги своего творчества, определял собственные обличительные сочинения как «непобедимое оружие, которым можно заградить уста скверных»<sup>1</sup>. Послания как эпистолярный жанр, безусловно, складывались в переписку. Особенностью ее истории стал тот факт, что она часто представлена неполно: как правило, не сохранилось письмо, ее иницилирующее, выполняющее провокативную функцию. Известны случаи, когда ответное послание построено на делиберативном вопросе, например, послание Максима Грека Николаю Булеву [1, с. 133]. Переписка – активный коммуникативный акт, обнаруживающий параметры идентичности, динамические отношения между «я» и «другим», «своим» и «не своим». И в качестве объекта научного исследования «... дневники, письма, автобиографические материалы, продукты эмоционально-творческой деятельности индивида, в которых запечатлен его эмоционально-психический и интеллектуальный мир, его самосознание и индивидуальный жизненный опыт, вышли на первый план не вопреки, а благодаря своей субъективности...» [2, с. 6].

История складывавшихся на протяжении ряда лет отношений двух ярких личностей Московской Руси первой половины XVI в. – ватопедского монаха, приглашенного великим князем для перевода греческих книг, Максима Грека и русского дипломата, одного из образованнейших людей своего времени Федора Ивановича Карпова – служит основой для изучения групповой идентичности в эпоху русского Средневековья как научной проблемы. Они оба были публицистами и переводчиками и находились в одном сегменте культурного и географического пространства – в Московском Кремле (Максим Грек жил в Чудовом монастыре) и, безусловно, оказывали большое влияние на формирование интеллектуальной среды столичного общества.

В рукописном наследии Максима Грека большая часть посланий приходится на ранний период его творчества в России (1518–1525 гг.). В основном они связаны с именем Федора Ивановича Карпова – дипломата, окольничего [3, с. 123–128]. Общение этих двух ярких личностей известно по переписке. «Их беседы, – писала Н. В. Сеницына, – оформлены в послания, которые почти сразу превращались из акта личного общения в факты церковно-политической жизни и показатель умственных исканий и идейных течений своей эпохи, становились достоянием достаточно широкого круга читателей» [3, с. 123].

В исследованиях часто ссылаются на примечательный случай, рассказанный Федором Карповым [4,

с. 340–342] и послуживший началом его активного общения с Максимом Греком. Это пример живой памяти индивидуальной личности, который позволяет проследить историю складывания идентичности малой группы. К Федору, стоявшему в церкви Святого Николая в Москве, обратился священник этого храма Стефан с вопросом, знает ли тот о послании инока Максима к Николаю (Николаю Булеву), и показал «бумажку» с текстом<sup>2</sup>, в котором изложено суждение о трех лицах Троицы. Служителя храма смутило одно из положений сочинения: Отец «ни от Себя, ни от иного бытие имеет», и Карпов его успокоил: «Перестань, Стефан, не сможешь опровергнуть его, я знаю Максима, он не пишет без знаний святого Писания, а заимствуя их, передает нам». В этом ответе следует обратить внимание на свидетельства: «я знаю Максима» и оценку: автор сведущ в богословии. Заключение Карпова, безусловно, основано на его знакомстве с трудами Святогорца, примером может служить первое антилатинское послание, адресованное Карпову, в котором Максим Грек обличает учение Николая Немчина (Булева) о Святой Троице [1, с. 171–198]. В своих первых полемических сочинениях Святогорец опирался на библейские цитаты, апостольские послания и произведения святых отцов, и они заняли большое пространство в авторском тексте.

История с «бумажкой» имела продолжение. Федор Карпов, «бумажку ону в руках имея», обратился с ней к Власию, помощнику Максима в переводческой деятельности, которого он случайно встретил на великокняжеском дворе. Толмач предложил посоветоваться с самим ученым греком, но русский дипломат рассудил: «Чего ради буду утруждать его из-за попа, давшего бумажку, и решил, что тому несерьезно с Максимом стязаться».

Дальнейшие события развернулись таким образом: Власий, видимо, не совсем точно передал ученому греку состоявшийся разговор, и «Максим, инок Святой Горы» написал короткое письмо «господину Федору Ивановичу Карпову», в котором обвинил адресата: «что укоряешь меня, как нелепо мудрствующего», а приведенный догмат о Троице, указывает инок, принадлежит Григорию Богослову, и Федору следовало бы знать святых отцов. Заканчивает Максим эпистолию в раздраженном тоне: «Перестаньте хулить на Бога, не имея знаний, и нас несправедливо укорять, более и того и других научите, чтобы не покрыли нас хульным именем, которое вами провозглашено».

Ответ Федора Карпова выдержан в формате эпистолярного жанра и дипломатического тона, начинается с приветствия: «Господину Максиму иноку Федор Иванов, сын Карпов, челом бьет» и заканчивается добрым пожеланием: «Здрав будь во спасении» и упреком: «хотя нам поздравления не написал». Содержанием письма стал рассказ о встрече со Стефаном, изложенный выше. Примечательны два момента.

<sup>1</sup> «Ответ вкратце к Святому собору о том, в чем оклеветан». – Цит. по рукописи: РГБ. Ф. 256. Собр. Румянцев. № 264. Л. 289.

<sup>2</sup> Это было послание Максима Грека Николаю Булеву [1, с. 133–138].

Во-первых, Ф. Карпов тоже отвечает Максиму в коррипторном тоне: «Не подобает тебе, о философ, прежде суда судить и корить нас, не слыша из наших уст» – и предлагает вспомнить евангельскую цитату: «Как слышу, так и сужу, и суд Мой праведен» (Ин 5:30). Во-вторых, он четко обозначил позицию человека, сохранившего собственное достоинство: «Скажу тебе без обид, не следую какому-то мнению, но истине повинуюсь. Каков я есть, таким и хочу тебе представиться: не прибегаю я к лицемерному образу». Искренним и правдивым до конца жизни оставался и Максим Грек. Безусловно, это общая нравственная позиция способствовала сближению двух неординарных и непохожих личностей – ватопедского инока и сугубо мирского человека, грека и русского православного. Конфликт поспособствовал открытию внутреннего мира его участников и обнаружил родство душ, высокий уровень интеллекта.

Максим Грек ответил примирительным посланием [1, с. 143–144], в котором этикетные формулы сыграли свою церемониальную роль и помогли наладить дружеские контакты между собеседниками. В прескрипте: «Господину моему Феодору Ивановичу Карпову Максим инок радоваться о Христе!» местоимение «моему» вписано над строкой в основном списке ГИМ. Синод. собр. № 791. Середина XVI в. Л. 123 об., а в списке РГИА. Ф. 834. Оп. 3. № 4025. Конец XVI в. Л. 124 об. оно пропущено. Трудно сказать, было ли это определение в оригинале. Вероятнее всего, оно отражает восприятие русскими книжниками отношений между известными авторитетными личностями. Главное, достигнутое взаимопонимание построено на совпадении параметров внутреннего мира просвещенного грека и московского интеллектуала. Инок Максим обращается к Федору Карпову в посланиях: «твоя светлость», подчеркивая тем самым его высокое положение и свое уважительное отношение. Эпистолии Федора он называет «честными грамотами», хвалит за смелость: «То, что ты нам дерзновенными письменами и непостыдно отвечаешь, я хвалю, радуюсь и принимаю как истинную благу смелость». Вот эта оценка дерзости и смелости, которые помогают установить истину, означает и принятие Максимом Греком личности, схожей с ним по нормам этического поведения, объединенной общим интересом к знаниям, близкой по общечеловеческим ценностям. Ученый монах признается: «Я не только не уязвлен обличениями ответа твоего премудрого, но и испытал благодать от твоего благого совета, который прежде и сам знал, и готов повиниться перед тем, кто известил меня о достоверных событиях». И в конце этого короткого послания Максим приносит извинения: «Прости подружески, что пострадал от меня, и дальше пиши мне с дерзновением и спрашивай, и то, что потребуешь, получишь от меня и послушаешь обо всем». Примечателен постскрипт Максима Грека: «А философом Бога ради не зови меня, я инок, больше всех невежа». Это не только самоуничижительная формула, но и знак дружеского предрасположения к Федору Ивановичу.

Сам факт примирения, обмен любезностями подчеркивает соответствие поведенческих норм двух незаурядных натур. Максим Грек, ватопедский монах, человек византийской культуры и европейской образованности, и Федор Карпов, выходец из старинного княжеского рода, потомок тверских бояр, перешедших на московскую службу, русский дипломат (специалист в первую очередь по восточному вопросу, крымским делам), – люди разной социальной общности, но близкие по интеллектуальной культуре, духовному миру. Они умеют общаться на тонком уровне психозитических связей сильных личностей: упрекнуть и попросить прощение (Максим Грек), встретить упрек и защитить свое достоинство (Федор Карпов). Так формируется общность, конституируется идентичность, складывается интеллектуальная элита. Размолвки и примирения, споры и соглашения представлены в переписке публицистов.

Максим Грек адресовал Ф.И. Карпову четыре пространных послания просветительского характера, в которых он полемизирует с Николаем Немчиным. Первое антилатинское сочинение, посвященное догмату о Святой Троице, *filioque*, он пишет между июлем 1521 – декабрем 1522 г. [1, с. 35, с. 171–198] в ответ на письмо дипломата: «Известна мне твоя краткая эпистолия, ко мне написанная, о пречестнейший и превозлюбленнейший господин Федор, духовною сладостию наполненная и напитанная». Святогорец не скупится на величания и похвалы своего адресата: «в православии знаменит и многим разумом воистину украшен». Он обращается к нему: «о прелюбезнейшая моя глава», «о премудрый Федор», «господин Федор». Концовка обширного трактата свидетельствует о надежде на взаимопонимание: «На этом первую часть слова заканчиваю, которую твоя светлость примет и прочтет, и если что доброе в ней есть, то найдет».

Диалоги между Максимом Греком и Федором Карповым были богатыми по содержанию. О них мы можем судить по посланиям ученого грека, в которых есть ссылки на несохранившиеся письма дипломата. Видимо, несмотря на дружеское расположение, они часто полемизировали. Так, во втором послании против астрологии [1, с. 301–334], которое Н.В. Синицына датировала сентябрем 1523 г. – февралем 1524 г. [1, с. 35], Максим Грек упрекает Федора Карпова в его увлечении астрологией: «Прочел твое послание ко мне, господин Федор Карпов, и удивился разногласию в твоих словах, изложенных нехорошо, недостойно твоему благочестию и разуму, о которых у меня было благое мнение». Обращает на себя внимание почти официальное обращение – «господин Федор Карпов», которое диссонирует с апеллятивами предыдущих посланий. Оно отражает эмоциональное настроение монаха, раздраженного и возмущенного «восстанием против разумений Церкви» своего друга. Ссылаясь на свое первое послание против астрологии [1, с. 255–294], Максим Грек упрекает Федора в том, что тот «не мог уразуметь его», в котором «уже изблещили обман лести звездозрительной» (учения астрологов). О содер-

жании краткой эпистолии Федора можно судить по словам Максима Грека: «Ты же, не знаю откуда, приводишь необычные и неприемлемые отеческим уставом неприятные хитрословия лакедемонские<sup>3</sup>». Не вдаваясь в проблемный анализ послания, отметим, что его большим достоинством является четкость позиции Святогорца, системность изложения аргументов<sup>4</sup>, глубокие знания предмета дискуссии и эмоциональный тон высказывания, который обеспечивает читательскую рецепцию.

Рассматривая опрос об идентичности Максима Грека и Федора Карпова, обратим внимание на выстраивание динамических отношений в дискуссии. В конце послания афонский монах определяет дистанцию между собой и своим собеседником, которая свидетельствует о серьезной размолвке. От интонации дружеской беседы он переходит на тон публицистического полемика трактата, используя местоимения множественного числа «мы–вы», указывающие на поляриность позиций: «Писали тебе с духовной любовью, собрав свидетельства от боговдохновенных Писаний... и не для того, чтобы показать свою премудрость или отвлечь тебя от словесных учений... а посчитали несправедливым молчать о зле, которое они несут внимающим ему... Вы же, не знаю на каком основании, настроились неблагоприятно к эпистолиям и нас не поленились несправедливо оклеветать, как будто мы стараемся отвести вас от познания полезных учений, и с большим невежеством и неистовством осуждаете нас во всем вашем послании, в котором повелеваете прилежнее понимать приводимые вами изречения святых». В изложении Максима Грека текст Федора Карпова представлен как дерзкое обвинение. Так ученый монах воспринял послание светского лица. Вероятно, тон и стиль краткой эпистолии русского дипломата были достаточно корректны, но слишком болезненная тема вызвала бурную реакцию инока Афонской Горы. Заканчивает Максим Грек свое послание твердым заключением: «Ныне вы дурно понимаете и развращаете согласно вашему мудрованию сказанное святыми, надеясь оправдаться в своем грехе; когда сможете его осознать, тогда, может быть, безуспешно восплачете».

Очень важна авторская позиция, четко сформулированная иноком: «Я незапятнен вашей кровью, сказал все, что мог, и с этого момента пусть никто мне не досаждают». Значит ли это, что Максим Грек разрывает отношения с Федором Карповым? Клаузула «Здравствуй о Господе и истину познавай», которая содержит пожелание здоровья (помним, что Карпов в первом своем послании упрекнул инока, что тот не пожелал ему здоровья), все-таки оставляет надежду на продолжение общения.

<sup>3</sup> Лакедемонский – основанный на честолюбии.

<sup>4</sup> Среди них упоминание победы Дмитрия Донского: «Великий князь Дмитрий Донской, который бесчисленное множество воинства безбожного Мамаю погубил, какими звездными гаданиями истребил безбожных?... оградив себя щитом веры, сразился с мучителем и предал его истреблению». Это примечательный и уникальный пример знаний ученого грека русской истории.

К факту переписки Федора Карпова и Максима Грека исследователи относят сочинения, в которых обсуждается тема Левиафана. Большое распространение в книжной культуре имело Послание Федора Карпова Максиму Греку с вопросами о Третьей книге Ездры [4, с. 344–347]. Инскрипт эпистолии («Возлюбленному во Христе и честнейшему господину Максиму, инок Ватопедского монастыря, Федор Иванов, сын Карпов, бьет челом») и клаузула («Будь здоров ради Христа и Федора, друга своего, как и до сих пор, любя. И когда-нибудь, в подходящее время, об этих вопросах моих мне напиши») свидетельствуют о добрых отношениях между Максимом Греком и Федором Карповым. Послание Ф. Карпова характеризует его как интеллигента русского Средневековья. Сомнения, пытливость преодолевают творческую личность. Федор Карпов в самом начале своего письма формулирует свою позицию о роли знания в жизни размышляющего человека: «Кажется мне, отче, что не следует непонимающему стыдиться того, чего он не понимает, но надо признаваться о незнании своем знающим людям, ибо я не вижу ничего предосудительного или противного разуму в том, чтобы мудрых спрашивать, чтобы они добрый совет дали и незнание в знании превратили, а томящуюся мысль вполне успокоили».

Свои вопросы Карпов предваряет пространной преамбулой, в которой заключена мотивация его обращения к ученому греку и описано душевное состояние автора: «Я же теперь изнемогаю умом, в глубину впал сомнения, прошу и умоляю, чтобы ты мне что-нибудь *целебное* (курсив мой. – Л.Ж.) насыпал и мысль мою успокоил. Хотя я и досаждаю тебе стесняюсь, но молчать не в силах: ведь не молчит во мне смущенная моя мысль...». «Томящаяся мысль», «смущенная мысль», «изнемогающий ум» – ключевые слова, создающие портрет пытливого человека. К такой личности обращены сочинения ватопедского монаха. Так, в предисловии к своему авторскому кодексу (Иоасафовское и Хлудовское собрания сочинений), который Карпов уже не увидел, Максим Грек сформулировал замысел своего грандиозного труда: «наставление всякое, направляющее читателя на путь добродетелей... хранилище духовное, наполненное благодатью и *духовными исцелениями* (курсив мой. – Л.Ж.)» [5, с. 49]. Слово как целебное средство – одна из доминант идентичности Максима Грека и Федора Карпова.

Дипломат задал иноку два вопроса, которые возникли у него к тексту Третьей книги Ездры: «Первый мой вопрос: Божественное Писание говорит о бесчисленных водах под землей в безднах и на земле, в морях и озерах, и реках, также и на тверди небесной. Так ли об этом следует нам понимать?»; «отче, умоляю твою честность объяснить вот что: о воде и о земле, и Енохе, и о Левиафане, и причислен ли Ездра к пророкам – ведь он пишет о Христе довольно ясно, не образно и не загадками, но прямо сообщает?». Как видим, вопросы обширные. Заключает свое послание Карпов словами благодарности: «За сим, почтенный отче, при-

ношу честности твоей благодарность бесконечную за заботу твою; все время ты меня со святыми писаниями посещаешь и печаль мою утоляешь». Следовало бы ожидать, что Максим Грек даст подробные ответы на поставленные вопросы.

В качестве ответа Карпову рассматривают небольшой текст, известный в рукописной традиции под названием «О Левиафане» [1, с. 335–336]. В рукописной традиции он сохранился в контексте с посланием Федора Карпова Максиму Греку о Третьей книге Ездры [1, с. 337–339, 483–485; БЛДР, с. 344–347], находясь в поздних списках: самый ранний – ГИМ. Чудовское собр. № 236. Л. 286–288 об. датируется концом XVI в., остальные относятся к XVII–XVIII вв. Текст включен книжниками Свято-Троицкого монастыря в состав Троицкого собрания (РГБ. Ф. 304. № 200. Л. 420 об.–421 об.), а оттуда был заимствован составителями Поморского кодекса. Имя Максима Грека как автора сочинения указано только в списке первой четверти XVII в. – РНБ. Соловецкое собр. № 7/7. Л. 530 об.–534 об. Оно, как считала Н.В. Синицына, было перенесено из послания Ф. Карпова [1, с. 483]. Статья «О Левиафане» в науке представляется как ответное послание Максима Ф. Карпову [1, с. 480–482]. Основными аргументами в пользу такого утверждения служит тематическая связь между ними и их бытование в книжной культуре в виде рукописного комплекса.

Статья Максима Грека «О Левиафане» не содержит признаков жанра послания, т.е. в ней нет обращения к адресату и этикетных эпистолярных формул. Содержанием стали рассуждения о природе чудовища, и на основе Священного Писания сделано заключение: «Левиафан – главный дьявол, низверженный с небес, или сам ставший змеем, или в змею вселившийся, чтобы своими лукавыми искушениями наших бедных родителей и их потомков свергнуть в вечное падение».

Таким образом, данное сочинение Максима Грека не содержит ответы на все вопросы Карпова. Трудно представить, чтобы ученый монах мог их проигнорировать. Вероятно, ответное послание Святогорца до нас не дошло, или Максим Грек не успел написать своему другу в силу сложившихся обстоятельств (например, организации судного дела над ним в мае 1525 г.), или позже составил текст, в котором дал ответ лишь на один из вопросов Карпова.

Послание Карпова о Третьей книге Ездры имело более широкое распространение в книжной культуре, чем статья «О Левиафане». Кроме тех рукописей, где оно помещено вместе с «ответом» Максима Грека. Это сочинение, во-первых, сохранилось в сборниках смешанного состава и бытовало самостоятельно, во-вторых, включено в устойчивый комплекс статей, в который входит знаменитое Лаодикийское послание Федора Курицына. Таким образом, расхождение в истории рукописной традиции этих двух сочинений могут свидетельствовать о разновременности их создания, и может быть поставлен вопрос об атрибуции «ответа» Святогорца. Но сам факт обращения Федора

Карпова к Максиму Греку за толкованиями библейского текста свидетельствует о поисках мировоззренческой ориентации интеллектуального сообщества.

Чтобы корректнее определить особенности идентичности Максима Грека и Федора Карпова, необходимо ввести еще одну фигуру, связанную с судьбой и рукописным наследием этих писателей. Митрополит Даниил был адресатом их посланий, и оба публициста не состояли с ним в дружественных отношениях: Максим Грек по инициативе Даниила был дважды осужден, Федор Карпов вел с митрополитом довольно жесткую, но корректную полемику. Максим Грек обращался к главе Русской церкви с примирительным посланием [6, с. 136–145], но определил свои отношения с архипастырем в парадигме «я» и «чужой».

Послание Ф.И. Карпова митрополиту Даниилу [4, с. 346–359] составляет еще один пример переписки в русской средневековой публицистике. Сочинение дипломата сохранилось в единственном списке – в рукописи РНБ. Q.I.1439, 60-е гг. XVI в., л. 314–329 (рукопись описана и опубликована [7, с. 19–114]), в состав которой вошел эпистолярный свод митрополита Даниила. Послание Карпова, помещенное сразу после последней статьи архиерея, замыкает комплекс посланий. Сам памятник стал предметом исследования историков, изучавших его идейный замысел [8, 9].

Послание митрополиту обращает внимание филологов своей архитектурой. Оно составлено из четырех неравных частей: пространное вступление, ответ на якобы заданный Даниилом вопрос, «новое» (о лести и лукавстве) и концовка. Всеми исследователями отмечена пышная похвала Даниилу в начале послания. Е.Н. Кимеева считала, что она «проникнута едкой и тонкой иронией» [8, с. 225], А.А. Зимин писал, что так «автор воздает должное писательскому таланту и учености Даниила» [9, с. 165]. А.И. Клибанов в неумеренной похвале адресату видел «память обращения и посвящения, которыми сопровождали западноевропейские гуманисты сочинения, представляемые ими на благоусмотрение высокопоставленных меценатов» [10, с. 217].

Сопоставление приветствий Максиму Греку и Даниилу, составленных Карповым, приводит к заключению о доле в них авторской искренности, церемониальности, частных форм общения, что позволяет определить осознание Федором Ивановичем своей идентичности с адресатами. Краткие обращения к ученому ватопедскому иноку наполнены глубоким уважением и чистосердечной признательностью, несмотря на возникавшие по недоразумению разногласия. Многочисленные велеречивые обороты, направленные в адрес митрополита, этикетные по своей природе, создают картину, в которой уверения в любви («не истощится в сердце моем любовь, и голос не устанет от похвалы») и самоуничижения («твое учение светлое темного Федора просвещает», «сочинение мое неученое для твоих ученых ушей...») наряду с высокими похвалами («Ты светильник горящий..., ты благовонный цветок... ты жемчуг среди всех благ... ты свет среди

учителей... ты – уста Христовы... ты глас небесный... ты проповедник жизни...» выдержаны в церемониальной стилистике дипломатической речи. Даниил – начитанный книжник, яркий проповедник, но он не был ученым, и похвальные словеса Федора – литературный прием, который должен смягчить его полемику с митрополитом.

Основная часть Послания Карпова диссонирует с обширным вступлением. Карпов построил свой текст как ответ на архипастырское наставление быть стойким в терпении: «Своими речами ты великодушно просишь меня быть до конца терпеливым в печалях и несчастиях моих». Такая формулировка в духе стилистики слов Даниила<sup>5</sup>. Но она сподвигла Федора Карпова поставить принципиально важный вопрос общественного звучания, который придал сочинению Карпова публицистический характер: «для устойчивости дела народного или царства, или власти важнее правда или терпение?».

Послания Даниила, как правило, не имеют имен адресатов, поэтому определить текст, на который ссылается Карпов, непросто. Эпистолярное наследие московского митрополита сохранилось в виде двух рукописных сводов (РНБ. Q.I.1439, в него входит 23 послания, и РНБ. Собр. Погодина. № 1149, составленное из 14 посланий) и нескольких сочинений в составе сборников смешанного содержания (7 посланий). Среди них нет текста, напоминающего источник, процитированный Карповым. Может быть, он да нас не дошел. Но главное то, что вопрос, который формулирует Карпов, – не в духе и не в стиле митрополита. Ни в одном из его сочинений нет слова «народ», тема власти, изложенная в восьмом Слове «Соборника» Даниила – «Как подобает иметь послушание и честь к властям»<sup>6</sup> – трактуется митрополитом в духе апостольских посланий: следует покоряться, а не противиться властям, Божию волю творящим.

О терпении митрополит пишет часто, но в одном контексте: смирение, кротость. Например, начало статьи «Живущим в искушениях» характерно для проповедей Даниила: «Если хотим добиться милости Божьей, то давайте будем тихими, кроткими, смиренными, милостивыми и возлюбим трудное и тяжкое житие, и не отчаемся в напастях, но проживем благочестиво по заповедям Господа и тогда сможем вытерпеть искушения, осознать грехи. Если согрешили, то плачем, стенаем, рыдаем, молим Бога, раскаиваясь, надеясь, что Он не отдаст нас на отмщение и на злодеяния врагов, с большим терпением перенося все, с нами происходящее»<sup>7</sup>. О правде как социально-нравственной категории у Даниила нет самостоятельных суждений. Поэтому проблема, поднятая Федором Карповым, выходит за рамки творчества московского митрополи-

та, церковного публициста, который в основном ставил вопросы нравственного богословия и не обращался к гражданским темам.

Ф.И. Карпов рассуждал о вреде терпения в вопросах государственного устройства: «Если мы скажем, что терпение важнее для сохранения власти или царства, тогда напрасно составлены законы. Тогда обычаи священные и хорошие установления будут разрушены и в царствах, и в городах, общество человеческое придет в беспорядок». Ф.И. Карпов отстаивал правду как социально-идейную ценность, ссылаясь на Аристотеля: «всякий город и всякое царство, по Аристотелю, управляться должно начальниками по правде и определенными законами справедливыми». Публицист считал, что терпение должно иметь разное значение в жизни духовного лица и мирянина, и он не отвергал терпение, но показывал, «насколько необходимы во всяком государстве правда и закон для исправления бесчинных». Подробный анализ его идейных взглядов сделан А.А. Зиминим и А.И. Клибановым, цель нашей работы – найти точки пересечения воззрений Федора Карпова и Максима Грека, светского писателя и ученого инока. В синхронном измерении удалось ограничить участников переписки на «своих» – Максим Грек и Федор Карпов и «чужих» – митрополит Даниил.

Тема правды неоднократно обсуждалась Максимом Греком. В Иосафовском собрании он поместил рядом три сочинения, в которых тем или иным образом изложил свою точку зрения на проблему. Они стали программными в представлении его общественно-политической позиции. Так, в «Слове к начальствующему на земле», обращенном к Ивану IV, он писал: «Если возлагаешь все свое упование на заповеди Его, законом обустройстваешь вверенное тебе царство и всегда осуществляешь суд и правду на земле, то блажен и треплажен будешь не только в будущем, но и в настоящем»; «ничем другим не можешь ты благоугодить Богу и привлечь Его милосердие и благодеяния на твою богохранимую державу, как только правдою к подчиненным и праведным судом, а также щедротами и кротостью ко всем неимущим» [5, с. 248]. В «Главах поучительных к начальствующим правоверно» ученый грек так сформулировал одно из своих положений: «Ничего нет более потребного и нужнейшего благоверно царствующему на земле, как правда» [5, с. 254]. В «Слове, пространно излагающем с жалостью нестроения и бесчиния царей и властей последнего сего века» из уст Василии, имя которой означает, по ее словам, – «и начальство, и власть, и владычество, и господство», плачущей вдовы звучит важная сентенция: «где есть правда, там всяко и мир приумножается» [5, с. 266].

А.И. Клибанов, проанализировав «Послание митрополиту Даниилу» Федора Карпова как памятник общественной мысли, пришел к выводу о гуманистических воззрениях автора, ратующего за «монархическое государство, основанное на законе, правде и милости» [10, с. 213]. Суть концепции Карповым кратко сформулирована так: «Милость без правды есть мало-

<sup>5</sup> С подобными советами Даниил обращался к Дионисию Звенигородскому. – См РНБ. Q.I.1439. Л. 200 об.–209.

<sup>6</sup> Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 173. Собр. МДА/1. № 197. Л. 238 об.–277.

<sup>7</sup> Текст цит. по рукописи: Российская национальная библиотека (РНБ). Q.I.1439. Л. 211 об.–212.

душество, а правда без милости – мучительство, и оба они разрушают царство и всякое общежитие». Политический идеал Карпова, писал Клибанов, – «монархия, управляемая законом общей пользы, на страже которого стоит монарх, его правители и судьи», но идеи публициста, отметил исследователь, носят социально-утопический характер [10, с. 217].

Мы не знаем, обсуждали ли Максим Грек и Федор Карпов при встречах вопросы государственного устройства, но близость их позиций наблюдаем в ряде сочинений, написанных независимо друг от друга и в разное время. Так, критика Максимом Греком монастырских землевладений, злоупотреблений владельческими правами, призывы к гуманным отношениям с «поселянами» имеют, по заключению историков, признаки утопических построений [11, с. 215]. В «Главах поучительных» и ряде других сочинений просматривается идея ученого монаха о социально-представительной монархии [11, с. 214–215; 12, с. 157–158], в науке пока до конца не исследованная.

Таким образом, близость взглядов и позиций Максима Грека и Федора Карпова по вопросам правды и справедливости в обустройстве общества (хотя дипломат «выводил государственные законы из разума и опыта» [10, с. 217], а Максим Грек из философии и богословия), сходство в стремлениях поддержать монархический тип правления, склонность к утопическим проектам в политической организации власти, проявление гуманистических подходов к решению ряда общественных проблем следует рассматривать как признаковое поле групповой идентичности. В плане динамических отношений обе личности в переписке занимали сильные позиции лидеров, и их совместными усилиями вырабатывались правила и нормы идентификации интеллектуальной элиты Московской Руси первой половины XVI в.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Преподобный Максим Грек*. Сочинения. М., 2008. Т. 1. 568 с.
2. *Ретина Л.П.* Персональная история и интеллектуальная биография // *Диалог со временем*. М., 2002. С. 5–14.
3. *Синицына Н.В.* Максим Грек. М., 2008. 236 с. (ЖЗЛ. Серия биографий)
4. Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 9: Конец XV – первая половина XVI века. 566 с.
5. *Преподобный Максим Грек*. Сочинения / отв. ред. Н.В. Синицына. М., 2014. Т. 2. 432 с.
6. *Журова Л.И.* Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Новосибирск, 2011. Ч. 2. 302 с.
7. *Дружинин В.Г.* Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI века // *Летопись занятий Археографической комиссии*. СПб., 1909. Вып. 21. С. 19–106.
8. *Кимеева Е.Н.* «Послание митрополиту Даниилу» Федора Карпова // *ТОДФЛ*. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 220–234.
9. *Зимин А.А.* Общественно-политические взгляды Федора Карпова // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 160–172.
10. *Клибанов А.И.* Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. 368 с.
11. *Синицына Н.В.* Максим Грек в России. М., 1977. 332 с.
12. *Казакова Н.А.* Максим Грек и идея сословной монархии // *Общество и государство феодальной России: сб. стат., посвя. 70-летию академика Л.В. Черепнина*. М., 1975. С. 151–158.

#### REFERENCES

1. *Saint Maximus the Greek*. The Essays. Moscow, 2008, vol. 17, p. 178.
2. *Repina L.P.* Personal History and Intellectual Biography. *Dialog so vremenem*. Moscow, 2002, pp. 5–14.
3. *Sinititsyna N.V.* Maksim Grek. Moscow, 2008, p. 236. (ZhZL. A Series of Biographies)
4. The Library of Ancient Rus Literature. St. Petersburg, 2008, vol. 9: End of XV – first half of XVI century, 496 p.
5. *Saint Maximus the Greek*. The Essays. Resp. ed. N.V. Sinititsyna. Moscow, 2014, vol. 2, 432 p.
6. *Zhurava L.I.* Maximus the Grek's Author's Text: Manuscript and Literary Tradition. Novosibirsk, 2011, pt. 2, 302 p.
7. *Druzhinin V.G.* Several Unknown Literary Monuments from the Collected Work of XVI Century. *Letopis' zanyatiy Arheograficheskoy komissii*. St. Petersburg, 1909, iss. 21, pp. 19–106.
8. *Kimeeva E.N.* A Letter to Metropolitan Daniel by Fedor Karpov. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Moscow, Leningrad, 1953, vol. 9, pp. 220–234.
9. *Zimin A.A.* Social-Political Views of Fedor Karpov. *TODRL*. Moscow, Leningrad, 1956, vol. 12, pp. 160–172.
10. *Klibanov A.I.* Spiritual Culture of Medieval Rus. Moscow, 1996, 368 p.
11. *Sinititsyna N.V.* Maximus the Grek in Russia. Moscow, 1977, 332 p.
12. *Kazakova N.A.* Maximus the Grek and the Idea of Limited Monarchy. *Obshchestvo i gosudarstvo feodal'noy Rossii. Sb. stat., posvyashchennyy 70-letiyu akademika L.V. Cherepnina*. Moscow, 1975, pp. 151–158.

Статья принята редакцией 05.07.2018

DOI: 10.15372/HSS20180309  
УДК 821.161.1–4:271.2"16"

**Т.В. ПАНИЧ**

**ЕВФИМИЙ ЧУДОВСКИЙ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ЛИДЕР  
СООБЩЕСТВА ЦЕРКОВНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.\***

Институт истории СО РАН,  
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье в рамках проблемы «интеллектуального лидерства» рассматривается личность и литературная деятельность одного из представителей русской письменной культуры второй половины XVII в. – монаха Чудова монастыря Евфимия, принадлежавшего к творческому сообществу писателей из окружения патриарха. В качестве материала исследования использованы рукописи конца XVII в.: полемические произведения самого Евфимия Чудовского, тексты деятелей его круга, сочинения его идейных противников, содержащие отзывы о личности чудовского книжника. Выявляются основные качества, характеризующие Евфимия Чудовского как интеллектуального лидера. Сделан вывод о том, что сформулированные им в текстах идеи и ценностные установки составили основу культурной концепции сообщества писателей, к которому он принадлежал.

*Ключевые слова:* письменная культура XVII в., писатели патриаршего круга, Евфимий Чудовский, интеллектуальный лидер.

**T.V. PANICH**

**EVFIMIY CHUDOVSKY AS AN INTELLECTUAL LEADER  
OF THE CHURCH WRITERS COMMUNITY IN THE SECOND HALF  
OF THE XVII CENTURY**

Institute of History SB RAS,  
8 Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The issue of “intellectual leadership” is particularly interesting among actual problems of the historical science and culture. In the context of the “intellectual leadership” problem the article investigates the personality and literary activity of Monk Evfimiyy of Chudov monastery, a representative of Russian written culture of the second half of the XVII century, who was involved into the creative community of writers from the Patriarch circle. The study objective is to establish the features of interpersonal relationships within the group of his associates, to reveal the features characterizing Evfimiyy as an intellectual leader, to determine the specifics of the writer’s ideological and spiritual influence on the milieu based on the analysis of Evfimiyy Chudovsky’s own texts and writings of his close authors.

Studying the materials reveals the main qualities characterizing Evfimiyy Chudovsky as an intellectual leader: intellect, erudition, profound knowledge in the field of book culture, organizational skills, a high level of social consciousness and responsibility, etc. The way of Evfimiyy Chudovsky’s effect on milieu was a word that had a large weight in the context of the writer’s polemic discourse. The texts of Evfimiyy and his contemporary testimonies show that the writer’s ideological influence was not only limited to the creative circle, to which he belonged and whose rights and interests he expressed and defended, it also extended to the broad masses of the population.

Each Evfimiyy’s work reflected his active participation in the discussion of the contemporary urgent problems; high emotional intensity of his statements in defense of Orthodoxy and traditional bases of national culture – all this influenced his surroundings. The main merit of Evfimiyy Chudovsky is that he reflected a complex of ideas and values that formed the basis of cultural concept of writers of his circle, the foundation for the group’s socio-cultural identity. All this characterizes Evfimiyy Chudovsky as an intellectual leader of the church writers’ community of the second half of the XVII century.

*Key words:* written culture, XVII century, writers of the patriarchal circle, Evfimiyy Chudovsky, intellectual leader.

---

\*Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18–09–00094а.

**Тамара Васильевна Панич** – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: istochnik@history.nsc.ru.

**Tamara V. Panich** – Doctor of Philological Sciences, Institute of History SB RAS.

Гуманитарные исследования последних лет свидетельствуют о возрастающем интересе ученых к таким вопросам, как «персональная история», «историческая биография», «история интеллектуальных сообществ» [1, с. 287–324, 347]. С комплексом перечисленных проблем тесно связано и понятие «интеллектуальный лидер» в его историческом измерении: с его персональной биографией, личностными качествами, идеалами и социальными связями, влиянием на окружение, на формирование коллективной социокультурной идентичности. Очевидно, что влияние интеллектуальных лидеров как носителей и трансляторов определенных идей, ценностных установок и норм значительно возрастает в те эпохи, которые отличаются кризисными явлениями в области культуры и общественно-политической жизни государства, неизбежно влекущими за собой процессы их качественных преобразований. Таким периодом в истории России был XVII век. Перемены, происходившие в это время во всех сферах жизни русского общества, в том числе в культуре и литературе [2, с. 299–328; 3, с. 3–13; 4; 5] (вызванные сначала событиями Смуты, а позднее церковной реформой патриарха Никона, усилением западноевропейского влияния и развивавшихся процессов секуляризации), актуализировали деятельность разных общественных групп и их интеллектуальных лидеров, направленную на формирование их собственных взглядов на дальнейшее развитие социума и культуры, на решение проблемы идентичности.

Среди разных групп интеллектуальной среды второй половины XVII в. (главным образом творческих сообществ, презентующих себя в текстах), осуществлявших поиск и обоснование идей, касавшихся разных аспектов дальнейшего развития социальной, религиозной и культурной жизни, а также идентичности, немаловажное место занимала так называемая старомосковская партия – объединение церковных писателей, группировавшихся вокруг патриарха и представлявших литературу Патриаршего двора (Афанасий Холмогорский, Евфимий Чудовский, Игнатий Римский-Корсаков, иеродиакон Чудова монастыря Дамаскин и др.).

Одним из видных деятелей этого круга был монах Чудова монастыря Евфимий – ученик и последователь Епифания Славинецкого, духовный лидер и главный идеолог грекофилов. Изучению его творчества в контексте проблем «интеллектуального лидерства» посвящена настоящая статья. Цель работы – на основе анализа текстов этого писателя и рассмотрения межличностных контактов внутри сообщества выявить черты, указывающие на его интеллектуальное лидерство, определить особенности его идейного и духовного влияния на окружение. Это позволит глубже понять роль Евфимия в осмыслении происходивших во второй половине XVII в. культурно-исторических процессов и выработке тех идей, норм и ценностей, которые могли оказывать воздействие на формирование воззрений

церковных писателей его круга, на характер и вектор культурного развития, на становление социокультурной идентичности группы.

Евфимий Чудовский внес крупный вклад в русскую книжную культуру, оставил большое и разностороннее письменное наследие. Им было создано множество сочинений разных форм и содержания (богословского, церковно-канонического и филологического) [6, с. 41–161; 7, с. 287–296; 8, с. 695–698]. Евфимий известен и как автор стихов [5, с. 762–783]. Помимо создания собственных текстов (главным образом полемической направленности), Евфимий Чудовский много работал в качестве редактора и справщика на Московском печатном дворе. Он сыграл основополагающую роль в создании одной из ведущих школ в истории книжности Московской Руси – «чудовской школы» перевода с ее специфическими лингвистическими, культурными и религиозно-идеологическими установками, к которым относятся особая техника перевода, принципы комментирования текста, ориентация на греческий язык как основу и первообраз [9, с. 72–85; 10].

Будучи выразителем идей греко-византийской православной учености [11, с. 100–152], Евфимий Чудовский осуществил множество переводов святоотеческих и церковно-канонических текстов, оказавших воздействие на общественное сознание и развитие русской книжной культуры. Он переводил еще не известные на Руси (как он сам писал: «не бывшая доднесь») сочинения христианских писателей и богословов, приобщая читателей к византийскому письменному наследию. Осознавая значение текстов патристики и поздних византийских авторов в просвещении людей, «помрачившихся тьмою неведения», Евфимий рассматривал их и как мощное средство борьбы с противниками православия, способное противостоять натиску западных конфессий. Защите интересов Церкви и ее учения чудовский книжник посвятил всю свою энергию и знания. Тема борьбы за православие стала одной из ведущих тем его литературного творчества. Разносторонний и всеохватывающий характер книжной деятельности Евфимия Чудовского свидетельствует о таких качествах его личности, как высокий интеллект, словесное мастерство, организаторские способности.

Важной качественной составляющей личности Евфимия Чудовского, позволяющей говорить о нем как об интеллектуальном лидере, была его начитанность (в первую очередь, в области Священного Писания, патристики, церковно-канонической литературы), что создавало ему авторитет книжного знатока и значительно расширяло его возможности интеллектуального влияния на окружение. О начитанности Евфимия говорят его собственные сочинения, из которых следует, что он хорошо знал не только церковную литературу, но и тексты самого разного содержания, входившие в корпус древнерусской книжности, в том числе переводную литературу. О широте его культурных интересов свидетельствует библиотека писате-

ля<sup>1</sup>, хотя и небольшая по объему<sup>2</sup>, но разнообразная по составу. Большую ее часть составляли книги церковно-богословского содержания. Любопытно, что наряду с трудами православных церковных писателей (в том числе на греческом языке) в библиотеке Евфимия представлены книги латинских авторов («Латинская хронология» и Церковные анналы Цезаря Барония); полемическое сочинение украинского писателя Иоанникия Галятовского «*Alkoraň Machometow*» (Чернигов, 1683 г.), направленное против мусульман (в описи: «*Алкоран МахOMETOW*»), и др. В состав библиотеки входили также словари, которые являлись для Евфимия необходимым инструментом в его переводческой работе. Например, в описи указаны два тома польско-латинского словаря, составленного польским писателем и лексикографом Григорием Кнапским (1564–1638), а также «Лексикон греко-славено-латинский» Елифания Славинецкого. Многие из материалов библиотеки использовались Евфимием не только для чтения, перевода или редактирования, но и в качестве источников при написании им собственных сочинений. Некоторые из них составляли предмет критики писателя. В целом библиотека Евфимия Чудовского отражает его культурные взгляды и книжные предпочтения [13, с. 84–91].

Благодаря широкой начитанности и искусному умению применять полученные знания в письменной полемике с представителями противоположного писательского лагеря, а также бескомпромиссной позиции в деле защиты православия Евфимий Чудовский приобрел большой авторитет и влияние в кругу грекофилов. При этом, как свидетельствуют современники писателя, он оставался простым монахом, всегда отвечал отказом на предложения (даже со стороны царя и Патриарха) принять архиерейскую степень. Иеродиакон Чудова монастыря Дамаскин, единомышленник Евфимия, так писал по этому поводу: «Преходя бо жизнь сию, он, Евфимий, не токмо диаконский и превзвительский сан, яко искавый, не постиже, но и велепному архиерейству сану, находящу на того, благоговейно уступи. Дважды бо того благочестивейший царь Алексей Михайлович и святейший патриарх Ни-

кон яко честна монаха архиерейский сан понуждаху прияти. Но он, Евфимий, сам умоли тех благочестивая величества, да оставят его в простомонашеском сословии пребывати»<sup>3</sup>.

Идейное влияние Евфимия Чудовского не ограничивалось рамками творческого круга, к которому он принадлежал и интересы которого выражал и отстаивал, опираясь на собственный опыт и знания, но распространялось и на широкие массы населения. Это показало участие писателя в полемике о времени пресуществления Святых Даров на литургии, которая затронула не только духовенство. Прения велись и в среде простых мирян, прихожан церковей. Как сообщалось в книге «Щит веры» от имени патриарха Иоакима: «Начашася не токмо между священными, но и в простолоудинех быти о том разграгольства»<sup>4</sup>. Евфимием в этот период были созданы несколько полемико-публицистических сочинений: «Показание на подверг латинского мудрования», «Опровержение латинского учения о времени пресуществления», сборник «Остен». Несколько текстов чудовский инок написал для книги «Щит веры», посвященной истории полемики (например, «Повесть о Сильвестре Медведеве»), подготовил Дополненную редакцию книги [14, с. 143–150, 165–176, 199–221], куда вошел ряд осуществленных им переводов византийских авторов. Организаторские усилия и труды Евфимия (вместе с сочинениями других писателей патриаршего круга) сыграли большую роль в борьбе с «хлебопоклонной ересью» и утверждении учения православной Церкви о времени пресуществления Святых Даров на литургии.

Лидерство Евфимия Чудовского проявлялось в том, что его интеллектуальная деятельность демонстрировала высокий уровень социального сознания и ответственности, готовности неустанно бороться с наступающими на православие угрозами. Единственным доступным для него способом борьбы было слово, которое в контексте полемического дискурса писателя приобретало значение эквивалента оружия, хотя и символического. В своем послании патриарху Адриану<sup>5</sup> Евфимий называл «оружием» подготовленные им и другими авторами из его окружения книги для печати, среди которых значились сборники с говорящими названиями: «Остен», «Щит веры», «Сечиво». Они, как полагал Евфимий Чудовский, должны были донести до читателей знание о врагах

<sup>1</sup> Представление о келейной библиотеке чудовского книжника дает опись, сделанная дьяком Иваном Вишняковым 8 июня 1705 г. Вскоре после кончины Евфимия. Впоследствии опись была опубликована А.Е. Викторовым. – См.: [12, с. 50–56].

<sup>2</sup> В описи значатся 113 единиц – манускрипты, печатные книги и рукописные «тетради» без переплета. Указанное число является весьма приблизительным, так как многие материалы библиотеки не всегда определены составителем каталога как отдельные единицы. Прежде всего, это касается некоторых непереплетенных книг и «тетрадей», составлявших набор случайно совмещенных разрозненных текстов, отмеченных в описи как единое целое. Необходимо учитывать, что в силу своей деятельности Евфимий имел доступ к собранию Патриаршего книгохранилища, а также книгам Печатного двора и не нуждался в богатой личной библиотеке. Важно иметь в виду и то, что численный состав библиотеки Евфимия при постоянной его работе в качестве переводчика и редактора, через руки которого прошло немало книг, не мог оставаться неизменным, он неизбежно менялся. Поэтому опись отражает лишь те книги, которые находились в келье чудовского инока на момент его кончины.

<sup>3</sup> Библиотека Российской академии наук (БАН), П.1.В.7. Л. 9–9 об. (рукопись представляет сочинение иеродиакона Дамаскина «105 ответов Домецкому», написанное в 1704 г.).

<sup>4</sup> Российская государственная библиотека (РГБ). Собр. Егорова. № 1570. Л. 60 об. Данный список представляет Основную редакцию «Щита веры».

<sup>5</sup> Послание было включено в состав Дополненной редакции «Щита веры» (ГИМ, Синодальное собр., № 346, л. 5–10 об.). Опубликовано с сокращениями: [15, с. 497–502]. Полностью текст опубликован в: [14, с. 316–324]. Помимо данного списка Послания известны еще два: черновой автограф с правкой автора (ГИМ, Синодальное собрание, № 654, л. 3–9) и список конца XVII в. (РНБ, Собр. Погодина, № 1559, л. 74–80 об.).

православия, защитить православную Церковь и ее учение. Он писал: «За сими оружия Духа Святаго, поражающая востающыя на Церковь Христову, зовемая Щиты, Остны, Сечива, крушащая еретиков рогы, возносящыя на высоту, и не попускающая глаголати на православие неправду» (цит. по: [14, с. 318]). При этом книги должны были стать не только духовным оружием, крушащим «еретиков», но и просвещать людей, «помрачившихся тьмою неведения»: «Очеса слепых отверсти, и разум несмысленных светом воумления просветити, и ушесем глухих слово Божие внушити» (цит. по: [14, с. 321]).

Как всякий интеллектуальный лидер, исповедующий определенную систему ценностей и идеалов, Евфимий Чудовский встречал неприятие со стороны тех, кто выражал иные, иногда противоположные идейные и вероисповедные взгляды. Личность Евфимия и его литературные труды вызывали критику в стане его противников-латинофилов, писателей новых культурных взглядов, проводников западноевропейской образованности. Так, Симеон Полоцкий в ответ на негативный отзыв Евфимия Чудовского в адрес его «Псалтири рифмотворной» написал стихотворение «К гаждателю», где под именем Зоила подразумевался чудовский книжник [5, с. 97–98; 207–208]. Отрицательные оценки и даже оскорбления Евфимий получил и от перешедшего в католичество Петра Артемьева, который писал: «Уже лет с двадцат и болши, как выжил из ума сей Евфимий, и псовидне брехчет на восточную Христову церковь, злый сын на природную мать свою»<sup>6</sup>. В глазах Артемьева Евфимий выглядел неучем и доморощенным богословом. Обучавшийся в европейских учебных заведениях Артемьев высмеивал Евфимия, обвиняя в его невежестве. Он обращался к чудовскому книжнику с такими словами: «В которых академиях учился, разве за печью в углу, что сверчок или муха в щели, рцы ми, у которых ты богословцев учился?»<sup>7</sup> Столь же нелестно о Евфимии Чудовском отзывался и архимандрит Новгородского Юрьева монастыря Гавриил Домецкий, сторонник латинофилов в литературной борьбе конца XVII в. Он выражал крайнее удивление тому, насколько сильным было интеллектуальное и харизматическое влияние Евфимия на окружение в период евхаристических споров: «Удивлению достойно воистинну, како... Евфимий, монах простой, ни он диакон, ни поп, ни он учон, и далее учение Псалтир, ни у него в словесех связно и складно что было, а взял силу таковую... и ослепил многих, иже к нему приложилися, аки к каковому богослову»<sup>8</sup>.

На основе этого отзыва можно сделать вывод о том, что Евфимий Чудовский, по-видимому, не обладал ораторскими способностями. Однако его лидерские качества заключались в другом: в искусстве убеждения с помощью письменного слова, а также в притягательности личности, духовной силе, глубине

знаний и огромном трудолюбии. Об этом свидетельствует иеродиакон Дамаскин в своих ответах Домецкому: «А еже глаголеши, яко у него в словесех несвязно и нескладно, мною, яко ты толико ложных сих и подобных тем тетрапей не составил еси, елико он, Евфимий, о истинне потрудиися, от греческаго бо во славенский диалект древних святых отец многи книги преведе, якоже нам видятя, яже суть Церкви святей нужнее и полезнее паче ваших авторств, в них же латинская лжа, а не святых отец истинное учение»<sup>9</sup>.

Евфимий отличался необыкновенной твердостью своих убеждений, верностью принятым однажды идеям и традиционным ценностям. Он всегда подчеркивал, что в своих сочинениях опирался на авторитет Священного Писания и святоотеческого наследия, оставался послушным, «искренним сыном» православной Церкви. Так, например, в обличительном «Ответе на лжущее писание Петра Артемьева» Евфимий писал: «Мое же ничто же пишу... А яже аз что-либо писах, не от мене самаго писах и не своею волею, но писах словеса и разумения святых отец, учителей и столпов святыя Церкви: Василия Великаго, Григория Богослова, Афанасия Великаго, Иоанна Златоустаго, Иоанна Дамаскина, Никиты Ираклийского – толкователя на святаго Григория Богослова. И тая собирах и писах не своею волею, но повелен и принужден святейшим Иоакимом патриархом» (цит. по: [16, с. 236]).

Полемизируя с противниками и выстраивая систему аргументации в защиту ортодоксального учения, Евфимий обращался к «готовому слову» традиционной книжности, сохранял приверженность идейно-эстетическим принципам, веками господствовавшим в древнерусской культуре, анонимной по своей сути, где, по словам В.В. Бычкова, «художник осознавал себя искусным инструментом, направляемым соборным сознанием православной Церкви» [17, с. 228]. Как показывает анализ текстов Евфимия, они основаны на огромном массиве литературных источников (в том числе древнейших текстов христианской письменности). Привлекая тексты Священного Писания, труды авторитетных византийских богословов, церковных историков и полемистов, обличителей «латинства», Евфимий активно использовал их идеи и полемические приемы. И вместе с тем он проявлял свою авторскую индивидуальность и в работе с источниками, и в конструировании текста. Стиль полемических суждений писателя всегда отличался ярко выраженным эмоциональным накалом, а резко негативные обличительные оценки «врагов православия» были его излюбленным приемом. Важную функцию в сочинениях Евфимия выполняли примечания и комментарии на полях рукописей, которые являлись одним из часто использовавшихся писателем элементов его творческой стратегии, значимым принципом организации текста. Они выполняли функцию дополнительного способа авторского самовыражения, средства усиления аргументации в полемике с идейными противниками.

<sup>6</sup> БАН, П.1.В.11, л. 65 об.

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> Там же. П.1.В.7, л. 8 об. – 9.

<sup>9</sup> Там же. Л. 9–9 об.

Активный книжный труд Евфимия как писателя, переводчика и редактора (во время работы на Печатном дворе) способствовал развитию его творческих связей (лично и путем переписки) с другими представителями круга грекофилов. Так, Евфимий состоял в переписке с Афанасием Холмогорским, который проявлял интерес к его творчеству. В библиотеке архиепископа были книги, полученные от Евфимия Чудовского<sup>10</sup>. О тесном творческом сотрудничестве и доверительных отношениях между ними свидетельствует, например, письмо Евфимия, в котором он рассказывал холмогорскому владыке о своей переводческой работе и препонах в этом деле, чинимых его недоброжелателями [18, с. 155–161]. Вместе они трудились и над книгой «Шит веры», в которой, как выше уже было отмечено, представлены и собственные сочинения чудовского инок, и плоды его переводческого творчества<sup>11</sup>. К Евфимию Чудовскому как авторитетному собеседнику обращались и другие писатели из его окружения. О «духовном беседовании» с Евфимием упоминал, например, архимандрит Новоспасского монастыря (в будущем Сибирский митрополит) Игнатий (Римский-Корсаков) в Послании Афанасию Холмогорскому, повествующем о смерти патриарха Иоакима [19, с. 175–176]. Евфимия Чудовского уважали и ценили и оба патриарха (Иоаким и Адриан), в полной мере одобряли и поддерживали его как полемиста и переводчика, опирались на его помощь в делах Церкви, о чем писал иеродиакон Дамаскин: «Яко от начала каков был к нему милостив святейший Иоаким, таков был и до самыя смерти своея. Подобне же Иоакиму патриарху и Адриан, святейший патриарх, от начала патриаршества и по самую смерть свою до Евфимия был милостив»<sup>12</sup>.

Приведенные данные рукописных источников указывают на то, что Евфимий Чудовский в повседневной практике межличностных контактов и отношений внутри писательского сообщества, членом которого он был, и в своем творчестве проявлял специфические черты интеллектуального лидера. Главным ресурсом его влияния было слово, транслируемое в основном через письменную форму. Книжная деятельность Евфимия, его обширные знания в области церковной литературы и богословия, личностная привлекательность, незаурядные способности полемиста и поборника православия высоко ценились его окружением. Произведения писателя, отражавшие его активное участие в обсуждении актуальных проблем эпохи<sup>13</sup>,

озабоченность судьбой русской Церкви перед угрозой возрастающего влияния западных конфессий<sup>14</sup>; высокий эмоциональный накал его обличительных выступлений в адрес идейных антагонистов; многочисленные его высказывания в защиту православия как традиционной основы русской национальной жизни и культуры, – все это встречало поддержку со стороны писателей из его окружения, оказывало на них большое влияние. Для них, как и для Евфимия Чудовского, опора на традиции православия и культурное наследие прошлого являлась залогом сохранения вероисповедной и социокультурной идентичности.

Таким образом, Евфимий Чудовский сумел в своих текстах на основе осмысления культурно-исторических событий и процессов «переходной» эпохи выразить от имени церковных писателей его круга комплекс идей и ценностных установок, которые стали основой формирования культурной концепции данного творческого сообщества, что и характеризует его как интеллектуального лидера, одного из выдающихся деятелей русской культуры второй половины XVII в.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. 559 с.
2. Лихачев Д.С. XVII век в русской литературе // XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969. С. 299–328.
3. Буланин Д.М. Последнее столетие древнерусской книжности // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3: XVII век, ч. 1. С. 3–13.
4. Панченко А.М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. 203 с.
5. Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006. 894 с.
6. Страхова О.Б. Литературная деятельность Евфимия Чудовского (Библиографические материалы) / *Paleoslavica*. 1995. Vol. 3. P. 41–161.
7. Исаченко-Лисовая Т.А. Евфимий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3: XVII век. Ч. 1. С. 287–296.
8. Буланин Д.М. Евфимий, келарь Чудова монастыря // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3: XVII век. Ч. 4: Дополнения. С. 695–698.
9. Исаченко Т.А. Переводная московская книжность, Митрополитий и патриарший скрипторий XV–XVII вв. М., 2009. 334 с.
10. Исаченко Т.А. Вера и противление в ответах и обличениях 80–90-х гг. XVII в.: Новые библейские переводы в филологических школах XVII в. М., 2015. 383 с.

писан трактат в защиту греческого языка как основы образования: «Учитися ли нам полезнее грамматики, риторики, философии и теологии и стихотворному художеству...». Публикацию текста см.: [20, с. 244–261].

<sup>14</sup> Евфимий в своих сочинениях всегда резко выступал против западного конфессионального влияния, уделял много внимания спорным богословским и обрядовым вопросам, составляющим различия между православной и католической церквями. Наиболее полное отражение проблематика межконфессиональных разногласий нашла в текстах, написанных им в связи с осуждением духовными властями Петра Артемьева и Григория Скибинского. Материалы составили отдельный сборник, черновые материалы для которого первоначально находились в библиотеке Евфимия [12, с. 55]. После смерти писателя тексты были переплетены. Ныне сборник входит в состав Синодального собрания ГИМ, № 393.

<sup>10</sup> Например, Евфимием была прислана в Холмогоры рукопись переведенных им «Правил апостольских, собранных Климентом, папой Римским», о чем сообщает запись в начале книги: ГИМ, Синодальное собрание, № 474, л. 1 об.

<sup>11</sup> В составлении «Шита веры» принимали участие и другие писатели патриаршего круга (в состав книги вошли, например, тексты братьев Лихудов, некоторые сочинения, надписанные именами патриарха Иоакима и его преемника Адриана) [14, с. 5].

<sup>12</sup> БАН, П.1.V.7, л. 8–8 об.

<sup>13</sup> Например, Евфимий Чудовский участвовал в решении вопроса о пути и характере русского просвещения и планах создания высшего учебного заведения в Москве. В связи с этим им был на-

11. *Флоровский А.В.* Чудовский инок Евфимий: Один из последних поборников «греческого учения» в Москве // *Slavia*. Praha, 1949. Т. 19. С. 100–152.

12. *Викторов А.Е.* Опись библиотеки иеромонаха Евфимия // *Летописи русской литературы и древности*, изд. Н.С. Тихонравовым. М., 1863. Т. 5, отд. 3. С. 50–56.

13. *Панич Т.В.* Книги из библиотеки Евфимия Чудовского (опыт источниковедческого анализа) // *Книга: Сибирь–Евразия: Труды I Междунар. конгресса*. Новосибирск: Гос. публ. науч.-техн. б-ка СО РАН, 2016. Т. 2. С. 84–91.

14. *Панич Т.В.* Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск, 2004. 327 с.

15. *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. 2. Ч. 3.

16. *Панич Т.В.* «Ответ» Евфимия Чудовского на «лжущее писание» Петра Артемьева // *Общественное сознание и литература XVI–XX вв.* Новосибирск, 2001. С. 222–243.

17. *Бычков В.В.* 2000 лет христианской культуры sub specie aethetica: в 2 т. М.; СПб., 1999. Т. 2: Славянский мир. Древняя Русь. Россия. 527 с.

18. *Панич Т.В.* Письмо Евфимия Чудовского Афанасию Холмогорскому. К вопросу об участии Афанасия в переводах конца XVII в. // *Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма*. Новосибирск, 1990. С. 155–161.

19. *Панич Т.В.* Житие патриарха Иоакима по списку РГБ, собрание И.Д. Беляева, № 29/1535 // *Рукописи XVI–XXI вв.: исследование и публикации*. Новосибирск, 2013. С. 140–190.

20. *Фонкич Б.Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009. 288 с.

#### REFERENCES

1. *Repina L.P.* History at the turn of the XX–XXI cc.: social theories and historiographical practices. Moscow, 2011, 559 p. (In Russ.)

2. *Likhachev D.S.* The 17<sup>th</sup> century in Russian literature. *XVII vek v mirovom literaturnom razvitii*. Moscow, 1969, pp. 299–328. (In Russ.)

3. *Bulanin D.M.* The last century of Old Russian booklore. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. St. Petersburg, 1992, iss. 3: XVII century, pt 1, pp. 3–13. (In Russ.)

4. *Panchenko A.M.* Russian culture on the eve of the Peter reforms. Leningrad, 1984, 203 p. (In Russ.)

5. *Sazonova L.I.* Literary culture of Russia. Early New Time. Moscow, 2006, 894 p. (In Russ.)

6. *Strakhova O.B.* Literary activity of Evfimiy Chudovsky (Bibliographic materials). *Paleoslavica*. 1995, vol. 3, pp. 41–161. (In Russ.)

7. *Isachenko-Lisovaja T.A.* Evfimiy. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. St. Petersburg, 1992, iss. 3: XVII century, pt 1, pp. 287–296. (In Russ.)

8. *Bulanin D.M.* Evfimiy, the cellar of the Chudov monastery. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. St. Petersburg, 2004, iss. 3: XVII century, pt 4: Additions, pp. 695–698. (In Russ.)

9. *Isachenko T.A.* Translated Moscow booklore. Metropolitan and patriarchal scriptorium of the XV–XVII centuries. Moscow, 2009, 334 p. (In Russ.)

10. *Isachenko T.A.* Faith and resistance in the answers and reproofs of the 80–90s of the XVII century: New Bible translations in the philological schools of the XVII century. Moscow, 2015, 383 p. (In Russ.)

11. *Florovsky A.V.* Chudov's monk Evfimiy: One of the last champions of the «Greek doctrine» in Moscow. *Slavia*. Praha, 1949, vol. 19, pp. 100–152. (In Russ.)

12. *Viktorov A.E.* Inventory of the library of Hieromonk Evfimiy. *Letopisi russkoy literatury i drevnosti, izd. N.S. Tikhonravovym*. Moscow, 1863, vol. 5, pt. 3, pp. 50–56. (In Russ.)

13. *Panich T.V.* Books from the library of Evfimiy Chudovsky (experience sources of analysis of the nature). *Kniga: Sibir' – Evraziya. Tруды I Mezhdunarodnogo kongressa*. Novosibirsk, State. pub. scientific-techn. library SB RAS, 2016, vol. 2, pp. 84–91. (In Russ.)

14. *Panich T.V.* The book «Shield of Faith» in the historical and literary context of the late 17<sup>th</sup> century. Novosibirsk, 2004, 327 p. (In Russ.)

15. *Gorsky A.V., Nevostruev K.I.* Description of the Slavonic manuscripts of the Moscow Synodal Library. Moscow, 1862, pt. 2, iss. 3. (In Russ.)

16. *Panich T.V.* «Response» by Evfimiy Chudovsky to the «lying writing» of Peter Artemyev. *Obschestvennoje sosnanie i literatura XVI–XX vv.* Novosibirsk, 2001, pp. 222–243. (In Russ.)

17. *Bychkov V.V.* 2000 years of Christian culture sub specie aethetica: in 2 vols. St. Petersburg, 1999, vol. 2: The Slavic World. Ancient Russia. Russia, 527 p. (In Russ.)

18. *Panich T.V.* A letter from Evfimiy Chudovsky to Athanasius Kholmogorsky. To the question of Afanasy's participation in the translations of the late 17<sup>th</sup> century. *Obschestvennoye soznanie, knizhnost', literatura perioda feodalizma*. Novosibirsk, 1990, pp. 155–161. (In Russ.)

19. *Panich T.V.* The life of Patriarch Joachim on the list of the RSL, the collection of I.D. Belyaeva, no. 29/1535. *Rukopisi XVI–XXI vv.: issledovanija i publikatsii*. Novosibirsk, 2013, pp. 140–190. (In Russ.)

20. *Fonkich B.L.* Greco-Slavic schools in Moscow in the XVII century. Moscow, 2009, 288 p. (In Russ.)

Статья принята  
редакцией 18.06.2018

DOI: 10.15372/HSS20180310  
УДК 930(571)"1733/1743"

И.А. ШИПИЛОВ

## К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ С.П. КРАШЕНИННИКОВА: ПРОБЛЕМЫ, ДИСКУССИИ, НОВЫЕ ИНФОРМАЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Институт истории СО РАН,  
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена изучению материалов выдающегося русского ученого, участника Второй Камчатской экспедиции С.П. Крашенинникова, а также анализу соответствующей научной литературы. Получены новые сведения и скорректированы ошибочные представления ученых о поездках Крашенинникова по Сибири и Дальнему Востоку и выполненных там исследованиях. Отмечена научная актуальность изучения роли Крашенинникова в становлении этнологии, сравнительного анализа этнолингвистических данных, собранных им, адъюнктом Г.В. Стеллером и студентом А.П. Горлановым, значимость описания «О соболином промысле» как источника для историко-биологических и экологических работ. Сделан вывод о том, что во время экспедиции между профессором Г.Ф. Миллером и студентом Крашенинниковым установились хорошие профессиональные и личные отношения, показан вклад Миллера в становление Крашенинникова как универсального ученого, описавшего в середине XVIII в. междисциплинарный подход в науке.

*Ключевые слова:* С.П. Крашенинников, Вторая Камчатская экспедиция, Г.Ф. Миллер, история изучения Сибири, «Описание земли Камчатки», «О соболином промысле», путевые описания и дневники.

I.A. SHIPILOV

## ON THE HISTORY OF STUDYING S.P. KRASHENINNIKOV'S MATERIALS: PROBLEMS, DISCUSSIONS, NEW INFORMATION AND INTERPRETATIONS

Institute of History SB RAS,  
8, A. Nikolayev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article is devoted to comparative study of geographic, ethnographic, natural science, science research and other papers and materials, including those not introduced to scientific circulation, by S. P. Krasheninnikov, an outstanding Russian scientist, participant of the Second Kamchatka Expedition, as well as relevant research literature. As a result, it has filled main gaps in historiography, corrected inaccuracies, and proposed reasoned solutions for debated topical issues.

Based on comprehensive analysis of «Description of Kamchatka Land», Krasheninnikov's travel notes, diaries and reports the author adds new information about travels and research conducted by this member of the Second Kamchatka Expedition, corrects misconceptions on routes of his travels in Siberia and Far East, clarifies his scientific biography and indicates his priority in investigations and description of some geographic objects.

Concerning the history of studying ethnography materials by Krasheninnikov, the issue of his role in ethnology development is less highlighted, but it is significant as shown in this paper. Besides, the article points the prospects to research ethnolinguistic data by S.P. Krasheninnikov and his expedition colleagues (adjunct G.W. Steller and student A.P. Gorlanov), as well as scientific potential of work «On sable hunting» as a source for historical, biological and ecological research.

The major research finding is a reasoned conclusion that Professor G.F. Müller and student Krasheninnikov had good professional and personal relationships during the Second Kamchatka Expedition. Due to the active participation of Professor of history in his student's scientific and educational development the latter became a universal scientist, including science theorist, who described and explained the benefit of applying a historical and interdisciplinary approaches in science in the mid-XVIII century.

Many Krasheninnikov's papers remain scientifically relevant in the XXI century despite the illusion that they have been well studied.

*Key words:* S. P. Krasheninnikov, Second Kamchatka Expedition, G.F. Müller, Siberia exploration history, «Description of Kamchatka Land», «On Sable Hunting», travel notes and diaries.

---

Илья Александрович Шипилов – младший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: shipilof@yandex.ru.  
Илья А. Shipilov – junior researcher, Institute of History SB RAS.

Изучение материалов из богатейшего научного наследия академика С.П. Крашенинникова началось еще во время Второй Камчатской экспедиции 1733–1743 гг. (далее – ВКЭ), в которой он участвовал в составе академического отряда (далее – АО) в качестве студента, и продолжается до сих пор. Перманентный интерес ученых различных специальностей к работам Крашенинникова обусловлен тем, что в них содержатся информативные и достаточно точные, а в некоторых случаях единственные в своем роде, сведения по географии, этнографии, истории, биологии, геологии, метеорологии Сибири, Дальнего Востока и Европейской России (обзоры историографии см.: [1, 2, 3]). Исследования, выполненные Крашенинниковым в ходе ВКЭ в Сибири и на Дальнем Востоке либо на основе собранных там данных, составили большую часть его библиографии и обеспечили научное признание российского академического сообщества, о чем свидетельствуют его назначения в 1745 г. на должность адъюнкта, а в 1750 г. – профессора и действительного члена Академии наук по классу «натуральной истории» [4]. Международную научную известность Крашенинникову принесло его фундаментальное «Описание земли Камчатки» (далее – «Описание»), впервые вышедшее в свет в 1755 г. уже после его смерти в феврале того же года. Впоследствии эта книга многократно переиздавалась в России [5], была опубликована на государственных языках во Франции, Великобритании, Германии, Нидерландах, других европейских странах и США [1, с. 16–18; 6]. Она стала объектом изучения мирового научного сообщества, представители которого определяют ее как «научный шедевр XVIII в.» [7]. Лучшим считается издание «Описания» 1949 г. с приложением других камчатских материалов Крашенинникова, которое снабжено обстоятельными археологическими и научными комментариями, иной справочной информацией [8]. Материалы путешествий Крашенинникова по Сибири 1734–1737 гг. стали известны широкому кругу читателей после их научной публикации в 1966 г. [9].

В 2000 г. во втором томе серии «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов» на немецком языке были опубликованы с подробными примечаниями описание и дневник путешествия Крашенинникова от Якутска до Охотска, а также коллективное исследование р. Лены от Верхоленского острова до Якутска, в котором студент принял деятельное участие [10, S. 271–370, 405–422, 431–451].

Однако остаются неопубликованными и малоизученными многие путевые описания и дневники поездок Крашенинникова по Камчатке, которые содержат важные дополнения и уточнения к его монографии. Изданные труды в силу их объемности и междисциплинарности содержания также в полной мере не исследованы. Кроме того, в научной литературе имеют место ошибки как в изложении биографии ученого, так и в аналитике первоисточников. Для характеристики ситуации, сложившейся в историографии, российский физико-географ и историк-краевед

В.Е. Быкасов ввел термин «феномен Крашенинникова», под которым понимает сочетание неиссякаемого внимания исследователей к работам путешественника с многочисленными проявлениями неверных интерпретаций и откровенных искажений первичной авторской информации [11].

В данной статье на основе анализа материалов С.П. Крашенинникова с привлечением соответствующей справочной информации будут восполнены основные пробелы и скорректированы неточности, выявленные в историографии, предложены аргументированные решения актуальных дискуссионных вопросов.

В некоторых современных исследованиях в качестве даты рождения Крашенинникова по-прежнему указывается 1713 г. (см. напр.: [12, с. 30]), хотя еще в 1939 г. А.И. Андреев, основываясь на «Автобиографии» путешественника, доказал, что он родился 31 октября (11 ноября по новому стилю) 1711 г. [4, с. 6]. Проявлением неуважения к памяти о великом русском ученом являются ошибки при воспроизведении имени Степана Петровича [13, с. 5] и датировке первого издания его «Описания» [14, с. 210–211]. Известны случаи, когда материалы из научного наследия Крашенинникова пытались приписать себе другие исследователи, в частности работавший в России нидерландский ботаник Д. де Гротер [2, с. 146]. При первой публикации его описания «О соболином промысле» в качестве автора был ошибочно указан переводчик АО ВКЭ И.П. Яхонтов [15].

На необходимость пересмотра научным сообществом многих распространенных в историографии утверждений о камчатских поездках Крашенинникова ввиду их несоответствия данным первоисточников обратил В.Е. Быкасов. Хорошее знание содержания «Описания» и других камчатских материалов участника АО ВКЭ в сочетании с осведомленностью в географии края позволили Быкасову скорректировать и уточнить представления исследователей о маршрутах основных путешествий Крашенинникова по полуострову [11, 16].

Однако из внимания столь скрупулезного исследователя, как и его предшественников, ускользнул тот факт, что Крашенинников в 1739–1740 гг. дважды пересек по основанию Шипунский полуостров и в Авачинском заливе напротив устья р. Островной «близ берега» обнаружил «небольшой каменной островок», на котором побывал и обследовал его [8, с. 123, 511]. Посещение и первое научное исследование Крашенинниковым этого острова, который в 1831 г. был назван его именем штабс-капитаном П.И. Ильиным, в историографии не отражено.

Детальная реконструкция маршрутов сибирских путешествий Крашенинникова 1734–1737 гг., позволившая скорректировать некоторые распространенные в историографии неверные представления о посещенных студентом местностях, впервые произведена нами в работе о путевых описаниях вспомогательного персонала АО ВКЭ [17].

В научной литературе обзор исследований Крашенинникова в Сибири начинают с описания поездки из Кузнецка по р. Томь до Томска, продлившейся с 27 сентября по 5 октября 1734 г. [9, с. 24]. Однако первый исследовательский опыт Крашенинников приобрел раньше, когда по инструкции Миллера и Гмелина от 2 августа 1734 г. выполнил географическое описание путешествия АО ВКЭ от Семипалатинской крепости до Кольвано-Воскресенского завода, проходившего с 7 по 29 августа того же года, и осуществил сборы трав, семян и минералов<sup>1</sup>.

Большой вклад Крашенинникова в накопление точного и информативного фактического материала по этнографии народов Сибири уже в значительной мере отражен в историографии (см., напр.: [18]). Меньше внимания исследователями уделено его обобщениям эмпирических данных, некоторые из них соответствовали уровню этнографической науки, находившейся в изучаемый период на этапе становления. Показательны антропологические характеристики, которые Крашенинников дал некоторым сибирским народам. В них, как правило, отмечены и черты сходства, и признаки этнического своеобразия. Так, по его мнению, ительмены с другими сибирскими этносами схожи в том, «что они телом смуглы и черноволосы, что глаза у них малы и лица плоски», но имеют следующие отличия: «лица... не столь продолговаты и скуласты, как у других народов, щеки у них одутловаты, губы толсты и рот превеликой... [они] плечисты и присадисты, особливо, кои живут при море...» [8, с. 366]. Систематизируя антропологические данные, он работал над определением общих расовых признаков, характерных для внешности большинства коренных народов Сибири, подметив, в частности, что «почти все азиатские народы лицом широки, волосом черны, голотелы», имеют узкий разрез глаз и смуглую кожу [8, с. 365 сн. 1, 366; 9, с. 72].

Сохраняют научную актуальность этнолингвистические материалы Крашенинникова для исследования эволюции сохранившихся, а прежде всего для реконструкции ныне утраченных языков и диалектов сибирских этносов. Особенно перспективно сравнительное изучение словарных записей С.П. Крашенинникова с записями другого студента АО ВКЭ – А.П. Горланова и адъюнкта Г.В. Стеллера, что позволит уточнить имеющиеся представления об исчезнувших диалектах ительменского и корякского языков, восстановить географию их распространения в первой половине XVIII в. [18, с. 206–207].

Работа Крашенинникова «О соболином промысле» [9, с. 155–174] в основном используется исследователями как источник этнографических сведений о методах соболиной охоты русского и коренного населения Сибири, охотничьем снаряжении, исполняемых при этом ритуалах и соблюдаемых приметах.

Это описание содержит также ценную информацию о зоологии и экологии соболя и других животных [19, с. 119–120].

В научной литературе дискуссионным остается вопрос о характере взаимоотношений Крашенинникова с Миллером во время ВКЭ и роли профессора в научном росте студента и его становлении как ученого. Некоторые исследователи при решении данной проблемы продолжают опираться на мнение М.В. Ломоносова, согласно которому лишь И.Г. Гмелин в ходе ВКЭ вел научно-образовательную работу со студентами и исключительно благодаря его руководству Крашенинников добился успехов в науке [11, с. 384]. Это суждение, высказанное Ломоносовым спустя почти два десятка лет после экспедиции и основанное на его личном негативном отношении к Миллеру из-за расхождений по норманнскому вопросу, на долгое время утвердилось в историографии как единственная характеристика взаимоотношений профессора с помощником в течение ВКЭ (об этом см.: [20, с. 363]). Начиная с работ А.И. Андреева [4, 21], в научной литературе стала подвергаться сомнению объективность представленной выше точки зрения на взаимоотношения Крашенинникова с Миллером, и в настоящее время ведется переоценка методов и результатов образовательной работы историографа [22].

Изучение экспедиционных материалов показывает, что Миллер, так же как и Гмелин, участвовал в научной подготовке Крашенинникова. Подтверждением этого являются многочисленные инструкции, составленные обоими профессорами для студента, в которых содержались не только задания для научной работы, но и объяснения методов их выполнения. Таким образом, профессора стремились, чтобы их ученик постигал основы научного мастерства. Особо следует отметить подробную инструкцию 1737 г. по всеобъемлющему исследованию Камчатки (89 статей), подготовленную Миллером и Гмелиным для Крашенинникова<sup>2</sup>. Приоритетная роль в составлении этого документа принадлежит Миллеру – автору историко-этнографического и основной части географического блоков, Гмелину – естественнонаучная компонента. Профессором истории была написана также специально-этнографическая инструкция для Крашенинникова «Допросы при описании народов и их нравов и обычаев», включающая 230 пунктов, регламентирующих сбор сведений о коренном населении Камчатки<sup>3</sup>. В качестве образца для исследования Миллер дал Крашенинникову свою работу «География и устройство Камчатки...» (1737 г.), в которой были систематизированы сведения о полуострове, полученные в Якутске [23]. Крашенинникову благодаря этим детальнейшим руководствам Миллера, а также своим выдающимся способностям удалось

<sup>1</sup> Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Р. I. Оп. 13. Д. 12. Л. 132–132 об.

<sup>2</sup> Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 199. Портф. 527. Д. 7. Л. 1–19.

<sup>3</sup> СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 13. Д. 11. Л. 128–133.

выполнить на Камчатке не только естественнонаучные работы, о которых писал Гмелин, но и географические, этнографические, исторические и иные исследования.

О хороших профессиональных и личных отношениях Миллера и Крашенинникова свидетельствуют материалы делопроизводства АО ВКЭ. К примеру, в письме от 23 ноября 1740 г., отправленном из Большерецка, студент благодарит профессора за «предстательство и старание», которые он «отечески» о нем проявил, лично прислав ему некоторые необходимые вещи, а другие, попросив выдать капитана-командора В.И. Беринга, также пообещав ему вознаграждение за камчатские исследования [8, с. 621]. Миллер сдержал свое обещание: при его содействии Канцелярия Академии наук приняла решение с 15 мая 1743 г. увеличить ежегодное жалование Крашенинникова со 100 до 200 руб. [4, с. 29–35].

Значение «Речи о пользе наук и художеств» (1750 г.) [9, с. 225–240] Крашенинникова как важного источника по истории российской науки XVIII в. исследователями уже показано. Одним из основных достижений Крашенинникова в этой работе науковеды справедливо признают то, что он обосновал необходимость применения принципа историзма в науке для того, чтобы адекватно оценить ее современное состояние и определить направления для новых исследований [24, с. 30–31]. Однако учеными не отмечено, что Крашенинников в этом труде еще в середине XVIII в. указал на перспективность междисциплинарного подхода в науке, который приобретает все большую актуальность в XXI в. Он писал: «...Астрономия... служит к исправности географии... оптика – к ее совершенству... медицине нельзя миновать без механики, химии и натуральной истории, политическая география натуральной же истории необходимо должна касаться, и таким образом все толь твердо соединяются, что одна без другой не может быть в настоящей своей силе и исправности, так что ежели их разделить порознь, то столько ж они бесполезны будут, сколько в соединении плода приносят» [9, с. 232–233].

Таким образом, в статье на основе комплексного анализа «Описания», путевых описаний, дневников, рапортов и иных материалов Крашенинникова выявлены и исправлены бытующие в историографии неверные представления о путешествиях участника ВКЭ по Сибири и Камчатке, главной причиной которых является пренебрежение первоисточниками. В дополнение к этому приведены сведения о еще не отраженных в научной литературе поездках и исследованиях Крашенинникова, позволившие уточнить его научную биографию и указать на первенство в изучении некоторых географических объектов, в частности острова, носящего его имя. Показано также, что одним из основных в истории изучения этнографических работ Крашенинникова является вопрос о его роли в становлении этнологии. Кроме того, отмечен научный потенциал этнолингвистических материалов путешественника и его описания

«О соболином промысле» как источника для историко-биологических и экологических работ.

Одним из основных результатов данного исследования является аргументированное заключение о том, что во время ВКЭ между Миллером и Крашенинниковым существовали хорошие профессиональные и личные отношения. Более того, деятельное участие профессора в научно-образовательной подготовке студента способствовало его становлению как ученого-универсала, в том числе науковедом, описавшего еще в середине XVIII в. междисциплинарный подход в науке, актуальность которого, как и изучения материалов Крашенинникова, сохраняется до сих пор.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полевой Б.П. Предисловие // Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. СПб.; Петропавловск-Камчатский, 1994. Т. 1. С. 3–29.
2. Манойленко К.В. Степан Петрович Крашенинников (1711–1755): путешественник, ботаник, просветитель // Ботанический журнал. 1998. Т. 83, № 6. С. 140–148.
3. Shaw D.J.B. Utility in Natural History: Some Eighteenth-century Russian Perceptions of the Living Environment // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2, № 4. Р. 35–50.
4. Андреев А.И. Жизнь и научные труды Степана Петровича Крашенинникова // Советский Север. 1939. № 2. С. 5–64.
5. Дивина Н.В. «Описание земли Камчатки»: вечная научная классика // Культура и наука Дальнего Востока. 2017. № 2 (22). С. 154–158.
6. Андреев А.И. Переводы труда С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» // Советский Север. 1939. № 2. С. 171–175.
7. Shimkin D.B. S.P. Krashennnikov's Opisanie zemli Kamchatki (Description of Kamchatka Land) An Eighteenth-Century Scientific Masterpiece: A Review Article // Canadian-American Slavic Studies. 1975. Vol. 9, N 3. P. 374–380.
8. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л., 1949. 842 с.
9. С.П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. М.; Л., 1966. 241 с.
10. Georg Wilhelm Steller, Stepan Krašenninnikov, Johann Eberhard Fischer: Reisetagebücher 1735 bis 1743. Halle, 2000. 627 s.
11. Быкасов В.Е. И еще раз о феномене Крашенинникова // Камчатский летописец. Петропавловск-Камчатский, 2015. Вып. 4. С. 369–401.
12. Санкт-Петербургский государственный университет: 275 лет: Летопись 1724–1999. СПб., 1999. 422 с.
13. От редакции // Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М., 2010. С. 5–8.
14. Александровская О.А. Становление географической науки в России в XVIII веке. М., 1989. 230 с.
15. Яхонтов И. О соболином промысле // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1791. Ч. 58. С. 22–62.
16. Быкасов В.Е. Поездки С.П. Крашенинникова по Камчатке // Вопросы истории Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2007. Вып. 3. С. 219–241.
17. Шупилов И.А. Путевые описания вспомогательного персонала Второй Камчатской экспедиции как источник по истории изучения Сибири // Духовная культура и общественная мысль России в литературных и исторических памятниках XVI–XXI вв. Новосибирск, 2016. С. 120–141.
18. Народы Северо-Востока Сибири. М., 2010. 773 с.
19. Соколов В.Е., Парнес Я.А. У истоков отечественной этнологии. М., 1993. 412 с.

20. Греков В.И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960. 425 с.

21. Андреев А.И. Ломоносов и Крашенинников // Ломоносов: сб. стат. и материалов. М.–Л., 1940. С. 286–296.

22. Смагина Г.И. Педагогические взгляды Г.Ф. Миллера // Немцы в России: Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 497–504.

23. Müller G.F. Geographie und Verfassung von Kamtschatka aus verschiedenen schriftlichen und mündlichen Nachrichten, gesammelt zu Jakuzk, 1737 // Steller G.W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfurt; Leipzig, 1774. Anhang. S. 1–58.

24. Зубов В.П. Historiография естественных наук в России (XVIII в. – первая половина XIX в.). М., 1956. 576 с.

#### REFERENCES

1. Polevoi B.P. Foreword. *Krasheninnikov S.P. Opisanie zemli Kamchatki*. St. Petersburg; Petropavlovsk-Kamchatsky, 1994, vol. 1, pp. 3–29. (In Russ.)

2. Manoylenko K.V. Stepan Petrovich Krasheninnikov (1711–1755): a traveller, botanist and enlightener. *Botanicheskii Zhurnal*. 1998, vol. 83, no. 6, pp. 140–148. (In Russ.)

3. Shaw D.J.B. Utility in Natural History: Some Eighteenth-century Russian Perceptions of the Living Environment. *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*. 2010, vol. 2, no. 4, pp. 35–50.

4. Andreev A.I. Life and research work of S.P. Krasheninnikov. *Sovetsky Sever*. 1939, no. 2, pp. 5–64. (In Russ.)

5. Divina N.V. “Description of the Land of Kamchatka”: scientific classics timeless. *Kultura i nauka Dalnego Vostoka*. 2017, no. 2 (22), pp. 154–158. (In Russ.)

6. Andreev A.I. Translations of S.P. Krasheninnikov’s Description of the Land of Kamchatka. *Sovetsky Sever*. 1939, no. 2, pp. 171–175. (In Russ.)

7. Shimkin D.B. S.P. Krasheninnikov’s *Opisanie zemli Kamchatki* (Description of the Land of Kamchatka). An Eighteenth-Century Scientific Masterpiece: A Review Article. *Canadian-American Slavic Studies*. 1975, vol. 9, no. 3, pp. 374–380. (In Russ.)

8. *Krasheninnikov S.P.* Description of the Land of Kamchatka with reports, letters and other unpublished documents. Moscow, Leningrad, 1949, 842 p. (In Russ.)

9. S.P. Krasheninnikov in Siberia. Unpublished materials. Moscow, Leningrad, 1966, 241 p. (In Russ.)

10. Georg Wilhelm Steller, Stepan Krasheninnikov, Johann Eberhard Fischer: *Travel Notes from 1735 to 1743*. Halle, 2000, 627 p. (In Germ.)

11. Bykasov V.E. On the Krasheninnikov phenomenon once again. *Kamchatskiy Letopisets*. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2015, vol. 4, pp. 369–401. (In Russ.)

12. 275 years of St. Petersburg University: *Annals 1724–1999*. St. Petersburg, 1999, 422 p. (In Russ.)

13. Editorial Note. *Krasheninnikov S.P. Opisanie zemli Kamchatki*. Moscow, 2010, pp. 5–8. (In Russ.)

14. Aleksandrovskaya O.A. Development of Geography in Russia in the 18th century. Moscow, 1989, 230 p. (In Russ.)

15. Yakhontov I. On the Sable Hunting. *Novyye ezhegodnyye sochineniya*. St. Petersburg, ch. 58, pp. 22–62. (In Russ.)

16. Bykasov V.E. Trips of S.P. Krasheninnikov along Kamchatka. *Voprosy istorii Kamchatki*. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2007, vol. 3, pp. 219–241. (In Russ.)

17. Shipilov I.A. Travel Notes Made by the Support Personnel of the Second Kamchatka Expedition as a Source for the Study of Siberia. *Dukhovnaya kultura i obschestvennaya mysl Rossii v literaturnykh i istoricheskikh pamyatnikakh XVI–XXI vekov*. Novosibirsk, 2016, pp. 120–141. (In Russ.)

18. The peoples of the Northeast of Siberia. Moscow, 2010, 773 p. (In Russ.)

19. Sokolov V.E., Parnes Y.A. Beginning of Russian theriology. Moscow, 1993, 412 p. (In Russ.)

20. Grekov V.I. Essays from the History of Russian Geographical Research in 1725–1765. Moscow, 1960, 425 p. (In Russ.)

21. Andreev A.I. Lomonosov and Krasheninnikov. *Lomonosov: Sbornik statey i materialov*. Moscow, Leningrad, 1940, pp. 286–296. (In Russ.)

22. Смагина Г.И. The Pedagogical views of G.F. Müller. *Nemtsy v Rossii: Peterburgskie nemtsy*. St. Petersburg, 1999, pp. 497–504. (In Russ.)

23. Müller G.F. Geography and State of Kamchatka form various written and oral reports, collected in Yakutsk, 1737. *Steller G.W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka*. Frankfurt; Leipzig, 1774, Anhang, pp. 1–58. (In Germ.)

24. Zubov V.P. A Historiography of Natural Sciences in Russia from the 18<sup>th</sup> to the first half of 19<sup>th</sup> century. Moscow, 1956, 576 p. (In Russ.)

Статья принята  
редакцией 28.06.2018

DOI: 10.15372/HSS20180311  
УДК 94(571)“19”:821.161.1Р–6

С.Г. ПЕТРОВ

### ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА ЖИЗНИ СИБИРСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ П.И. МАКУШИНА\*

Институт истории СО РАН,  
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,

Статья посвящена малоисследованному советскому периоду жизни сибирского просветителя П.И. Макушина (1844–1926). Главное внимание уделено эпистолярному наследию – письмам П.И. Макушина одному из видных большевистских деятелей культуры советской Сибири – В.Д. Вегману, а также другим частным посланиям из личного архива последнего с упоминанием имени сибирского просветителя и адресованным П.И. Макушину. В статье представлен наиболее полный на сегодня массив данной разновидности источников, сохранившихся в Государственном архиве Новосибирской области. Рассмотрен спектр проблем, отразившийся в этих эпистолярных документах. Установлен круг представителей томского интеллектуального сообщества того времени, близкий как П.И. Макушину, так и В.Д. Вегману. Реконструированы особенности отношений сибирского просветителя и старейшего большевика Сибири.

*Ключевые слова:* П.И. Макушин, В.Д. Вегман, Г.Н. Потанин, письма, большевики, культура, Томск, Сибирь.

S.G. PETROV

### FROM THE EPISTOLARY HERITAGE OF THE SOVIET PERIOD OF LIFE OF P.I. MAKUSHIN, A SIBERIAN EDUCATOR

Institute of History SB RAS,  
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Understanding the principles of biographical research received a powerful theoretical and methodological impetus in modern historiography, which resulted in emergence of such concepts as a “new biographical history” and “personal history”. Within the framework of these new approaches, personal texts (diaries, letters, memoirs, and autobiographies) are recognized as the principle research objects, while the individual history of people’s lives in all the diversity of their constituent aspects, including the surrounding society study, becomes the subject matter. A particular difficulty is posed by poor preservation of the above-mentioned historical sources. That is why it is so important to work with personal archives, with all the variety of documents in them. Even partially preserved memoirs and epistolary sources are taken into account as they allow the researcher to reveal, even if fragmentarily, individual biographies of people. This research is focused on the empirical solution to the named problems of modern biography studies.

This article considers the scarcely explored Soviet period of life of the well-known Siberian educator P. I. Makushin (1844–1926). The focus is on his epistolary heritage, i. e. P. I. Makushin’s letters to V. D. Vegman, a prominent Bolshevik cultural figure of Soviet Siberia, as well as on other private messages from the latter’s personal archive mentioning the name of the Siberian educator and addressed to P. I. Makushin. This research deals with a gamut of problems reflected in the epistolary documents; specifies the circle of persons representing Tomsk intellectual community of the time close to both P.I. Makushin and V. D. Vegman; identifies the configurations of interpersonal interaction within the community; reveals features of evolution of relationships between the Siberian enlightener and the oldest Bolshevik of Siberia.

*Key words:* P.I. Makushin, V.D. Wegman, G.N. Potanin, letters, Bolsheviks, culture, Tomsk, Siberia.

В современной историографии осмысление принципов биографического исследования получило мощный теоретико-методологический импульс,

приведший к появлению таких понятий, как «новая биографическая история» и «персональная история». В рамках этих новых подходов основным объектом ис-

\*Сокращенный вариант данной статьи обнародован как доклад на XI Макушинских чтениях (г. Томск, 29–30 мая 2018 г.).

Станислав Геннадьевич Петров – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: petrov\_istochnik@mail.ru.

Stanislav G. Petrov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

следования признаны персональные тексты (дневники, письма, мемуары, автобиографии), а предметом анализа – индивидуальная история жизни людей во всем многообразии составляющих ее аспектов, включая изучение окружающего социума. Особую трудность при этом создает плохая сохранность указанных исторических источников. Поэтому столь важной признается работа с личными архивами, со всем спектром находящихся в них документов. Во внимание принимаются даже сохранившиеся с большими лакунами мемуарно-эпистолярные источники, так как они позволяют раскрыть, хотя бы фрагментарно, индивидуальные биографии людей [1].

При подготовке к публикации коллективом историков и архивистов, в который входил и автор этой статьи, сборника документов, посвященного видному деятелю советской культуры в Сибири В.Д. Вегману [2], в его личном архиве были выявлены письма П.И. Макушина. Данные эпистолярные источники были включены мной в третий раздел указанной книги и отмечены в комментариях. Еще до выхода в свет данного сборника Е.А. Мамонтовой, одним из его составителей, письма эти были представлены в общем обзоре находящихся в Государственном архиве Новосибирской области (ГАО) документов, связанных с Макушиным [3, с. 5–6]. К сожалению, в обзор попали не все послания сибирского просветителя, адресованные старейшему большевику Сибири. Остались вне поля зрения и некоторые сохранившиеся в архиве Вегмана послания сибиряков, содержащие упоминания о Макушине или даже адресованные ему. Значение их, как исторических источников, помогающих раскрыть недостающие страницы биографии Макушина в советское время (а все они, за одним исключением, являются рукописными подлинниками, автографами), трудно переоценить. Неоднократно исследователи отмечали, что последний период жизни Макушина изучен слабо и почти не отражен в литературе [4, с. 35; 5, с. 145]. В отличие от дореволюционного времени, по поводу его круга общения в советские годы, профессионального и частного, особенностей межличностного взаимодействия, человеческих привязанностей и симпатий практически ничего не сказано. Известна лишь одна удачная попытка реконструкции В.А. Петрицким на основе книжных дарственных надписей этого периода не известными ранее отношений Макушина и петроградских деятелей культуры [5]. Заполнить эту лакуну хотя бы отчасти и призвана настоящая работа.

Отмечу, что архив Вегмана, в котором отложились письма Макушина, был изъят при аресте его владельца в 1936 г. и долгие годы хранился в местном управлении чекистов в Новосибирске. После развенчания «культы личности» И.В. Сталина конфискованные материалы передали в обкомовский партийный архив, который ныне является составной частью ГАО. Думается, что нет особой надобности останавливаться и на биографиях упомянутых выше достаточно известных персонажей сибирской истории. Напомню только, что Вениамин Давидович Вегман (1873–1936) был ключе-

вой фигурой в большевистских структурах управления региональной культурой.

Неистовый культуртрегер, авторитетный большевик, которого знал лично В.И. Ленин, а А.В. Луначарский называл «нашим старым товарищем», по-европейски образованный, В.Д. Вегман разительно отличался от представителей местной номенклатуры. В силу особого положения в неформальной властной иерархии большевиков он стоял у истоков многих культурных начинаний первых советских лет в Сибири: Общества изучения Сибири, Сибирского союза писателей, Сибирской книжной палаты, Сибгосиздата, Сибгосоперы, Сибархива, Сибистпарта, журнала «Сибирские огни», Сибирской советской энциклопедии, первого сибирского художественного фильма «Красный газ». В его честь были названы улицы, школы и колхозы [6, 7, 8].

Трудно сказать, когда произошла первая встреча Макушина и Вегмана. Не исключено, что это случилось в Томске, когда ссыльный Вегман после февральских событий 1917 г. покинул Нарым и принял активное участие в общественно-политической жизни губернского центра. Он возглавил Томский губком РСДРП, сначала объединенный, а затем большевистский, руководил редакциями местных большевистских газет. Так или иначе, но Макушин счел возможным обратиться к Вегману в первый раз только в 1920 г., и после этого эпистолярное общение их длилось на протяжении практически шести лет – до 1926 г., причем обсуждались самые разные темы, включая и весьма непростые обстоятельства жизни Макушина в советских условиях.

Как известно, по мере продвижения Красной армии на восток России не сочувствовавший большевикам Макушин покинул Томск, но дальше хорошо знакомого ему Иркутска эвакуироваться отказался, приняв решение о возвращении. Еще до ареста чекистами в этом городе (правда, кратковременного) Макушин написал 15 мая 1920 г. о желании вернуться домой «Гражданину Председателю Коллегии заведующей учебными заведениями в Томске товарищу Вегману». Из приведенной адресной формулы видно, что, находясь в Иркутске, Макушин был весьма неплохо осведомлен о происходившем в Томске. Он обратился к Вегману, особо не представляясь, вполне обоснованно считая, что адресат знает его. Это послание Макушина отличается логически выверенной манерой изложения и достаточно жестким языком, официальным и предельно отстраненным.

В начале письма он сообщил, что посвятил 54 года просвещению Сибири и хочет продолжить эту «излюбленную деятельность» до конца своей жизни. А так как Коллегия взяла на себя ответственность за существование устроенного Макушиным Народного университета, то он просит предоставить ему право участвовать в работе нового органа по управлению вузами в Томске. Плодотворной деятельности его на этом поприще мог бы способствовать приобретенный за пять месяцев нахождения в Иркутске опыт зна-

комства с работой местного Народного университета. Подводя итог всему изложенному в письме, не без чувства собственного достоинства, Макушин предложил своему адресату следующее: «В случае, если мое настоящее предложение будет принято Вами, благоволите официально потребовать телеграммой мой выезд из Иркутска в Томск и моей жены для сопровождения меня». В отличие от всего остального текста письма, приведенный только что фрагмент был написан с использованием правил старой орфографии. После чего помещена формула подписи «Гражданин Петр Иванович Макушин» и был указан адрес для телеграммы: «г. Иркутск, Большая ул[ица] № 19» [2, с. 238]. Известно, сыграло это письмо положительную роль в его судьбе или нет, но после освобождения из-под ареста иркутские чекисты, принеся извинения, предоставили ему место в служебном вагоне для возвращения в Томск.

Подтверждением установившихся отношений между Макушиным и Вегманом служит сохранившееся в личном архиве сибирского большевика письмо томской учительницы географии Н.П. Карповой от 29 июня 1923 г., направленное Макушину, видимо в Новониколаевск (Новосибирск), и переданное им Вегману. Напомню, что к тому времени Петр Иванович уже год как трудился заведующим торговым отделом Сибгосиздата, состоял членом его правления. Наполнение редакционных портфелей как издательства, так и появившихся относительно недавно общесибирских органов периодической печати – проблема, которая, очевидно, была одинаково близка им обоим. Из письма Н.П. Карповой следует, что поиск ее решения актуализировал и одну из тем общения Макушина и Вегмана, связанную с судьбой мемуарного наследия другого легендарного сибиряка – Григория Николаевича Потанина, скончавшегося в 1920 г.

Активно участвовавшая в делах Макушина его дочь – Елизавета Петровна – рассказала Н.П. Карповой о желании Вегмана издать воспоминания Г.Н. Потанина, причем с учетом якобы написанных, но не опубликованных текстов, касавшихся недавнего времени. Вероятно, попытка разобраться, существуют или нет эти неизвестные части потанинских мемуаров, была в основе тогдашнего диалога между Вегманом и Макушиным. «Как человек, стоящий близко к Григорию Николаевичу в последние годы его жизни», Карпова однозначно заявила, что никаких других мемуаров, кроме напечатанных в «Сибирской жизни» в 1913–1917 гг., не существует. Сам Потанин, с ее слов, очень ценил опубликованное в газете, основанной Макушиным, и хотел издать свои воспоминания отдельной книгой. Когда поступило предложение издательства «Задруга» напечатать их, он просмотрел мемуары еще раз и даже написал предисловие. Но этим планам не суждено было сбыться, поэтому Карпова была так рада инициативе Вегмана. Она просила Макушина передать Вегману, что ей «страшно хочется, чтобы “Воспоминания” нашли читателя», «чтобы товарищу Вегману удалось напечатать эту интересную книгу». Очевидно, выпол-

няя это пожелание Карповой, Макушин и передал Вегману ее письмо. Рукописная помета Вегмана на этом письме свидетельствует, что 14 августа 1923 г. он дал на него ответ [2, с. 260–261].

В общении Вегмана и Макушина важное место занимал вопрос о судьбе рукописи Потанина «Легенда о Христе». Об этом свидетельствует письмо директора Главной библиотеки Томского университета В.Н. Наумовой-Широких от 14 июля 1923 г., в котором она сообщает Вегману о вручении ей прибывшим в Томск Макушиным записки, посвященной данной рукописи. Наумова-Широких занималась в свободное от службы время разбором рукописей Потанина и заверяла Вегмана, что сделает все возможное для поиска «Легенды о Христе», оперативно, если найдет, оповестит об этом и, несмотря на риски, вышлет ее почтой [2, с. 262]. К сожалению, розыски этой рукописи не увенчались успехом<sup>1</sup>.

Имя П.И. Макушина упоминается и в письме директора Томского краевого музея М.Б. Шатилова от 18 декабря 1923 г. Помимо сообщения о задержке с отправкой статьи о своем музее автор письма обратился к Вегману с просьбой оказать содействие в решении вопроса, касавшегося реституции перемещенных после Гражданской войны художественных ценностей. Директор музея хотел пополнить свои фонды бронзовой фигурой первобытного человека, вывезенной, по его сведениям, Артиллерийской школой в Омск. Эта фигура в 1911 г. была прислана американской художницей с Парижской выставки в дар музею томского Дома науки<sup>2</sup>. (С 1920 по 1923 г. в макушинском Доме науки находилось артиллерийское военно-учебное заведение по подготовке комсостава РККА.) «Это литье, – указывал М.Б. Шатилов, – по праву преемства и по существу[,] конечно, должно поступить в наш Музей. В этом направлени[и] много было принято мер, но сделать ничего не удалось». Не исключено, что данную проблему обозначил сам Макушин, по крайней мере, директор музея особо оговорил в письме, что в получе-

<sup>1</sup> Ход не принесших результатов поисков потанинской «Легенды о Христе» отражен в адресованных В.Д. Вегману письмах В.Н. Наумовой-Широких и заведующего Томским губархивом Н.Н. Бакая (Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П5а. Оп. 1. Д. 307. Л. 45, 81 об.; Д. 308. Л. 189–189 об.). В сложившихся обстоятельствах В.Д. Вегману пришлось прибегнуть к услугам В.И. Анучина, который после длительной переписки и всяческого оттягивания момента отправки этой работы Г.Н. Потанина все-таки прислал сомнительный вариант текста, представляющий собой сделанную им рукописную копию нигде более не сохранившейся стенографической записи выступления знаменитого сибиряка по данной теме [2, с. 288–290, 406–407]. Присланный текст под названием «Происхождение Христа» был опубликован в одном номере журнала «Сибирские огни» вместе с некрологом, посвященном П.И. Макушину (ГАО. Ф. П5. Оп. 4. Д. 146. Л. 1–11; Ф. Д144. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–4 об.; [9]) [10, с. 40].

<sup>2</sup> Не исключено, что в письме М.Б. Шатилова речь шла об американском скульпторе российского происхождения О.П. Поповой-Вудворт, которая в 1912 г. подарила томскому Дому науки бронзовый бюст П.И. Макушина (об этом см.: Земля Томская: краеведческий портал. Дом науки им. П.И. Макушина. URL: <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/60/> (дата обращения: 10.01.2018)).

нии этой художественной ценности, «между прочим[,] очень заинтересован П.И. Макушин»<sup>3</sup>.

Личные контакты, желание плодотворно работать в культурно-просветительской сфере изменили отношение Макушина к Вегману. Второе из сохранившихся писем Макушина красноречиво говорит об этом. В отличие от первого послания, в письме от 29 декабря 1923 г. Петр Иванович называет своего корреспондента «многоуважаемым Вениамином Давидовичем», желает от души ему всего доброго, подписывается с использованием этикетной формулы: «С глубоким почтением П. Макушин». В первой части письма он информирует адресата о состоянии дел у томичей, которые по просьбе Вегмана работали над статьями для периодических изданий или дали обещание помочь с редкими книгами, необходимыми ему для литературной работы. Сначала Макушин пишет о двух упомянутых чуть выше общих хороших знакомых – В.Н. Наумовой-Широких и М.Б. Шагилове, которые уже подготовили свои статьи. Демонстрируя свою осведомленность в этих вопросах, Петр Иванович сообщал, что Вера Николаевна свою статью, видимо о библиотеке Томского университета, вышлет на днях, а Михаил Бонифатьевич написанную им статью о музее уже отправил в Новониколаевск. Далее Макушин извещал о своем разговоре с начальником томского отделения представительства Чехословацкой Республики в РСФСР Райхелем, который обещал Вегману выписать и переслать ему книгу Я. Крадохвила. По-видимому, выполняя просьбу Вегмана, Макушин попросил у Райхеля еще и книгу Р. Гайды, о которой его собеседник ничего не знал, но обещал выписать и ее<sup>4</sup>. Чехословацкий представитель в ответ передал привет и, в свою очередь, попросил доставить ему два экземпляра последнего номера журнала «Сибирские огни», который не получили еще в томском отделении Сибгосиздата.

Вторую часть своего письма Макушин посвятил острейшей для него жилищно-бытовой проблеме. Как известно из литературы, в ознаменование заслуг Макушина в области народного просвещения в июне 1923 г. ему был передан в пожизненное владение муниципализированный ранее у него дом. Из письма от 29 декабря 1923 г. выясняется, что дом был возвращен Макушину с советским «приданым»: в кухне осталась жить семья караульного Буравского. На первый взгляд, насыщение письма уже отмеченными выше этикетными формулами, выражающими знаки уважения адресату, вполне могло быть следствием содержания этой части макушинского послания. Он писал: «Сижу все-

таки и до сего времени без кухни». Для исправления сложившейся ситуации Петр Иванович принял целый ряд мер, но одолеть советских бюрократов так и не смог. Согласно его письму, он был пять раз в жилищной камере, которая признала его требование о выселении караульного законным и «каждый раз обещала “непременно выселить”», но, подводя итог своим хождениям Макушин, «Буравский и не думает очищать занимаемое им помещение». Чтобы разорвать этот порочный круг, Макушин был вынужден лично обратиться к председателю Томского губисполкома В.С. Корневу, но его обещание и даже сделанное им распоряжение ничего не изменили в сложившейся ситуации, поэтому автор письма не решился повторно беспокоить высокое томское начальство. По-видимому, у Макушина осталась последняя инстанция, к которой он мог апеллировать – Вегман. Он так и написал в конце письма: «Буду ждать Вашего приезда в Томск...»<sup>5</sup>.

Как свидетельствует письмо Макушина Вегману от 3 апреля 1924 г., данная проблема и спустя три месяца все еще не была решена, что подтолкнуло Петра Ивановича вновь обратиться к Вениамину Давидовичу. Согласно письму, все принятое еще в 1923 г. решения жилищных органов об освобождении помещения в недельный срок квартирант игнорировал, заявляя Макушину, что покинет кухню только после того, как коммунальный отдел найдет новую квартиру. Сам он, согласно письму, к поиску жилья усилий не прилагал и за свое проживание «в течении 9-ти месяцев ни копейки» не платил, видимо, ожидая смерти объявившегося хозяина дома.

Помимо вызывающего социального иждивенчества, нагло демонстрируемого караульным, Макушин обратился к Вегману еще и потому, что за время нахождения дома в муниципализированном состоянии помещение кухни пришло в негодность, и требовалось провести срочный ремонт: «заменить сгнившие бревна, поднять и перестлать полы и проконопатить стены», а нанять по дешевой цене рабочих можно было только весной, до начала летних работ. Изложенное Макушиным подтверждалось актом обследования дома строительной комиссией губкомхоза от 30 июня 1923 г., составленным при передаче дома прежнему владельцу. По мнению Макушина, этот акт давал «по закону Республики» все основания на выселение квартиранта «мерами полиции», но возраст автора послания уже не позволял «ходить по судам и отстаивать свои права тяжбой». В конце письма Макушин подводил итог: «Очень прошу Вас, многоуважаемый Вениамин Давидович, избавить меня от этой крайне тяжелой для меня перспективы» [2, с. 268–269].

При составлении данного письма его автор не совсем точно указал даты упомянутых в нем официальных документов, милицию назвал полицией, а квартиранта – Журавским, видимо, Макушин находился в состоянии волнения (не исключено, после очередной «схватки» с караульным). Поводом для обращения

<sup>3</sup> ГАНО. Ф. П5а. Оп. 1. Д. 307. Л. 133–133 об.

<sup>4</sup> Райхель неоднократно присылал Вегману книги, издававшиеся не только в Чехословакии, но и в других европейских странах (ГАНО. Ф. П5а. Оп. 1. Д. 307. Л. 44, 55; Д. 308. Л. 60). В письме Макушина речь идет о следующих книгах: *Kratochvil J. Cesta revoluce. Praha, 1922; Gajda R. Moje paměti. [Praha], 1921*. См. также другие письма, полученные Вегманом и посвященные этим книгам, в том числе от их авторов (ГАНО. Ф. П5а. Оп. 1. Д. 309. Л. 17; Д. 313. Л. 44, 58; Д. 314. Л. 31; [2, с. 153–154]).

<sup>5</sup> ГАНО. Ф. П5а. Оп. 1. Д. 307. Л. 140–140 об.

к Вегману стал отъезд в Новониколаевск председателя Томского губисполкома В.С. Корнева, с которым Макушин и просил еще раз переговорить.

К тому времени в среде сибирских литераторов, видимо, произошло осознание того факта, что имя Макушина и при советской власти может иметь вес, по крайней мере, при общении с такой ключевой для них фигурой в региональном руководстве, как Вегман. Это наглядно демонстрирует письмо из Омска литератора и журналиста Г.А. Вяткина от 20 ноября 1924 г. Единственное из всех рассмотренных в этой статье писем оно представлено в личном архиве Вегмана в виде машинописной копии. Помимо краткого отчета о работе омского отделения Общества содействия жертвам интервенции и уверений о подготовке в срок статьи о его деятельности (имелась в виду: [11]), послание содержит еще просьбу личного характера. Озабоченный вопросом собственной значимости в литературно-общественной жизни Сибири, Вяткин просит Вегмана отметить на страницах журнала «Сибирские огни» четвертьвековой юбилей газетной и литературной работы. Для этого он приводит краткие сведения о себе, сообщая, что первое стихотворение он напечатал в январе 1900 г., когда ему было 14 лет, в газете «Сибирская жизнь», и тут же уточняет: «Редакция П.И. Макушина», считая, видимо, что это упоминание должно произвести должный эффект на Вегмана и способствовать появлению заказной юбилейной заметки<sup>6</sup>.

Два последних письма, написанных в январе 1926 г., Макушин вновь посвятил проблеме публикации воспоминаний Потанина. По всей видимости, желание издать их в Сибкрайиздате отдельной книгой или в журнале «Сибирские огни» вновь овладело Вегманом. Из этих писем следует, что примененные в рассмотренных выше посланиях Макушина этикетные формулы стали постоянными («многоуважаемый Вениамин Давидович», «с глубоким почтением к Вам» и т.д.), поэтому их использование в предыдущих письмах, думается, было связано не столько с их содержанием – просьбой решить квартирный вопрос, сколько с установившимися между ними отношениями взаимного доверия и уважения друг к другу.

Первое письмо от 12 января 1926 г. было составлено в ответ на просьбу Вегмана выслать потанинские мемуары. В отличие от предыдущего раза, когда Вегман высказал идею издать их, Макушин столкнулся с рядом трудностей, которые потребовали дополнительного времени, и он не сразу ответил на просьбу из Новониколаевска. Собранный тогда частями у разных почитателей сибирского областника полный текст его мемуаров не был опубликован, поэтому номера газеты «Сибирская жизнь» пришлось вернуть их владельцам. Теперь же, как сообщалось в письме, некоторые из них уехали в Москву, другие говорили, что не могут найти необходимые экземпляры газеты. Макушин просил еще неделю на поиски, но не был уверен в успехе затеянного дела. В свою очередь автор письма обращался

к адресату с ответной просьбой: способствовать тому, чтобы вдова Потанина смогла получить назначенную по инициативе Вегмана, но не выданную покойному, пенсию. По пришедшим из Барнаула сведениям, Мария Георгиевна Васильева находилась в крайней нужде, и Макушину хотелось бы, «в память умершего ее мужа», помочь ей [2, с. 294].

Второе письмо, отправленное в Новониколаевск ровно через неделю, 19 января 1926 г., говорит о чрезвычайно серьезном и ответственном отношении Макушина к просьбам Вегмана, которые он стремился безукоризненно выполнять. Автор письма был вынужден вновь признать, что полного комплекта номеров «Сибирской жизни» с воспоминаниями Потанина достать не удалось. Все собранное он отправил почтой в Новониколаевск, указав в начале и в конце письма, что после минования надобности посланные номера газеты нужно вернуть владельцам. Не найденные тексты мемуаров Потанина, интересующие Вегмана, Макушин советовал перепечатать с экземпляров «Сибирской жизни», хранившихся в библиотеке Томского университета. Он даже указал ориентировочно, в какую денежную сумму может обойтись эта работа: «Редакция “Сиб[ирских] огней” наверное не стеснится ассигновать машинистке 10–20 р[уб]. за переписку, а при небольшой переписке дело ограни[чи]тся суммой рублей в 10. Если признаете это нужным, то не замедлите и укажите срок, когда доставить Вам копии интересующих Вас статей в непосылаемых №№-рах». Чтобы упростить Вегману эту работу, Петр Иванович приложил к письму полный перечень номеров «Сибирской жизни» за 1913–1917 гг. с воспоминаниями Потанина, подчеркнув те из них, которые не удалось собрать. Здесь же он расписал содержание отсутствовавших номеров<sup>7</sup> [2, с. 407].

В личном архиве Вегмана сохранилось еще три письма директора Главной библиотеки Томского университета В.Н. Наумовой-Широких с упоминанием Макушина. В первом, имеющем дату 16 июня 1926 г., говорится о подготовке некролога, посвященного скончавшемуся недавно Макушину. Автор письма уверяет своего корреспондента, очевидно, заказавшего этот некролог, что материалы у нее уже собраны, поэтому текст она напишет немедленно и пришлет к сроку, причем в том тоне, как ей говорил Вегман<sup>8</sup>.

Второе письмо не датировано автором, но вверху карандашом проставлена дата – 24 июня 1926 г. Судя по содержанию, это письмо было сопроводительным к тексту некролога о Макушине. Наумова-Широких так и сообщала: «Посылаю Вам о Макушине». Далее она предлагала Вегману отредактировать текст, «как найдете нужным», если он покажется ему длинным или не понравится. При этом уведомляла о том, что

<sup>7</sup> ГАНО. Ф. П5а. Оп. 1. Д. 311. Л. 4–5. Задуманное В.Д. Вегманом при поддержке П.И. Макушина издание мемуаров Г.Н. Потанина на основе публикаций в газете «Сибирская жизнь» было осуществлено Н.Н. Яновским в 1983–1986 гг. [12].

<sup>8</sup> ГАНО. Ф. П5а. Оп. 1. Д. 311. Л. 81.

<sup>6</sup> ГАНО. Ф. П5а. Оп. 1. Д. 308. Л. 141–141 об.

приведенные в некрологе даты проверены дочерью Макушина – Елизаветой Петровной. Наумова-Широких считала, что публикация этого текста за ее подписью в «Сибирских огнях» придаст ей в дальнейшем смелости, если появится время, писать в этот журнал [2, с. 300].

В третьем письме от 3 ноября 1926 г., посвященном подготовке мемориальных статей в честь сибирского писателя-народника Н.И. Наумова [13], его дочь в самом конце обмолвилась, что до сих пор не получила от журнала гонорар за некролог о Макушине [14]. Вернувшись из отпуска, который провела на Кавказе, она посчитала, что «это можно сделать сейчас – было бы кстати»<sup>9</sup>. Данное письмо Наумовой-Широких – последнее в личном архиве Вегмана, в котором упоминается имя сибирского просветителя.

Рассмотренный массив эпистолярных источников однозначно свидетельствует, что круг общих знакомых П.И. Макушина и В.Д. Вегмана состоял из представителей сферы культуры, заметных фигур регионального интеллектуального социума, зачастую с сомнительным, по большевистской шкале благонадежности, политическим прошлым – В.Н. Наумова-Широких, М.Б. Шагилов, Н.Н. Бакай, Г.А. Вяткин, Н.П. Карпова, Е.П. Макушина, М.Г. Васильева и др. По письмам Макушина можно проследить изменения, происходившие в отношениях между автором посланий и его корреспондентом: от сдержанных, официальных до доверительных, проникнутых уважением друг к другу. Существенную роль в этих изменениях сыграло то обстоятельство, что профессиональный дореволюционный опыт и общественная активность Макушина оказались востребованными властью в условиях новой экономической политики первой половины 1920-х гг., а заслуги его в просветительской деятельности получили признание у большевиков.

Приведенные письма показывают, что эпистолярное общение Макушина и Вегмана отличалось широким диапазоном: от обсуждения служебных дел, связанных с издательскими проблемами (поиск и публикация произведений Потанина, подготовка журнальных и газетных статей, получение зарубежных книг по сибиреведению), до личных обращений (просьбы о помощи в эвакуации из Иркутска, решении квартирного вопроса в Томске, выплате пенсии вдове Потанина в Барнауле). В решении перечисленных вопросов принимали участие и названные выше представители интеллектуального сообщества Сибири, некоторые из них в письмах к Вегману использовали авторитетное для него имя Макушина и в решении своих вопросов. Проанализированные эпистолярные источники позволяют сделать вывод, что именно Вегманом, плотно курировавшим подготовку некролога о Макушине, был задан официальный дискурс, по лекалам которого в советские десятилетия осмысливалась биография сибирского просветителя.

Таким образом, рассмотренные письма Макушина Вегману, а также другие послания с упоминанием имени сибирского просветителя и адресованные ему, сохранившиеся в личном архиве старейшего большевика Сибири, дают исследователям помимо богатого фактического материала, возможность проследить эволюцию отношений между этими двумя крупными деятелями сибирской культуры, воссоздать круг их общения, раскрыть особенности межличностного взаимодействия, установить их взаимные интересы и точки соприкосновения.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Репина Л.П.* Личность и общество, или История в биографиях // История через личность: Историческая биография сегодня. М., 2010. С. 5–16.
2. Вениамин Вегман. Государственная, научная и общественная деятельность: Сборник документов к 90-летию Сибархива / сост.: Л.С. Пашенко, Е.А. Мамонтова, С.Г. Петров, Л.И. Пыстина. Новосибирск, 2010. 450 с.
3. *Мамонтова Е.А.* Новые документы о деятельности П.И. Макушина (по материалам фонда Сибистпарта и других фондов Государственного архива Новосибирской области) // Седьмые Макушинские чтения: материалы науч. конф., 16–17 мая 2006 г., г. Красноярск. Новосибирск, 2006. С. 4–7.
4. *Пронина М.Г.* Советский период в деятельности П.И. Макушина // Книжное дело Сибири и Дальнего Востока в годы строительства социализма. Новосибирск, 1984. С. 35–41.
5. *Петрицкий В.А.* П.И. Макушин и петроградские деятели культуры (новые факты) // Вторые Макушинские чтения (23–24 мая 1991 г., г. Томск). Томск, 1991. С. 144–147.
6. *Познанский В.С.* Ортодоксальный марксист-ленинец В.Д. Вегман // Общественно-политическая жизнь в Сибири. XX век. Новосибирск, 1997. Вып. 2. С. 3–20.
7. *Павлова И.В.* В.Д. Вегман: Штрихи к портрету // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2. С. 35–40.
8. *Тепляков А.Г.* Вениамин Вегман: Материалы к биографии // Сибирские огни. 2007. № 4. С. 171–178.
9. *Потанин Г.Н.* Происхождение Христа // Сибирские огни. 1926. № 4. С. 125–131.
10. *Мамонтова Е.А.* О некоторых свидетельствах изучения биографии и творчества Г.Н. Потанина (по фондам Государственного архива Новосибирской области) // Вестник Том. гос. ун-та. 2011. № 2 (14). С. 39–41.
11. *Вяткин Г.* Лицо интервенции // Сибирские огни. 1924. № 5. С. 228–234.
12. Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. 336 с.; 1986. Т. 7. 339 с.
13. *Широких В.* Николай Иванович Наумов // Сибирские огни. 1926. № 5-6. С. 257–259.
14. *Наумова-Широких В.* Петр Иванович Макушин // Сибирские огни. 1926. № 4. С. 156–157.

#### REFERENCES

1. *Repina L.P.* Personality and society, or history in biographies. *Istorija cherez lichnost': Istoricheskaya biografiya segodnya*. Moscow, 2010, pp. 5–16. (In Russ.)
2. *Benjamin Wegman*. State, scientific and public activities: a Collection of documents on the 90th anniversary of Siberian archive administration. Publishers: L.S. Pashchenko, E.A. Mamontova, S.G. Petrov, L.I. Pystina. Novosibirsk, 2010, 450 p. (In Russ.)
3. *Mamontova E.A.* New documents on the activities of P.I. Makushin (documents of the fund of the Siberian historical party Commission and other funds of the State archive of Novosibirsk

<sup>9</sup> Там же. Л. 133.

region). *Sed'mye Makushinskie chteniya: materialy nauchnoy konferentsii, 16–17 maja 2006 g.*, g. Krasnojarsk. Novosibirsk, 2006, pp. 4–7. (In Russ.)

4. Pronina M.G. Activity of P.I. Makushin in the Soviet period. *Knizhnoe delo Sibiri i Dal'nego Vostoka v gody stroitel'stva sotsializma*. Novosibirsk, 1984, pp. 35–41. (In Russ.)

5. Petritsky V.A. P.I. Makushin and the Petrograd figures of culture (new facts). *Vtorye Makushinskie chteniya (23–24 maja 1991 g., g. Tomsk)*. Tomsk, 1991, pp. 144–147. (In Russ.)

6. Poznansky V.S. Orthodox Marxist-Leninist V.D. Wegman. *Obschestvenno-politicheskaya zhizn' v Sibiri. XX vek*. Novosibirsk, 1997, iss. 2, pp. 3–20. (In Russ.)

7. Pavlova I.V. V.D. Wegman: Strokes to the portrait. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2000, no. 2, pp. 35–40. (In Russ.)

8. Teplyakov A.G. Benjamin Wegman: Materials for the biography. *Sibirskie ogni*. 2007, no. 4, pp. 171–178. (In Russ.)

9. Potanin G.N. Origin of Christ. *Sibirskie ogni*. 1926, no. 4, pp. 125–131. (In Russ.)

10. Mamontova E.A. About some of the evidence of the study of biography and creative work of G.N. Potanin (on the funds of the State archive of Novosibirsk region). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011, no. 2 (14), pp. 39–41. (In Russ.)

11. Vyatkin G. Face intervention. *Sibirskie ogni*. 1924, no. 5, pp. 228–234. (In Russ.)

12. The literary heritage of Siberia. Novosibirsk, 1983, vol. 6, 336 p.; 1986, vol. 7, 339 p. (In Russ.)

13. Sh[irokikh] V. Nikolay Ivanovich Naumov. *Sibirskie ogni*. 1926, no. 5-6, pp. 257–259. (In Russ.)

14. Naumova-Shirokikh V. Peter Ivanovich Makushin. *Sibirskie ogni*. 1926, no. 4, pp. 156–157. (In Russ.)

Статья принята  
редакцией 28.06.2018

DOI: 10.15372/HSS20180312  
УДК 655.4/.5(47+57)(092):329.15(091)

**А.О. АНИСИМОВ**

### **И.Д. СЫТИН И БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО И.П. ЛАДЫЖНИКОВА: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ**

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,  
РФ, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15

В статье впервые вводятся в научный оборот ранее неизвестные архивные материалы большевистского издательства И.П. Ладыжникова в Берлине. Установлен факт вхождения в издательство в качестве акционера крупнейшего российского книгоиздателя И.Д. Сытина, размер его доли и роль в издательстве. Показано, что сотрудничество И.Д. Сытина с большевиками носило прагматичный характер для обеих сторон. Большевики получали от российского книгоиздателя солидные денежные вливания, используемые на нужды партии, а И.Д. Сытин через большевистское издательство приобрел налаженный механизм по распространению книжной продукции за границей. Отмечена особая роль А.М. Горького как издателя в привлечении И.Д. Сытина к сотрудничеству с российской социал-демократией. Документы найдены в Международном институте социальной истории в Амстердаме.

*Ключевые слова:* издательское дело, И.Д. Сытин, А.М. Горький, И.П. Ладыжников, РСДРП(б), Ladyschnikow Verlag, Издательство Ладыжникова, архив Б.Н. Рубинштейна.

**A.O. ANISIMOV**

### **I.D. SYTIN AND THE BOLSHEVIK PUBLISHING HOUSE OF I.P. LADYZHNIKOW: THE HISTORY OF RELATIONSHIPS**

State Public Scientific and Technical Library SB RAS,  
15 Voskhod str., Novosibirsk, 630200, Russian Federation

The article deals with the economic aspects of the Bolshevik Publishing House of I. Ladyzhnikov (I. Ladyschnikow Verlag, G.m.b.H) in Berlin. It emphasizes that in addition to propaganda functions, the Publishing House's important task was to receive profits for the party needs. The author draws on the earlier known facts explaining the reasons to create the publishing house and its location abroad related to the possibility of controlling foreign publications of Russian authors (primarily Maxim Gorky, who made generous donations for the Bolshevik party). The paper studies the history of involving Ivan D. Sytin, a major Russian entrepreneur and book publisher, into the publishing house activity. The author analyzes various literary sources for a possible connection of Sytin with the leftist publishers in different historical periods. The conclusion is made that there is no documentary evidence confirming Sytin and Ladyzhnikov's Publishing House cooperation. The author studied the documents found at the International Institute of Social History in Amsterdam, which made it possible to document the fact of Sytin's joining the Publishing House of I. Ladyzhnikov as a shareholder and establish his share in it. It is concluded that the collaboration of both I.D. Sytin and the Bolshevik party had a pragmatic character based on the analysis of previously unknown documents. The Bolsheviks received money from the Russian publisher used for the party needs, and Sytin got a reliable mechanism to distribute book products abroad through the Bolshevik publishing house. The article shows a special role of Maxim Gorky in attracting I.D. Sytin to cooperate with the Russian Social-Democratic party; as well as Sytin's cautious attitude to Ladyzhnikov as Gorky's confidant and his attempts to get a direct contact with the writer without any negotiators. It describes Sytin's prerevolutionary contacts with the Bolsheviks and their effect on his last years of life in Soviet Russia.

*Key words:* publishing business, I.D. Sytin, A.M. Gorky, I.P. Ladyzhnikov, RSDRP(b), Ladyzhnikov Verlag, Ladyzhnikov Publishing House, B.N. Rubinstein's archive, International Institute of Social History in Amsterdam.

---

**Алексей Олегович Анисимов** – аспирант, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: pegas7879@gmail.com.

**Alexey O. Anisimov** – postgraduate student, State Public Scientific and Technical Library SB RAS.

На сегодняшний день опубликованные исторические документы, подтверждающие связи большевистской фракции РСДРП с представителями российского капитала, не позволяют оценить реальные масштабы этих связей, введение в научный оборот новых фактов из данной области представляется весьма актуальным. Широко известно, что Максим Горький, член большевистского крыла РСДРП с 1905 по 1909 г., активно финансировал партию как из писательских гонораров, так и участвуя в многочисленных книгоиздательских проектах, связанных с РСДРП. В самом начале 1905 г. один из активных деятелей большевизма В.Д. Бонч-Бруевич встречался с А.М. Горьким и с директором-распорядителем издательства «Знание» К.П. Пятницким и вел с ними переговоры о создании за границей издательства левого толка [1]. Как отмечала О.Д. Голубева, «М. Горький предложил поручить организацию дела И.П. Ладыжникову, активному деятелю Нижегородского комитета РСДРП, с которым он находился в дружеских отношениях. Доход от издательства предполагалось использовать не только на большевистскую печать, но и на другие насущные нужды партии» [2, с. 35–36]. Согласно О.Д. Голубевой, издательство, о котором идет речь, первоначально было организовано в 1905 г. в Женеве под названием «Demos» [2, с. 37]. Средства на издательство дал А.М. Горький. В ответ на письмо Ладыжникова из Женевы о предполагаемом месте расположения издательства и его названии Горький писал в сентябре 1905 г. из Москвы: «Женева, так Женева, ни я, ни Константин Петрович [Пятницкий] ничего не имеем против. 5 – в течение 2-х месяцев вышло, 2 т[ысячи] – в конце сентября, 1 – в половине октября, 2 – в конце. Туго мне придется! «Demos» — хорошо»<sup>1</sup>. В конце того же года, как пишет Голубева, «издательство перевели в Берлин. Оно было зарегистрировано как частное издательство: «Сценическое и книжное издательство русских авторов. И. Ладыжников» [2, с. 40]. Хотя фактическим спонсором был Горький, номинальным единственным владельцем до 1911 г. являлся И.П. Ладыжников.

Совершенно неожиданные подробности организации и деятельности этого большевистского издательского предприятия позволяет восстановить сохранившаяся часть архива издательства Ладыжникова, которая была обнаружена автором настоящей статьи в бумагах Б.Н. Рубинштейна, хранящихся в Международном институте социальных исследований в Амстердаме<sup>2</sup>. Ранее архив считался утерянным, о чем упоминается в литературе: «Дело Издательства И.П. Ладыжникова в архиве Торгового реестра в Берлине погибло (Landesarchiv, 01.02.2013)»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Архив А.М. Горького. Птл, 10-79/1.

<sup>2</sup> Автор благодарен сотрудникам Международного института социальной истории в Амстердаме Боу Хийма (Bouwe Hijma) и Йоппе Шаперу (Joppe Schaaper) за помощь в доступе к документам.

<sup>3</sup> Кратц Г. Русское книгоиздание «золотого века» в Берлине: выступление на конференции «История российского книгоиздания в Германии» в Доме русского зарубежья имени Александра Солже-

Но заключение об утрате бумаг И.П. Ладыжникова оказалось неверным. Сохранилась некоторая часть документов архива, и это дает возможность сделать определенные выводы о номинальных владельцах, спонсорах и фактических бенефициарах издательства. В частности, нами были обнаружены документы о вовлечении в круг интересов большевистского движения крупнейшего российского издателя Ивана Дмитриевича Сытина (1851–1934). Природный талант предпринимателя позволил фирме «Товарищество И.Д. Сытина и К» к 1914 г. выпускать свыше четверти всей книжной продукции страны. По подсчетам канадского исследователя Чарльза Рууда, в различные годы Сытину принадлежало (или финансировалось им) 15 журналов, 7 газет, 6 различных иллюстрированных приложений к газетам и журналам [3, с. 261–263]. Сытин виделся лидерам РСДРП(б) источником средств, который было бы полезно использовать в интересах большевистского движения, тем более что два его старших сына, Николай и Василий, вступили в партию в 1902 г., хотя сам Сытин не разделял их радикальных взглядов [3, с. 164]. Знакомство Сытина с кругом большевиков происходит, как и во многих других случаях, благодаря деятельной натуре Горького. И Горький, и Сытин еще до очного знакомства хорошо знали друг друга и нуждались друг в друге. Сытину популярный писатель был нужен, прежде всего, с точки зрения получения прибыли от публикации его произведений, а Горького интересовали финансовые возможности медиамагната для реализации своих разнообразных издательских проектов. Познакомились они в конце марта 1911 г. на Капри, где жил Горький. Характерно, что в своих автобиографических заметках Сытин, хотя и посвящает Горькому целую главу, пишет о нем без особенных эмоций: «встречались, говорили о русском мужике» [4, с. 172–175]. Впрочем, Горький в отношении Ивана Дмитриевича также не высказывал особых восторгов – «...если попадешь в руки такого мужичка, так он из тебя немедля весь живой дух выкачает, кристаллизует его в рубли и книги, а тебя как нечто использованное, бросит куда-нибудь в сторонку» [5, с.114]. Интересно, что позже, уже в Советской России, когда Сытин был единственным раз арестован, на его арест Горький отзывался заметкой в социал-демократической газете «Новая жизнь» за 3 мая (20 апреля) 1918 г. Он выражает свое негодование: «В “социалистической” России, “самой свободной стране мира”, Сытина посадили в тюрьму, предварительно разрушив его огромное, превосходно налаженное технически дело и разорив старика»<sup>4</sup>.

Возвращаясь к событиям, произошедшим после встречи на Капри весной 1911 г., нужно отметить активность, проявляемую большевиками вокруг издательских проектов Горького с попытками активного вовлечения в них Сытина. Е.А. Динерштейн отме-

нищина. 25 марта 2013 г. М., 2013. С. 17. – URL: <http://bfiz.ru> (дата обращения: 25.08.2017).

<sup>4</sup> Новая жизнь. 1918. 3 мая (20 апр.). – URL: <https://vivaldi.nl.ru/pn000164590/view#page=1> (дата обращения: 10.03.2018).

чает, что И.Д. Сытина в первую очередь попытались убедить финансово войти в дела одного из самых известных издательских проектов Пятницкого и Горького – демократическое издательство «Знание» [6]. Как пишет Динерштейн, вопрос упирался лишь в условия соглашения. Иван Дмитриевич предложил превратить «Знание» в паевое товарищество и передать ему ведение практической стороны дела, оставив прежний состав редакции. Кроме того, он потребовал участия «в прибылях по прежним изданиям». Пятницкий возразил против как одного, так и другого условия, резонно заявляя, что «у прежних пайщиков, кроме пая, вложено 15 лет труда». Он считал, что «дело идет о замаскированной покупке (Сытиным) „Знания“, притом невыгодной». Он соглашался выплатить Ивану Дмитриевичу как долг, так и определенный процент с прибыли, полагая, что партии нужны лишь деньги Сытина, а не сам Сытин [6, с. 162].

Категоричная позиция, занятая Пятницким, привела к провалу переговоров о вхождении Сытина в «Знание». Согласно Е.А. Динерштейну, этот провал послужил прологом к дальнейшим многочисленным попыткам сотрудничества Сытина с Горьким, которые, как и первая, не привели к успеху [6, с. 165]. В упомянутой выше книге Чарльза Рууда ее автор соглашается с выводами Е.А. Динерштейна и заключает, что, по крайней мере, до начала Первой мировой войны у Сытина с Горьким не состоялось никаких совместных коммерческих проектов. В то же время, согласно изысканиям Рууда, в военное время Сытин субсидировал некоторые издательские проекты Горького [3, с. 194]. В своих воспоминаниях сам Сытин ни разу не упомянул о совместных делах с Горьким по организации общего издательства. В двух новейших монографиях о Сытине [7, 8] также нет никаких документально подтвержденных свидетельств об общем издательском проекте его как с Горьким, так и с РСДРП.

Но, с другой стороны, еще в 1966 г. вышло художественное издание о Сытине Константина Коничева «Русский самородок» [9]. Книга написана в жанре биографии, а сам автор характеризует ее как повесть. Е.А. Динерштейн фактически игнорирует эту книгу в своих исследованиях, по-видимому, не относя ее к научной литературе. Однако Чарльз Рудд считает, что книга Коничева – достоверный источник [3, с. 14]. Действительно, в ней приводятся факты, которые нашли свое подтверждение только в последнее время. Например, свидетельство автора о том, что Сытин, как и Горький, жертвовал деньги на революционное движение [9, с. 131].

Можно по-разному относиться к данным Коничева, но необходимо принимать во внимание личность автора. Константин Коничев (1904–1971), не будучи профессиональным исследователем, начал литературную деятельность еще в 1930-е гг. во время службы в ГПУ<sup>5</sup>.

<sup>5</sup> Коничев Константин Иванович. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Коничев,\\_Константин\\_Иванович](https://ru.wikipedia.org/wiki/Коничев,_Константин_Иванович) (дата обращения: 10.03.2018).

Возможно, автор в силу своей служебной принадлежности мог обладать такими данными, которые не были доступны другим специалистам. В его книге упоминается о судьбе одного из сыновей Сытина – Петра Ивановича: «Работал он также в берлинском издательстве Ивана Павловича Ладыжникова, который в дореволюционное время частично субсидировался Сытиным, издавал книги и брошюры Льва Толстого и запрещенные цензурой произведения Горького» [9, с. 290]. Отметим, что вышеупомянутое утверждение ничем не документировано.

Имеются и другие упоминания о связи Сытина с берлинским издательством Ладыжникова. Так, известный немецкий исследователь российского книгоиздательского дела в Германии Готфрид Кратц в примечаниях к своему ранее упомянутому докладу сообщает, ссылаясь на работу Вольфганга Метцгера 1987 г.: «Судя по данным литературы, фактически Ладыжников, и вместе с ним московский издатель И.Д. Сытин имели долю в издательстве до 1913 г. С 1913 г., соответственно, Б.Н. Рубинштейн стал единственным собственником издательства» [10, р. 59]. Однако в работе В. Метцгера [10] не содержится никаких ссылок на документы, которые бы подтверждали как сообщение о доле Сытина в издательстве, так и тот факт, что Рубинштейн стал единоличным собственником издательства с 1913 г. Учитывая эти обстоятельства, а также то, что автору настоящих строк стали доступны документы из архива издательства И.П. Ладыжникова, обнаруженные в архиве Международного института социальной истории (IISH) в Амстердаме среди бумаг Рубинштейна, была поставлена цель – проанализировать соответствующие документы, чтобы подтвердить или опровергнуть обобщаемые утверждения.

Как упоминалось выше, «Сценическое и книжное издательство русских авторов. И.П. Ладыжников» было перенесено из Женевы (где оно называлось «Demos») в Берлин в самом конце 1905 г. Документами из архива IISH подтверждается, что оно было официально зарегистрировано 15 января 1906 г. и, согласно записи Торгового реестра за номером 28040, с этого момента получило название «Buhnen und Buchverlag russischer Autoren Iwan Ladyschnikow»<sup>6</sup>. Под этим названием издательство весьма успешно функционирует до июня 1911 г. А за июнь того же года обнаружен черновик договора (на русском языке) между И.П. Ладыжниковым, И.Д. Сытиным и Б.Н. Рубинштейном об организации совместного издательства, которое с момента образования стало называться «I. Ladyschnikow Verlag J.m.b.H.»<sup>7</sup>. Имеется также нотариально заверенная копия на немецком языке официально подпи-

<sup>6</sup> Запись торгового реестра. Buhnen und Buchverlag russischer Autoren Iwan Ladyschnikow. 28040. 15.01.1906. International Institute of Social History, Amsterdam. Bernhard Rubinstein Papers, Original archives of Ladyschnikow Verlag. Rubinstein 1.

<sup>7</sup> Договор 19.06.1911. International Institute of Social History, Amsterdam. Bernhard Rubinstein Papers, Original archives of Ladyschnikow Verlag. Rubinstein 1.

санного договора, составленного по этому черновику (в отличие от того, что предполагалось в черновике) за И.Д. Сытина подпись поставил его доверенное лицо Оскар Кон (Oskar Cohn)<sup>8</sup>. Уставной капитал обозначен в 75 тыс. марок равными частями в 25 тыс. марок на каждого акционера.

Интересно, что Сытин обязуется по договору свою долю вносить наличными деньгами в две части ( $\frac{1}{4}$  суммы сразу,  $\frac{3}{4}$  суммы в течение месяца), а вот Ладыжников и Рубинштейн свою часть капитала вносят активами издательства «Bühnen und Buchverlag russischer Autoren Iwan Ladyschnikow» (договора с писателями, помещением, мебель, бумагу), т.е. подразумевается, что новое издательство придет на смену старому. Согласно 11 параграфу договора, ответственным за всю операционную деятельность назначается Б.Н. Рубинштейн.

Интерес представляет еще один документ – объявление в немецкой газете от 29 июня 1911 г. об учреждении издательства. В нем сказано о том, что управляющим назначен Борис Рубинштейн, и о том, что Роман Абрамов (партнер Ладыжникова по предыдущему издательству) не имеет полномочий в новом издательстве. По газете установлена точная дата оформления новой издательской фирмы – 11 июня 1911 г.<sup>9</sup> Кроме того, обнаружена справка о регистрации фирмы в Торговой палате за номером 9382 от 24 июня 1911 г. с указанием размера уставного капитала (75 тыс. марок), но без указания фамилий владельцев<sup>10</sup>. Таким образом, найдено документальное подтверждение того, что Иван Дмитриевич Сытин действительно являлся совладельцем большевистского издательства И.П. Ладыжникова с 1911 г.

Теперь проанализируем упоминание Метцгера [10, р. 59] о том, что с 1913 г. издательство перешло в единоличную собственность Бориса Рубинштейна. По этому поводу архивные документы не дают возможности сделать окончательные выводы. Документы из архива свидетельствуют о том, что 16 января 1913 г. произошла переуступка доли И.П. Ладыжникова в издательстве его партнеру Борису Рубинштейну (24 тыс. марок) и жене последнего (1 тыс. марок)<sup>11</sup>. И.Д. Сытин и его доля в данном договоре не фигурируют. По поводу возмещения доли Ладыжникова Рубинштейном говорится только, что отступные Ладыжников получил (в декабре 1912 г.). Все остальные документы издательства Ладыжникова, хранящиеся в архиве ИИИ,

также не содержат никаких упоминаний о выходе Сытина из числа акционеров. Если бы такой выход состоялся, в интересах Рубинштейна было бы сохранить соответствующие документы в своем архиве.

Можно прийти к выводу, что у Сытина не было никаких оснований для выхода из числа акционеров успешно развивающегося издательства. Более того, по имеющимся в архиве ИИИ документальным свидетельствам можно заключить, что участие Сытина в делах издательства было далеко не формальным. Так, из подробного делового письма Ладыжникова Рубинштейну, написанного в сентябре 1911 г. (т.е. вскоре после вступления Сытина в число акционеров) из Москвы, где Ладыжников находился в командировке, следует, что Сытин активно включился в работу по изданию книг за рубежом и совершил необходимые для этого заграничные поездки<sup>12</sup>.

По данным К.И. Коничева, в Германию в 1914 г. для приобретения навыков ведения коммерческих дел выехали сыновья Сытина – Петр и Дмитрий [9, с.257]. Причем Петр являлся сотрудником издательства Ладыжникова даже во время войны (т.е. в тылу противника).

Все это приводит к выводу, что И.Д. Сытин оставался акционером и после выхода И.П. Ладыжникова, а выход самого Ивана Павловича, по-видимому, носил фиктивный характер, подобно тому как ранее номинальным было его владение издательством (фактическим владельцем и бенефициаром являлось руководство большевистской фракции РСДРП, которое по тактическим причинам заменило Ладыжникова на Рубинштейна, в связи с расширением круга деятельности Ивана Павловича). Это следует из всей последующей чрезвычайно активной деятельности Ладыжникова в Германии. Его деятельность, впрочем, заслуживает отдельного рассмотрения, выходящего за рамки настоящей работы.

Сотрудничество издательства Ладыжникова и через него большевистского руководства с Сытиным носило обоюдовыгодный характер. Сытин использовал инфраструктуру, наработанную Ладыжниковым для расширения своего дела за пределами России, с учетом того, что Ладыжников получил от многих известных русских авторов исключительные права на их издание за границей. А Ладыжников укреплял издательство, используя деньги и энергию нового акционера. В то же время главный интерес для Сытина представляла фигура Горького. Сотрудничество с Ладыжниковым давало надежду на более тесный контакт с Горьким, издавать произведения которого было очень выгодно. Однако дело не ограничивалось только этой утилитарной выгодой – для Сытина мнение Горького было важно и с позиций маркетинга.

Постоянное привлечение Ладыжникова Горьким при переговорах с Сытиным раздражало Ивана Дмитриевича и вызывало его опасения подвергнуть

<sup>8</sup> Abschrift. 05.10.1911. International Institute of Social History, Amsterdam. Bernhard Rubinstein Papers, Original archives of Ladyschnikow Verlag. Rubinstein 1.

<sup>9</sup> Börsenblatt für den Deutschen Buchhandel. 1911. 29 Juni. Nr. 148. International Institute of Social History, Amsterdam. Bernhard Rubinstein Papers, Original archives of Ladyschnikow Verlag. Rubinstein 1.

<sup>10</sup> Запись торгового реестра. I. Ladyschnikow Verlag J.m.b. H 9382. 24.06.1911. International Institute of Social History, Amsterdam. Bernhard Rubinstein Papers, Original archives of Ladyschnikow Verlag. Rubinstein 1

<sup>11</sup> Verhandelt. 16.01.1913. International Institute of Social History, Amsterdam. Bernhard Rubinstein Papers, Original archives of Ladyschnikow Verlag. Rubinstein 1.

<sup>12</sup> Письмо Ладыжникова Рубинштейну (на рус. яз.) 28.07.1911. International Institute of Social History, Amsterdam. Bernhard Rubinstein Papers, Original archives of Ladyschnikow Verlag. Rubinstein 1.

ся давлению со стороны этого опытного предпринимателя, умного и более образованного, чем он сам. В этом отношении примечательны воспоминания о Сытине Ильи Троцкого (однофамильца и оппонента Льва Троцкого), который являлся берлинским корреспондентом сытинской газеты «Русское слово». В 1913 г. Сытин попросил И. Троцкого сопровождать его в поездке на Капри для встречи с Горьким. Сытин ехал туда для переговоров о приобретении издательского права на произведения, созданные М. Горьким в первые пятнадцать лет писательской деятельности. За эти произведения Горький, по словам Троцкого, запросил 450 тыс. руб. [11]. И. Троцкий пишет в своих воспоминаниях: «На пристани на Капри нас встретил личный друг Горького бывший берлинский издатель И.П. Ладыжников. Завидев еще издали Ладыжникова, Иван Дмитриевич заметно всполошился и, обратившись ко мне, снова повторил просьбу – не оставлять его одного» [11, с.306–307]. Впервые обстоятельно поговорить с Горьким обо всем наедине и познакомиться поближе Сытину удалось лишь в самом начале 1914 г., когда Горький, сразу после возвращения в Россию с Капри, в течение полутора месяцев гостил в сытинском имении в Берсеневке под Москвой<sup>13</sup>. И хотя тесного альянса у Горького с Сытиным не получилось, это сближение, по-видимому, положительно повлияло на финансирование Сытиным очередных проектов Горького в период Первой мировой войны (издательства «Парус» и журнала «Летопись») [3, с.194].

Таким образом, с точки зрения Горького и большевистского движения, сотрудничество с Сытиным через издательство И.П. Ладыжникова было весьма полезным и результативным. Что же касается выгод Сытина, то, не располагая сведениями о размерах его дивидендов в издательстве Ладыжникова, все же следует заметить, что в конце его жизни, вероятно, самым важным приобретением, полученным в результате сотрудничества с большевиками, была персональная пенсия размером 250 руб., которая являлась единственным средством его существования на склоне лет [3, с. 249].

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бонч-Бруевич В.Д. Мои встречи с Горьким // Новый мир. 1928. № 5. С. 187–90.
2. Голубева О.Д. В.Д. Бонч-Бруевич – издатель. М., 1972. 136 с.
3. Рууд Ч. Русский предприниматель московский издатель Иван Сытин. М., 1996. 303 с.
4. Сытин И.Д. Жизнь для книги. М., 1962. 279 с.
5. А.М. Горький – Е.П. Пешковой, 12 марта 1911 г. // Архив А.М. Горького. М., 1966. Т. 9. С. 114.
6. Динерштейн Е.А. И.Д. Сытин. М., 1983. 272 с.
7. Чумаков В.Ю. Сытин. Издательская империя. М., 2017. 320 с.
8. Десятерик В.И. Иван Сытин. М., 2015. 256 с.
9. Коничев К.И. Русский самородок. Л., 1966. 327 с.
10. Metzger Wolfgang. Eine Brücke zwischen deutschem und russischem Geiste // Marginalien. Berlin (Ost). 1987. № 106. S. 59.
11. Уральский Марк. Троцкие о Горьком. Штрихи к литературному портрету // Новый журнал. Нью-Йорк, 2017. Кн. 288. С. 306–307.

## REFERENCES

1. Bonch-Bruevich V.D. My meetings with Gorky. *Novyy mir*. 1928, no. 5, pp. 187–190. (In Russ.)
2. Golubeva O.D. V.D. Bonch-Bruevich – a publisher. Moscow, 1972, 136 p. (In Russ.)
3. Ruud Ch. Ivan Sytin, a Russian Entrepreneur, and Moscow publisher. Moscow, 1996, 303 p. (In Russ.)
4. Sytin I.D. Life for books. Moscow, 1962, 279 p. (In Russ.)
5. A.M. Gorkiy – E.P. Peshkovoy, 12 March 1911. *Arkhiv A.M. Gor'kogo*. Moscow, 1966, vol. 9, p. 114. (In Russ.)
6. Dinershtein E.A. I.D. Sytin. Moscow, 1983, 272 p. (In Russ.)
7. Chumakov V.Yu. Sytin. The publishing empire. Moscow, 2017, 320 p. (In Russ.)
8. Desiaterik V.I. Ivan Sytin. Moscow, 2015, 256 p. (In Russ.)
9. Konichev K.I. A Russian nugget. Leningrad, 1966, 327 p. (In Russ.)
10. Metzger Wolfgang. The bridge between the German and Russian spirits. *Marginalien*. Berlin, 1987, no. 106, p. 59. (In German)
11. *Uralskiy Mark*. The Trotskys about Gorky. Strokes to the literary portrait. *Novyy zhurnal*. New York, 2017, bk. 288, pp. 306–307. (In Russ.)

Статья принята  
редакцией 24.05.2018

<sup>13</sup> Palindrom.su. – URL: <https://palindrom.su/izdatel-ivan-dmitrievich-sytin---vladelec-berseneki> (дата обращения: 10.03.2018).

DOI: 10.15372/HSS20180313  
УДК 002.2

**Е.В. ЕНГАЛЫЧЕВА (БУЛГАКОВА)**

## **СИБИРСКОЕ ДЕТСКОЕ КНИГОИЗДАНИЕ 1991–2008 гг.: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ**

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,  
РФ, 644077, Омск, ул. Мира, 55а

В статье предложена периодизация истории детского книгоиздания в Сибири в 1991–2008 гг., охарактеризованы особенности каждого из его этапов. Детально описываются структуры детского книжного пространства: авторская, издательская, тематическая. Выявлены общие и специфические проблемы выпуска детской литературы в общем сегменте изданий, влияющие на ее оформление, распространение и доступность. Отмечено, что в постсоветский период на территории Сибирского региона появилось множество мелких и средних частных и смешанных издающих предприятий, выпускающих литературу различного целевого и читательского назначения. Функции специализированных детских издательств в Сибири выполняли редакции детских журналов и издательства вузов. Книги для детей издавались в небольшом количестве как по названиям, так и по тиражам. В общем потоке российского детского книгоиздания их доля варьируется от 0,2 до 1,8 %.

*Ключевые слова:* этапы, периодизация, книгоиздание, издательства, книги для детей, детская литература, тенденции, специфика, Сибирь.

**E.V. ENGALYCHEVA (BULGAKOVA)**

## **SIBERIAN CHILDREN'S BOOK PUBLISHING IN 1991–2008: FEATURES OF DEVELOPMENT**

F. M. Dostoevsky Omsk State University,  
55A, Mira str., Omsk, 644077, Russian Federation

The article is devoted to understanding the historical periods, post-Soviet tendencies of the children's book market segment of the late XX – early XXI centuries. The principle of historicism made it possible to comprehensively consider the conditions of the children's book development, its fundamental role in the book culture of Russia and Siberia in particular. Using a formal-logical, comparative historical and structural-typological methods contributed to subdividing the contemporary history of regional children's book publishing into 4 main stages, identifying cause-and-effect relations in studying the specific features of the Siberian children's book publishing in interrelation with the logics and development trends of publishing in Russia at the turn of the XX–XXI centuries. An analytical method revealed the reasons of the children's books' flow development, "ups" and "downs" of children's literature release, market leaders. Reconstruction of the domestic publishing system, changes in the economic- financial system, closure of the specialized children's publishing houses led to shifting traditional leaders in the children's literature edition both in the center of the country and in its regions. Many small and medium-sized private and mixed publishing houses releasing literature for adults and children appeared. Specialized book business giants of Moscow and St. Petersburg publishing children's books for Russian regions appeared in 1991–2008. Functions of specialized children's publishing houses in the Siberian region were taken over by the editorial offices of children's magazines, which published unique serial issues of literature for children; publishing houses of universities, producing educational literature for primary and secondary schools, as well as various publishing and printing complexes. Specific features of publication of children's literature at the turn of the XX–XXI century included: high circulation of works of classical Soviet and foreign literature, fairy-tale works, educational publications; low number of published children's works of regional authors; appearance on the market of religious, reference and popular science literature and publications for leisure. For the first time in the Siberian region new forms of children's books were published: book-toys, coloring books. Problems of children's book publishing included the lack of support for regional authors, lack of targeted support for local publishing houses that produce children's literature. All this influences the development of the regional book space and the availability of children's literature

*Key words:* periods, periodization, book publishing, publishers, books for children, children's literature, trends, specific features, Siberia.

**Екатерина Валерьевна Енгальчева (Булгакова)** – старший преподаватель кафедры библиотечно-информационной деятельности, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, e-mail: katja-03@mail.ru.

**Ekaterina V. Engalycheva (Bulgakova)** – lecturer of Department of library and information activities, Omsk state University n. a. F. M. Dostoevsky.

Постсоветский период для сибирской детской книги полон «взлетов» и «падений», и связано это с экономической, политической, культурной обстановкой в стране и регионах. Трансформация системы детского книгоиздания в Сибири, включающая несколько важнейших этапов развития, интересна как с точки зрения ее территориальной специфики, так и общего и особенного в процессе формирования общероссийского и региональных рынков детских книг [1]. В зависимости от конкретных исторических событий, радикальных перемен в книгоиздании, в частности детском, ученые и эксперты (Б.В. Ленский<sup>1</sup>, А. Ильницкий [2], И.В. Лизунова [3] и др.) предлагают различные варианты периодизации российского книгоиздания.

По мнению исследователей, постсоветскому развитию детского книгоиздания в стране предшествовал так называемый период гласности (1985–1990) [1], связанный с переосмыслением советской истории, исчезновением цензуры и принудительных «уроков чтения». Траектории динамики книгопроизводства, в частности регионального, предлагаемые в этих работах, и наши изыскания показывают, что в новейшей истории регионального детского книгоиздания можно выделить четыре этапа.

*Первый этап (1991–1994)* – этап становления книжного рынка детской литературы – связан с появлением законов «О печати и других средствах массовой информации» (СССР, 1990), «О средствах массовой информации» (РФ, 1991). Законы определяли виды печатной продукции, ее распространение на различных носителях, цензурную политику, способствовали формированию новой издательской системы. Закон «О налоге на прибыль предприятий и организаций» (1991) повысил налоговую ставку для издательств до 32 %. Кроме того, издательства платили налог на добавленную стоимость (НДС) – 28 %<sup>2</sup>. Повышение процентной ставки привело к тому, что многие издательства сокращали свои планы и повышали цены. Так, одно из крупнейших специализированных предприятий страны «Детская литература» уменьшило число изданий и тираж втрое, а издательство «Малыш» – вдвое.

Затем был подписан указ «О дополнительных мерах правовой и экономической защиты периодической печати и государственного книгоиздания» (1992). Это позволило выделить дополнительные финансовые средства на выпуск литературы для детей. Для того чтобы закрепить на мировом рынке книгоиздания, Государственная Дума приняла законопроект о «О налоге на прибыль предприятий и организаций», согласно которому налог на добавленную стоимость составил 20 %, а для научной и учебной литературы – 10 %.

<sup>1</sup> Ленский Б.В. Современное отечественное и зарубежное издательское дело. Конспект лекций. URL: [hi-edu.ru/e-books/xbook091/01/part-003.htm](http://hi-edu.ru/e-books/xbook091/01/part-003.htm) (дата обращения: 10.10.2016).

<sup>2</sup> Акопов А. Особенности и тенденции развития российского книгоиздания в рыночных условиях. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=274&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 10.12.2016).

В 1992 г. коллегия Мининформпечати РФ утвердила положение «О Федеральной целевой программе книгоиздания России на 1993–1995 гг.»<sup>3</sup>, согласно которому ряд специализированных государственных издательств («Художественная литература», «Детская литература», «Русский язык») могли по прямым договорам поставлять книжную продукцию книготоргам, частным торговым предприятиям, что позволило каждой из сторон сохранить рентабельность. Однако появление этих официальных документов привело к нарушениям закона «Об обязательном экземпляре» и выпуску только той литературы, которая пользовалась спросом на рынке. Появились частные издательства, изменившие всю государственную книготорговую систему, закрылись многие торговые площади и книжные магазины<sup>4</sup>. В 1993 г. в регионе действовало 268 новых издательств, из них 143 – в Западной Сибири, 58 – в Восточной Сибири, 67 – на Дальнем Востоке [4, с. 45]. Лидером была Новосибирская область, в которой к 1994 г. открылось до 60 новых издательств.

Для первого этапа были характерны:

1. Высокая тиражность произведений, выпускаемых для детей:

– из классической зарубежной литературы огромными тиражами издавались: «Волшебные сказки» В. Гауфа (Иркутск, 1991), «Приключения Чиполлино» Д. Родари (Иркутск, 1991, Новосибирск, 1993), «Пеппи Длинный чулок» А. Линдгрена (Иркутск, Новосибирск, 1994) и др.;

– из классической советской литературы вышли в свет: В. Астафьев «Перевал», А.И. Солженицын «Один день Ивана Денисовича», А.В. Вампилов «Финский нож и персидская сирень», а также произведения С.Я. Маршака, А.Р. Беляева, М.А. Шолохова, К.И. Чуковского. Причем детские книги одних и тех же авторов выпускались миллионными тиражами (100–300 млн экз.). Например, в 1992 г. сказочную повесть А.М. Волкова «Волшебник Изумрудного города» стотысячными тиражами издали Восточно-Сибирское книжное издательство и Красноярское книжное издательство. В целом в репертуаре преобладали литературно-художественные произведения (до 90 % по названиям и 94,8 % по тиражам). По мнению специалистов, на долю художественных произведений для дошкольников приходилось 31,3 %; для младших школьников – 26,6 %; для подростков – 28,9 %; для старшеклассников – 13,2 % изданий [5, с. 248–249];

– из сказочных произведений были изданы: русские народные сказки Восточной Сибири «Не на небе –

<sup>3</sup> Солоненко В.К. Государственная поддержка книгоиздания. Итоги 2006–2011 гг.// Университетская книга. URL: <http://www.unkniga.ru/bookrinok/knigniy-rinok/723--2006-2011-.html> (дата обращения: 06.10.2015).

<sup>4</sup> Книгоиздание в России. Состояние, тенденции и перспективы развития: доклад / под общ. ред. В.В. Григорьева. М.: Федерал. агентство по печати и массовым коммуникациям, 2009. URL: [http://pdspsb.ru/docs/docs\\_5.html](http://pdspsb.ru/docs/docs_5.html), доступ свободный (дата обращения: 23.10.2013).

на земле», составленные Е.И. Шастиной (50 тыс. экз.), русские богатырские сказки «В тридевятом царстве» С. Асламовой (издательство журнала «Сибирячок», 50 тыс. экз.), сказочные произведения Я. Бжехва, А.Н. Толстого, общий тираж которых составил 100 тыс. экз.;

– из отдельных произведений местных авторов Восточно-Сибирским книжным издательством в 1991 г. опубликованы произведения С.Л. Волковой «Трамвай «Сарафановка–Рынок», М.А. Гершензона «Робин Гуд» и «Кошка Маруся» Е.И. Чарушина тиражом 100 тыс. экз.; Новосибирским книжным издательством тиражами до 50 тыс. экз. изданы книги С.М. Белоусова, В.И. Клименко, Л.Л. Штудена, Г.И. Карнаухова; до 30 тыс. экз. – произведения Б.А. Печникова, Ю.В. Чернова, А.Б. Шалина; Омским книжным издательством 50-тысячным тиражом изданы произведения: А.С. Распопин «Платок для елки» и Т.Г. Четверикова «Хитрый дождик»;

2. Интенсификация выпуска учебной литературы вузовскими издательствами. Так, издательством Новосибирского государственного педагогического университета (НГПУ) выпущено учебное пособие А.А. Бондаренко тиражом 50 тыс. экз.

3. Возобновление после длительного перерыва в регионах выпуска книг, тематика которых не приветствовалась или была запрещена в советское время: религиозной литературы и литературы, связанной с сексуальным воспитанием. Так, в Красноярском крае вышла «Библия для детей» А. Соколова (Красноярское книжное издательство), в Омской области – «Первая книжка по закону Божию для детей» с 34 рис. (Омск: Тар. епархия Моск. патриархата, 1993, тираж – 15 тыс. экз.). Омским книжным издательством в 1992 г. была издана обучающая книга для подростков и родителей «Беспольный секс» В.Н. Булычева.

4. Появление в большем количестве книг для досуга. В Новосибирской области Сибирским отделением издательства «Детская литература» печатаются книги по домоводству «Для вас, девочки», «Книга для мальчиков».

5. Активное дублирование изданий. Так, научно-познавательное пособие «Истории России в рассказах для детей» А.О. Ишимовой (1993) вышло общим тиражом 50 тыс. экз. в Иркутске, Новосибирске и Омске.

6. Создание в регионе нового вида детской книги – книжки-игрушки. Например, в Омске была издана тиражом 20 тыс. экз. книжка-раскраска Н.И. Кутней «Катюша».

В эти годы выявились проблемы, характерные для детского книгоиздания постсоветской эпохи. Во-первых, часть изданий для детей стала оформляться с нарушением и несоблюдением санитарно-гигиенических норм, касавшихся шрифта и цвета. Во-вторых, наблюдалось перенасыщение рынка однотипными изданиями, одновременно издававшимися центральными и региональными издательствами. Особенно это касалось классических зарубежных и советских произведений (Р.Л. Стивенсон «Остров сокровищ», В. Гауф

«Волшебные сказки», В. Гримм «Сказки», Д. Родари «Приключения Чиполлино» М.Е. Салтыков-Щедрин «Сказки», а также издания А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, С.А. Есенина, М.И. Цветаевой и других авторов, вышедших в сибирском регионе 100-тысячными тиражами).

Нужно отметить, что данные по Восточной и Западной Сибири разнятся. Кризис, начавшийся в стране в 1994 г., усугубил ситуацию. По сравнению с 1992 г. в 2 раза снизились тиражи сибирского производства, вдвое уменьшились их объемы, выросли издержки, увеличились цены на полиграфические услуги, бумагу и, в конечном итоге, на книгу. Но как раз в этот период появились Ассоциация книгоиздателей (АСКИ, 1990 г.) и Ассоциация книгораспространителей (АСКР, 1990 г.). Их деятельность была направлена на организацию и проведение различных выставок, семинаров, ярмарок<sup>5</sup>, на координацию отечественного книгоиздания, что способствовало изданию книг для детей на местах<sup>6</sup>.

На втором этапе (1995–1998) ситуация с детским книгоизданием в Сибири изменилась. Если на территории Восточной Сибири выпуск детских книг заметно снизился (их количество в среднем составляло от 8 до 13 названий), то в Западной Сибири ситуация оставалась более стабильной (количество книг варьировалось от 15 до 28 наименований). По мнению большинства издателей, это было связано с макроэкономической обстановкой в России: ухудшилась рыночная конъюнктура, цены на книги выросли в 500 раз, началось постепенное затоваривание. Так, Новосибирское книжное издательство сократило выпуск книжной продукции как по количеству наименований (в 3 раза – с 35 в 1992 г. до 12 в 1999 г.), так и по тиражам (почти в 100 раз – с рекордных для начала 1990-х гг. 1917,1 тыс. экз. до 20,8 тыс. экз.) [6, с. 17]. Восточно-Сибирское книжное издательство снизило долю выпускаемой продукции: по названиям в 3 раза (с 50 в 1992 г. до 16 в 1999 г.), а по тиражам – почти в 70 раз (с 2048 тыс. экз. до 30 тыс.)<sup>7</sup>.

В 1995 г. правительство РФ приняло постановление «О федеральной целевой программе «Поддержка государственной полиграфии и книгоиздания России в 1996–2001 годах». Программа позволила поддержать государственные издательства, их ресурсное, научно-техническое и кадровое обеспечение, но деньги в регионы практически не поступали<sup>8</sup>. С 1996 г. наблюдается постепенный прирост книжной продукции, в том числе детской, открываются мелкие и средние издательства, выпускающие литературу, предназначенную для разных возрастных категорий [7, с. 30].

<sup>5</sup> Ассоциация книгораспространителей независимых государств. URL: <http://www.askr.ru> (дата обращения: 23.09.2016).

<sup>6</sup> О нас: Ассоциация книгоиздателей России. URL: <http://aski.ru/ru/about/> (дата обращения: 23.09.2016).

<sup>7</sup> 1994 год. Экономические события в России. URL: <http://www.pandia.ru/133866> (дата обращения: 15.03.2015).

<sup>8</sup> Накашидзе Р. Детское книгоиздание на пороге кризиса // Компания. 2001. 19 нояб.

В начале 1996 г. в Сибири лицензию на право заниматься издательской деятельностью получили 80 новых издательств. Большинство из них создавались при каких-либо государственных и общественных организациях – вузах, научно-исследовательских институтах, библиотеках, писательских организациях, журналах, газетах, полиграфических предприятиях, которые занимались и выпуском детской литературы. Например, ПО «Офсет» (Красноярск) выпустило сказки русских писателей «Птицы небесные» в серии «Детектив детям», «Школьная библиотека». Издательство журнала «Сибирь» совместно с Товариществом «Письмена» (Иркутск) запустило серию «В поисках четвертого измерения», куда вошли произведения для детей.

К 1997 г. выпуск детской литературы стал одним из самых конкурентоспособных видов издательской деятельности, количество изданных книг для детей увеличилось с 2560 названий в 1998 г. до 4123 в 2000 г. Так, в Красноярском крае было выпущено 11 изданий для детей, в том числе художественные, научно-популярные и созданные детьми самостоятельно. В Иркутской области – 10 изданий, в том числе учебные; в Новосибирской области – 20, в Омской области – 22.

В этот период детское книжное пространство Сибири продолжали формировать такие лидеры государственного книгоиздания, как Новосибирское книжное издательство (1920–2007), Восточно-Сибирское книжное издательство (1963–2001), Красноярское книжное издательство (с 1935 г.), Омское книжное издательство (с 1920 г.), и национальные книжные издательства: горно-алтайское «Юч-Сумер-Белуха» (1933–2008) (якутское «Бичик» (с 1926 г.), хакасское «Айра» (с 1931 г.), Бурятское (с 1923 г.), а также сибирские отделения издательства «Детская литература» (1987–1998), «Наука» (с 1965 г.) [8].

Итак, для второго этапа развития регионального книгоиздания характерны следующие тенденции:

1. Повсеместное сокращение выпуска переводных произведений. Лишь к концу 1998 г. в издательское производство возвращаются произведения М. Твена, Т. Готье, А.К. Дойла, М. Рида.

2. Стабильно высокий выпуск произведений классической советской литературы; увеличение изданий литературы местных авторов. Так, сибирским отделением издательства «Детская литература» были изданы сказки Ю.М. Магалифа тиражом 25 тыс. экз., «Новосибирским книжным издательством» – произведения С.М. Белоусова тиражом 20 тыс. экз. Исключение составили произведения, имеющие целевое читательское назначение. В частности, были выпущены «Экология для зеленых» (б. и.), «В лесах Байкала» – зарисовки эколога С.К. Устинова («Облмашинформ»), «Русский месяцеслов» А.Г. Байбородин (издательство «Дом печати») тиражом около 2 тыс. экз.

3. Нарастание темпов и объемов выпуска учебных изданий вузовскими издательствами. Например, в 1996 г. вышли в свет труды преподавателя НГПУ

В.М. Кравцова тиражом 10 тыс. экз. и работы известного сибирского археолога Т.Н. Троицкой тиражом 37 тыс. экз. в издательстве «Студия Дизайн-ИНФО-ЛИО». Издательства региональных вузов (Омска, Новосибирска, Иркутска) превратились в многопрофильные издательско-полиграфические комплексы. Их деятельность была направлена на выпуск учебно-методической литературы не только для студентов и преподавателей, но и для школьников (младшего, среднего, старшего возраста), а также на публикацию художественных текстов местных авторов.

Таким образом, несмотря на большое количество экономических и финансовых трудностей, часть издающих организаций, сократив тиражи и изменив репертуар книжной продукции, смогли преодолеть кризис и добиться значимых результатов.

*Третий этап (1999–2004)* привел к стабилизации детского книгоиздания. С этого времени начинается постепенное увеличение как общего количества выпущенных книг и брошюр, так и детских в частности. В 2000 г. сформировалась новая структура издательской системы: российское книгоиздание из полностью государственного превратилось в преимущественно негосударственное [9, с. 56]. Б.В. Ленский в докладе «Состояние и развитие российского книгоиздания в начале XXI в.» отметил, что негосударственные структуры составляют основу издательской системы России. Их доля в этой нише составляла 67,2 % от выпускаемых книг и брошюр. Так, к началу 2001 г. издательской деятельностью занимались свыше 15 тыс. организаций, к 2003 г. – 20 тыс. [10, с. 15–18]. Издательская система освободилась от контроля, издательства могли теперь самостоятельно формировать тематические планы. Такая инициатива привела к ряду проблем: во-первых, нарушался Закон «Об обязательном экземпляре документов» (многие произведения не регистрировались и не входили в статистические сборники); во-вторых, появилось большое количество организаций-однодневок, деятельность которых проследить было невозможно. Например, на территории Западной и Восточной Сибири существовал ряд издательств, работа которых то возобновлялась, то прекращалась. К их числу относятся «Лепта» (Красноярск), «ТехПол» (Красноярск), «Ласточка» (Омск), «Альфа» (Омск), «Параллель» (Новосибирск), «Посох» (Новосибирск), «СибАрт» (Иркутск), «ТриМаг» (Иркутск).

В 2001 г. Постановлением Правительства РФ утверждается Федеральная целевая программа «Культура России» (2001–2005). В подпрограмме «Поддержка полиграфии и книгоиздания России» литература для детей и юношества отмечена в ряду наиболее важных издательских сфер.

Таким образом, с 1999 по 2004 г. ситуация с выпуском книг для детей стабилизируется. Появляются новые предприятия, выпускающую литературу для детей: «Поликор» (Красноярск), «Облмашинформ» (Иркутск), «Риф-плюс» (Новосибирск), «Амфора» (Омск), полиграфический центр «КАН»

(Омск), издательский дом «ЛЕО» (Омск). Лидирующие позиции остаются за Омской областью (от 17 до 37 названий в год); в Новосибирской и Иркутской областях количество изданий для детей колеблется от 13 до 25; в Красноярском крае – от 10 до 17 изданий. Однако в 2002 г. количество книг, изданных в Красноярске, достигло 32 (это максимальное число для рассматриваемой территории). Издательства обращаются к текстам тех литературных жанров, с которыми раньше не работали. Например, после 2000-х гг. в Красноярске и Омске на книжном рынке появляются басни для детей, справочные издания, в Иркутске и Новосибирске – пьесы и документально-художественные произведения, адресованные школьникам старшего возраста.

На рубеже XX–XXI вв. возникло большое количество издательств, ориентированных на выпуск книжной продукции для детской аудитории, и практически все они оказались сосредоточены в центре страны. Среди крупнейших следует отметить действующее – «Детская литература» (Москва, 1933); новые – «Самовар» (Москва, 1990); «Дрофа» (Москва, 1991); «Росмэн» (Москва, 1992); «Линка-пресс» (Москва); «Махаон» (Москва); «Омега» (Москва); «Лабиринт-Пресс» (Москва, 1992); «Карпуз» (Москва, 2000); «Стрекоза-Пресс» (Москва, 2001); «Самокат» (Москва, 2003); «Розовый жираф» (Москва, 2007) и др. Список издательств изменялся и дополнялся чуть ли не ежедневно.

В Сибири специализированные детские издательства заменили частные универсальные (рис. 1, 2). Среди наиболее активных стоит отметить: «Гелиос», «Арена», Омский Дом печати, издательский центр «Диалог-Сибирь», (Омск); «Издательство Риф плюс-книга», «Инфолио-пресс», «Сибирская книга» (Но-

сибирск); научно-производственное объединение «ОблМашИнформ» (Томск); «Буква Статейнова», «Платина», «Поликор», «Бонус» (Красноярск) и др. Все они включали в свой издательский портфель и книги для детей<sup>9</sup>.

Так, издательством «Бонус» были выпущены басни С.В. Михалкова (2000), «Каменная Азбука» Э.А. Ахадова (2001), стихи В.А. Латынина (2002), а также энциклопедия биографий (2003, 2004). Издательско-полиграфическим комплексом «Платина» были изданы собрания сочинений Н. Еремина (2002), романы Р.Х. Солнцева (2003), сказки В.П. Астафьева «Стриженок Скрип» (2004). Вышли в свет учебные пособия «История Сибири» (1999), издания В.М. Кравцова (1999), А.Ю. Головатенко (1999) издательства «Инфолио-пресс». Издательство «Наследие. Диалог-Сибирь» занималось выпуском изданий А.А. Блока (2003), Ф.И. Тютчева (2003), С.А. Есенина (1999), М.И. Цветаевой (1999), омского автора Н. Седова (1999, 2000, 2001, 2004).

Перечисленные издательства Центральной России и Сибири вели огромную работу по созданию книжных серий, книг нового формата для детей. Выпускалась не только художественная, но и учебная литература с занимательными элементами; научно-популярная; издания для досуга; литература, специально созданная для мальчиков или для девочек. Региональные авторы оставались неизвестными для детской читательской аудитории из-за того, что количество изданий их произведений было невелико, а рекламные кампании не проводились.

Четвертый этап развития детского книгоиздания (2005–2008) можно назвать знаковым для издательской деятельности. В первую очередь это связано с увеличением выпуска детской литературы по назва-

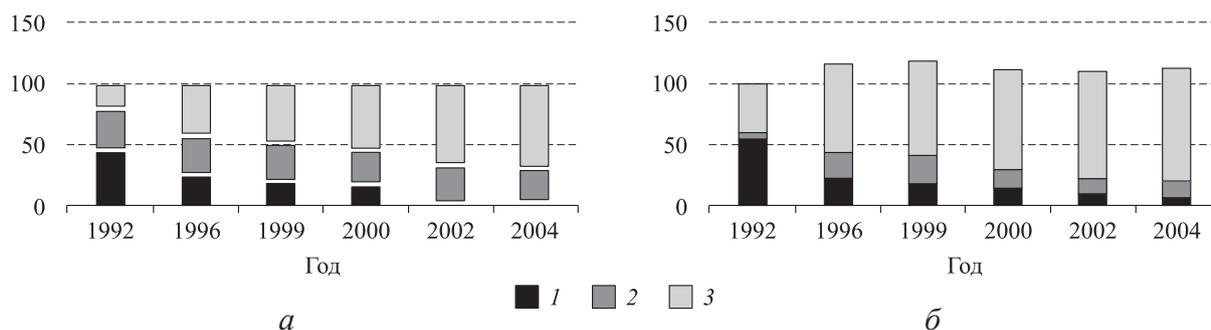


Рис. 1. Выпуск названий (а) и тиражей (б) книг по группам издательств в 1992–2002 гг., %<sup>10</sup>.

1 – государственные издательства; 2 – издательства и издательские организации других ведомств; 3 – негосударственные издательства.

<sup>9</sup> Накашидзе Р. Детское книгоиздание на пороге кризиса.

<sup>10</sup> Подсчитано на основе библиографических записей БД «Детская книга России», сводного ЭК РГДБ, издания «Писатели Красноярья – детям», ЭК Красноярской краевой детской библиотеки, ЭК Красноярской краевой молодежной библиотеки, ЭК Иркутской областной детской библиотеки им. М. Сергеева, электронного краеведческого справочника «Приангарье», ЭК Новосибирской областной детской библиотеки им. А.М. Горького, ЭК Областной библиотеки для детей и юношества, электронного портала литературного краеведения «Детские писатели Омска», ЭК Научной областной библиотеки им. А.С. Пушкина, библиографических указателей «Омские книги» (1991–2009), «Красноярской книги» (2002–2008).

ниям и тиражам (рис. 3), с жанровым разнообразием, прекрасным художественным и полиграфическим оформлением. Во всех регионах Сибири выпуск литературы в год варьировался от 15 до 41 названия.

Лидером по общему количеству выпускаемых изданий с 2002 по 2008 г. являлась Новосибирская область. Если в 2002 г. здесь было издано 1148 названий, то в 2006 г. – 1830, далее произошло незначительное снижение количества выпускаемой продукции. В Омской области показатели были ниже: 532 и 1007 наименований соответственно, однако пик выпуска изда-

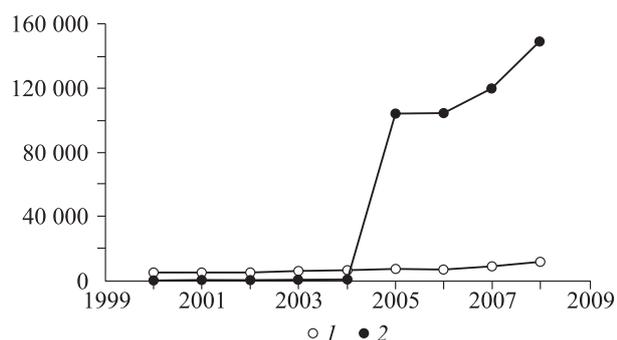


Рис. 2. Выпуск детской литературы в РФ в 2000–2008 гг.<sup>11</sup>  
1 – количество названий книг; 2 – тиражи, млн экз.

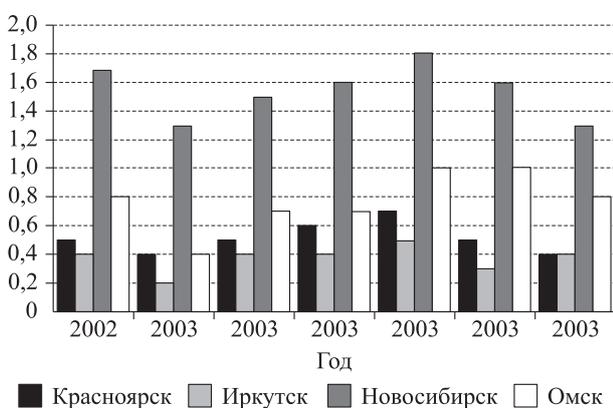


Рис. 3. Выпуск книг и брошюр в СФО, % (источники см. в сноске 10).

тельской продукции пришелся на 2007 г. и составил 1134 книги (см. таблицу).

Из таблицы видно, что на фоне общероссийского выпуска книг в Сибири литературы для детей издавалось очень мало (рис. 4).

Сибирскому детскому книгоизданию было трудно конкурировать со столичными издательствами, так как оно оказалось лишено государственной поддержки, в том числе финансовой, не могло позволить себе качественную полиграфическую базу. Коммерческий успех в региональном издательском бизнесе – исключение из правил.

Подводя итог характеристике этапов существования детского книгоиздания, заметим, что в Восточной и Западной Сибири детская книга прошла сложный путь развития. Местные издания выпускались в небольшом количестве как по названиям, так и по тиражам. В общем потоке российского детского книгоиздания эта доля варьировалась от 0,2 до 1,8 % в зависимости от региона и временных характеристик своего развития. Можно утверждать, что в конкурентной борьбе издательств на платформу вышли две системы: столичная (московская и петербургская) и региональная.

Таким образом, весь постсоветский период регионального детского книгоиздания (1991–2008) можно представить как внутренне неоднородный, включающий четыре этапа:

–1991–1994 гг. – реконструкция издательского дела (формирование правового поля книгоиздания и книгораспространения), рост выпуска зарубежной детской литературы; закрытие специализированных детских издательств; резкое повышение цен на детскую литературу местных авторов;

–1995–1998 гг. – изменение экономического и финансового строя страны, появление многочисленных негосударственных издательств, издающих детскую книгу, их активная издательская деятельность;

–1999–2004 гг. – начало формирования сбалансированного регионального книжного рынка детской продукции; финансовая помощь со стороны государства, институтов образования и науки; появление различных полиграфических центров, издательских домов и т. д.;

–2005–2008 гг. – стабилизация регионального книжного рынка детской печатной продукции в коли-

#### Выпуск книг и брошюр в Сибирском федеральном округе (СФО) в 2002–2008 гг.<sup>12</sup>

Регион	Общее количество книг и брошюр / количество изданий в регионе (названий) по годам						
	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Красноярский край	329	514	444	546	713	495	433
Иркутская область	303	257	356	340	481	375	501
Новосибирская область	1148	1339	1339	1481	1830	1741	1648
Омская область	532	521	615	697	1007	1134	935
СФО	69 749	80 971	89 066	95 498	102 268	108 791	123 336

<sup>11</sup> Подсчитано на основе «Книжной летописи» (1991–2008) / РКП. М., 1991–2008.

<sup>12</sup> Там же.

чественном и в качественном соотношении; появление и распространение новых форм детской продукции; «выход» детских местных издательств на российский и международный уровень.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лизунова И.В. Медиапространство российского региона: книга, пресса, радио, телевидение, интернет (на примере Сибири и Дальнего Востока 1991–2011 гг.). Новосибирск: СГГА, 2013. 300 с.
2. Ильницкий А.М. Книгоиздание современной России. М.: Вагриус, 2002. 80 с.
3. Лизунова И.В. Средства массовой информации России на рубеже XX–XXI вв.: периодизация и ее трактовки (на примере Сибири и Дальнего Востока) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. 2009. № 2. С. 115–119.
4. Волкова В.Н. Книгоиздание российских регионов в конце XX столетия (на материале Сибири и Дальнего Востока) // Книга. Исслед. и материалы. М., 2001. Сб. 78. С. 43–64.
5. Баханов Е.А. Детское чтение в России XXI века // Современные СМИ России: теория и практика: сб. науч. ст. / под общ. ред. С.В. Коновченко; науч. ред. М.Ф. Ненашева. М.: МГУП, 2010. С. 239–254.
6. Книгоиздание в России: состояние, тенденции и перспективы развития, 2009 год // Бухгалтерский учет в издательстве и полиграфии. 2010. № 1. С. 16–19.
7. Дубин Б. Группы, институты и массы: культурная репродукция и культурная динамика в современной России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1998. №4. С. 22–32.
8. Лизунова И.В., Енгальчева (Булгакова) Е.В. Издание детской литературы: российские тренды и региональная специфика // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. №3. С. 95–100.
9. Ленский Б.В. Книгоиздательская система современной России. М.: Наука, 2001. 201 с.

10. Эффективное книгоиздание: сб. стат. / О.А. Зимарин, Б.С. Есенькин, Ю.Ф. Майсурадзе. М.: Весь мир, 2002. 144 с.

## REFERENCES

1. Lizunova I.V. Media space of the Russian region: book, press, radio, television, Internet (a case of Siberia and the Far East in 1991–2011). Novosibirsk, SGGGA, 2013, 300 p. (In Russ.)
2. Il'nitsskiy A.M. Book publishing of modern Russia. Moscow, Vagrius, 2002, 80 p. (In Russ.)
3. Lizunova, I.V. Mass media of Russia at the turn of the XX–XXI centuries: periodization and its interpretation (a case of Siberia and the Far East). *Gumanitarnye nauki v Sibiri. Seriya: Otechestvennaya istoriya*, 2009, no. 2, pp. 115–119. (In Russ.)
4. Volkova V.N. Book publishing in the Russian regions in the late XX century (based on materials of Siberia and the Far East). *Kniga. Issledovaniya i materialy*. Moscow, 2001, vol. 78, pp. 43–64. (In Russ.)
5. Bakhanov E.A. Children's reading in Russia of the XXI century. *Sovremennye SMI Rossii: teoriya i praktika*. Moscow, 2010, pp. 239–254. (In Russ.)
6. Book publishing in Russia: state, trends and development prospects, 2009. *Bukhgalterskiy uchet v izdatel'stve i poligrafii*, 2010, no. 1, pp. 16–19. (In Russ.)
7. Dubin B. Groups, institutions and masses: cultural reproduction and cultural dynamics in today's Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 1998, no. 4, pp. 22–32. (In Russ.)
8. Lizunova I.V., Engalycheva (Bulgakova) E.V. Publishing of children's literature: Russian trends and regional specificities. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2013, no. 3, pp. 95–100. (In Russ.)
9. Lenskiy B.V. Book publishing system of modern Russia. Moscow, Nauka, 2001, 201 p. (In Russ.)
10. Effective book publishing: articles' collection. Moscow, Ves' Mir, 2002. 144 p. (In Russ.)

Статья принята  
редакцией 31.05.2018

DOI: 10.15372/HSS20180314  
УДК 655.4/.5:316.77(571)(091)"199/200"

**А.Л. ПОСАДСКОВ**

**СОСТОЯНИЕ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО КНИГОИЗДАНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ  
КАК ПРЕПЯТСТВИЕ НА ПУТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА  
(ПО МАТЕРИАЛАМ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.)**

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,  
РФ, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15

Формирование информационного общества (общества знаний), основанного на свободном создании, распространении и использовании информации, подразумевает широкое развитие негосударственных информационных процессов, в том числе практики частного книгоиздания. В регионах России (Сибирь и Дальний Восток) частные издательства, однако, сталкиваются сегодня с многочисленными как объективными, так и субъективными проблемами своего развития, что вызвано, в первую очередь, состоянием экономики и социальной сферы регионов. Важнейшую роль играют малая населенность территорий (и это служит препятствием для создания рынка издательской продукции), а также низкая покупательская способность обедневшего населения. Сложившаяся ситуация ставит вопрос об адаптации регионального издательского дела к требованиям будущей информационной среды.

*Ключевые слова:* информационное общество (общество знаний), информация, издательское дело, частное книгоиздание, Сибирь, Дальний Восток, конец XX – начало XXI в., реформы, рыночная экономика.

**A.L. POSADSKOV**

**THE STATUS OF NON-STATE BOOK PUBLISHING IN THE RUSSIAN REGIONS  
AS AN OBSTACLE ON THE WAY TO THE INFORMATION SOCIETY  
(BASED ON MATERIALS FROM SIBERIA AND THE RUSSIAN FAR EAST AT THE END  
OF THE XX – EARLY XXI CENTURIES)**

State Public Scientific and Technical Library SB RAS,  
15, Voskhod str, Novosibirsk, 630200, Russian Federation

The information society (knowledge society) formation based on free creation, dissemination and use of information implies broad development of non-state information processes, including private book publishing practice. In the regions of Russia (Siberia and the Far East), private publishing houses, however, today face numerous objective and subjective problems of their development caused primarily by the situation in regional economy and social sphere. The most important role is played by a small density of population in the territories (and this is an obstacle to create book-publishing products' market), as well as a low purchasing capacity of the impoverished population. The regional publishers partly compensate the lack of space for the book market by the increased flow of ordered publications and, as far as possible, involving sponsors to print certain books. Many publishers starting out as "ideological" or "cultural" foci, with a correspondingly targeted original repertoire, nowadays replicate only ordered printed products without tracking its contents. The private capital, as a rule, evades sponsorship of regional book publishing, main hopes of the local publishers are related to the authorities, territorial administration organs and legislative assemblies. They are constantly asked to help, but only few richest regions sponsor publishing initiatives regularly. The indicated obstacles to develop the regional book business become more noticeable the further a particular region is from the country center, where resources and financial flows, and relatively high-income consumers of book products are concentrated. The current situation raises the issue on adapting the regional publishing business to the requirements of the future information environment. The market itself does not elaborate a development strategy. Without a reasonably formulated state strategy, it is a disorderly movement of the subjects of the publishing process based on the conjuncture of their current activities. It seems that there will be a long period of purposeful influence of the developing civil society in Russia aimed at raising the existing book business up to the standards of the knowledge society.

*Key words:* information society (knowledge society), information, publishing business, private book publishing, Siberia, Russian Far East, late XX – early XXI centuries, reforms, market economy.

**Александр Леонидович Посадсков** – д-р ист. наук, главный научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru.

**Aleksandr L. Posadskov** – Doctor of Historical Sciences, Main Researcher, State Public Scientific and Technical Library SB RAS.

Современные российские книговеды считают базовой теорией развития отечественной книжной культуры концепцию глобального информационного общества, именуемого также «обществом знаний». Эта концепция была сформулирована в начале XXI в. в ходе двух этапов Всемирного саммита по информационному обществу (Женева, 2003; Тунис, 2005) и дополнительной Международной конференции ЮНЕСКО в Санкт-Петербурге (2005). Сегодня она представляет собой официальную доктрину ООН. Устами Генерального секретаря ООН была доведена до мировой общественности сущность формирующегося информационного общества, основанного на идее свободного создания, распространения и использования информации: «это общество, в котором расширяется, формируется, взращивается и высвобождается человеческий потенциал, открывающий людям доступ к необходимым инструментам и технологиям через образование и обучение методам их эффективного использования» [1, с. 7]. ЮНЕСКО выделяет четыре ключевых принципа, на которых выстроена доктрина общества знаний, и первые из них – «свобода выражения мнений» и «универсальный доступ к знаниям и информации» [1, с. 7].

Мировые тенденции развития книжной культуры полностью совпадают с векторами «информационной революции», обозначенными в доктрине ООН. Идет бурное расширение информационного пространства, массовизация информационной деятельности (в первую очередь, с помощью интернета), интенсивно растет спектр тематики информационных продуктов, среди которых немалое место занимают традиционные печатные издания – книги, журналы, газеты, на равных с которыми сегодня выступает электронное книгоиздание.

Наша страна присоединилась к всеобщему движению за созидание свободного общества знаний после революционных событий начала 1990-х гг. Несмотря на то, что и сегодня находятся силы, препятствующие и прямо противостоящие устремлению на этот путь, ситуация в России все же характеризуется независимостью и многообразием субъектов информационного процесса, наличием условий для осуществления их деятельности.

Формирование общества знаний, как свидетельствует весь опыт современной истории, неизбежно, и важное место в его структуре займут негосударственные формы информирования граждан, в том числе через частные издательские предприятия. Но этот же 25-летний опыт истории постсоветской России подсказывает, что произойдет это не скоро, и прежде всего – в силу текущего экономического состояния всего российского общества и, в частности, издательской отрасли. В реальной жизни проблем на пути к информационному обществу у частных региональных книгоиздателей оказалось намного больше, чем достижений. Анализу некоторых из этих проблем посвящена данная статья.

Элементы новой экономики регионального книжного дела существовали еще в недрах разрушавшегося

советского строя в 1990–1991 гг. На основе вновь принятого Закона СССР о печати в Сибири и на Дальнем Востоке в это время организовалось несколько десятков мелких негосударственных издательств – чаще с использованием кооперативного капитала, но иногда и общественных (по форме собственности) или так называемых совместных (с иностранным партнером). В ходу были аббревиатуры: РИЦ – редакционно-издательский центр, возникавший обычно при территориальных управлениях по печати или крупных государственных типографиях, и МП – «малое предприятие», под ним чаще всего скрывалась автономная часть бюджетного учреждения, которое, используя государственные ресурсы, пыталось заниматься коммерческой издательской деятельностью.

Вся эта зарождавшаяся экономика «новой русской книги» перекочевала в постсоветскую экономическую реальность и первые несколько лет продолжала действовать в хаотических условиях «дикого» рынка, несмотря на очевидную финансово-имущественную слабость данных гибридных феноменов переходного хозяйства.

Формы экономической организации предприятий России непрерывно обогащались, и новые модели хозяйственных структур теснили старые. Новые формы издательских предприятий выступали как законодательно закрепленные, более состоятельные и устойчивые к условиям радикальных перемен. В 1994–1998 гг. большинство вновь созданных в Сибири и на Дальнем Востоке негосударственных издательств были облечены в форму ТОО – товариществ с ограниченной ответственностью, которые затем, в начале XXI в. были переоформлены в ООО – общества с ограниченной ответственностью. Только за 1994 г., по неполным данным, их было зарегистрировано 48, среди их организаторов находились такие известные в дальнейшем региональные издатели, как А. П. Статейнов (красноярское ТОО «Горница»), Л. М. Петрунева (новосибирское ТОО «Инфолио»), писатель В. Г. Рудин (ТОО «Ковчезек», Кемерово). Значительно меньше издательств было создано в форме ИЧП – индивидуальных частных предприятий. Сказывалась нехватка стартовых капиталов у потенциальных частных издателей. По итогам 1994 г. таковых в Сибири и на Дальнем Востоке набралось всего 16. Еще меньшим оказался приток новичков в сектор «среднего», по экономическим критериям, издательского бизнеса. Акционерных обществ в издательском сегменте экономики от Урала до Тихого океана было создано за 1994 г. всего 8, из них только одно – новосибирский «Инфопринт-Сервис» – имело статус открытого акционерного общества (АООТ). Остальные предпочли более консервативную закрытую форму акционирования (АОЗТ). Цифры, несмотря на их неполноту, рисуют вполне очевидную картину развития экономических форм регионального издательского дела: к моменту первого крупного потрясения – дефолта 1998 г. – издательский бизнес за Уралом существовал в основном в форме мелкого частно-кооперативного капитала, показавшего срав-

нительно бóльшую устойчивость в условиях тотальной нестабильности.

Новые издательские структуры с первых же дней своего существования почувствовали жесткость «пост-перестроечной» экономической конъюнктуры, суровость законов конкуренции и монополизма. Не имея соответствующей подготовки, не обладая экономическими и юридическими (а зачастую и профессиональными издательскими) знаниями, не умея маневрировать в мире хозяйственно-имущественных отношений, многие из них быстро растратили первоначальный капитал и закончили предпринимательскую деятельность. Другие отчаянно карабкались, преодолевая все новые и новые трудности, придумывая совершенно невероятные способы выживания, фанатично продолжая «свое дело» до последней возможности.

С этого времени и за все 25 лет существования «нового» регионального книгоиздания России самой характерной чертой его стала почти полная бездотационность местной издательской деятельности со стороны государства. Региональные издатели могли рассчитывать на финансирование местных властей, на дотации от бизнес-сообщества, пожертвования частных лиц, но только не на помощь государства. Даже попадание (крайне редкое) предлагавшихся региональными издателями книг в Федеральную целевую программу книгоиздания не могло гарантировать реальное финансирование заказов.

По оценкам некоторых издателей, «пик эффективности издательской отрасли в современной России приходится на 1992–1993 гг.» [2, с. 195]. В эти годы в стране, еще не удовлетворившей жадности на литературу массового спроса, на запретные ранее сочинения и сюжеты, царил так называемый «рынок продавца», т. е. издателя, который мог выпустить большими тиражами любые интересные читателю книги – и они гарантированно расходились по стране. Затем пришла пора «рынка покупателя», когда параметры издательской деятельности стал диктовать не ажиотажный, а нормальный читательский спрос. В лучах «рынка продавца» удалось погреться и некоторым сибирским издателям, чья продукция не ограничивалась региональной тематикой, а представляла относительно широкий интерес для общероссийских любителей чтения. Но и они ощущали в полной мере гнетущий прессинг материально-финансовых обстоятельств. «Все проблемы наши так или иначе крутятся вокруг денег, – сообщал в интервью организатор и директор первого интеллектуального издательства региона «Сибирская книга» Е.А. Гендельман. – Магазины ... берут книги только на реализацию, а это значит, что деньги придут через два–три месяца, и всю прибыль съест безумная инфляция... Таких денег нет. Ждать спонсоров? Или с потрохами продаться богатеньким бизнесменам? А что если наша программа придется новым хозяевам не по вкусу?»<sup>1</sup>. Груз экономических проблем

не оставил первому «культурному» издательству Сибири выбора. В середине 1990-х гг. оно прекратило свое существование. Культурные начинания и законы первоначального накопления капитала оказались несовместимыми.

Во второй половине 1990-х гг. развитие рыночных отношений в книжной индустрии положило конец метаниям региональных издателей между «бизнесом» и «культурой». Издательские и книготорговые предприятия сделали для себя четкий выбор: большинство из них стало на рельсы коммерческого извлечения прибыли, очень незначительное меньшинство позиционировало себя «идейными» издателями и распространителями с ориентацией на культуру и просвещение. «Идейные» или «культурные» издатели, имея собственную издательскую программу, тем не менее ухитрились работать в условиях рынка, полностью подчиняясь его законам. Иногда это происходило достаточно успешно.

Но для большинства провинциальных издателей книг «идейность» репертуарной стратегии остается недостижимой мечтой. «Идейные издатели, издатели-меценаты, издатели-просветители, для которых прибыль являлась лишь доказательством успешной реализации потенциала личности», о чем говорили книговеды, ссылаясь на исторический опыт [3, с. 278], оказались в постсоветской России великим дефицитом. «Совершенно очевидно, – констатировала одна из издательниц, – что особенной идеологии у издательства, как правило, ... нет – она оказывается не по карману... Региональное издательство и радо бы иметь четкий, последовательный курс, но не может его выстроить» [3, с. 278].

Простейшим способом удержаться в бизнесе и хотя бы окупить затраты на работу издательства является выпуск заказной литературы, включая заказы как от местных организаций, так и от частных лиц. Возможностью заработать на заказах пользуются все без исключения издатели Сибири и Дальнего Востока – как коммерческие, так и «идейные». Последние, получив средства от пяти–десяти заказных изданий, имеют возможность выпустить одну–две, а то и три беззатратные книги собственного репертуара.

Другой путь преодоления препятствий на пути книги к печатному станку состоит в поиске спонсоров и меценатов, способных оплатить конкретное издание. В.Ф. Свиньин, руководитель созданного в 2003 г. новосибирского издательства интеллектуальной литературы «Свиньин и сыновья», прямо говорил о том, что спонсорская помощь является основным источником существования его издательства. О том же сообщала журналистам директор частного научного издательства «Сова» О.В. Смирнова: «Уже который год издательство вынуждено почти в одиночку заниматься меценатством, самостоятельно разыскивать источники финансирования» [4, с. 22–23].

Поиск средств на выпуск литературы постоянно приводит издателей в кабинеты представителей региональной и муниципальной власти. Многие из них

<sup>1</sup> Представляем издательство. «Сибирская книга» // Сибирская книга. Новосибирск, [1993]. № 3. С. 4.

готовы, по соображениям местного патриотизма, поддерживать издание той или иной книги с локальной спецификой, особенно посвященной какому-либо юбилею, заводу, учреждению, городу, селу, руководителю или персонажу региональной истории. Но так бывает далеко не всегда. Все зависит от распорядителей местного бюджета. В ряде регионов Сибири и Дальнего Востока, особенно из категории богатых (Ханты-Мансийский автономный округ, Тюменская область), территориальная администрация финансирует ежегодно десятки издательских проектов, иногда довольно затратных. В других же краевых, областных и городских администрациях добиться денег на издание регионально ориентированной литературы практически невозможно. Анализируя ситуацию на Дальнем Востоке, генеральный директор крупнейшего в Дальневосточном федеральном округе издательско-полиграфического комплекса ОАО «Дальпресс» М. В. Щекина ставила в пример административные структуры почти всего округа, регулярно выделявшие средства на выпуск краеведческих книг. Всех, кроме собственного края. «У нас же в Приморском крае, – говорила она, – в выпуске книг, посвященных родному Приморью или Владивостоку... никто не заинтересован, никто не финансирует. Ни в какую!»<sup>2</sup>.

Финансовое содействие со стороны местных властей может хотя бы отчасти компенсировать те фундаментальные трудности, которые стоят перед региональной книжной индустрией Сибири и Дальнего Востока. Эти препятствия объективны, они ощущаются тем заметнее, чем дальше конкретный регион отстоит от центра страны – средоточия ресурсов и финансовых потоков, ареала относительно состоятельных потребителей книжной продукции.

Первая фундаментальная и, к сожалению, неустранимая причина хронического отставания регионального книгоиздания от общероссийских темпов – ограниченность местного книжного рынка. Сибирь и Дальний Восток являются двумя самыми малонаселенными регионами России, соответственно, здесь значительно меньшая емкость рынка печатных изданий. А значит, и объемы издательской продукции, книготорговые сети, прибыль от издания и распространения литературы несопоставимы с более населенными регионами страны. «На Дальнем Востоке России нет потенциального рынка из-за малой плотности населения, чтобы эти книги здесь продавать, – говорила генеральный директор «Дальпресс» М. В. Щекина. – Для кого книги? Рынка-то нет... Нет и объемов – у нас если тираж 5 тыс. экз., это считается неплохим тиражом!»<sup>3</sup>. Ограниченность регионального сбыта книги подразумевает и другую проблему: искусственное исключение продукции местных издательств из репертуара общероссийских книготорговых сетей. Даже если региональное издание будет пользоваться

очевидным спросом, оно не найдет места на полках крупных супермаркетов книги. «Крупным книготорговым компаниям, – отмечали сибирские издатели, – ... предпочитающим работать сразу с объемными “пакетами” крупных издательств, просто невыгодно возиться с единичными книжками сибирских компаний» [4, с. 21].

Второй причиной, сдерживающей развитие экономики регионального книжного дела, выступает состояние доходов жителей Сибири и Дальнего Востока. Решающее значение для реализации книжной продукции имеет платежеспособный спрос на нее со стороны населения. Экономические потрясения 1990-х гг., ввергнувшие многих сограждан в состояние нищеты, самым негативным образом повлияли на этот фактор. Но и в 2000-е гг. некоторый рост благосостояния россиян не позволил особенно расширить книжный рынок страны, поскольку книга, как и прежде, является товаром отложенного спроса, не попадающим в основную потребительскую корзину. Даже в 2011 г., как отмечал глава Российского книжного союза С. В. Степашин, наиболее продаваемые в России книги находились в нижнем и среднем ценовых сегментах – от 50 до 200 и от 200 до 500 руб.<sup>4</sup>. В. В. Глинский считает, что в середине 2000-х гг. государство нанесло «три удара» по объему книжного рынка, проведя, во-первых, реформу ЖКХ и тем самым увеличив расходы граждан в этой сфере; осуществив, во-вторых, монетизацию льгот, что обернулось для граждан новыми расходами на лекарства и лечение; развив, в-третьих, потребительские кредиты и ипотеку и связав, таким образом, настоящие и будущие доходы населения [2, с. 192–193].

Слабость экономических стимулов к региональному книгоизданию опирается и на целый ряд других объективных факторов. Среди них – общий уровень развития экономики восточных регионов России. Однородно-сырьевой крен, характерный для советского периода, по-прежнему продолжает сказываться на экономическом состоянии окраин. В Сибири и на Дальнем Востоке до сих пор не производится почти никаких материалов, необходимых для полиграфических процессов. «Сюда надо все привезти, – сетовала М. В. Щекина, – краску, бумагу, пленку, растворители-разбавители». По ее подсчетам, чтобы привезти на комбинат «Дальпресс» во Владивосток вагон бумаги из Соликамска (что за Уралом), нужно заплатить за доставку 20–25 % стоимости самой бумаги<sup>5</sup>. Дороговизна привозного сырья взвинчивает цены на готовую печатную продукцию, что в конечном итоге также снижает покупательский спрос.

Помимо фундаментальных (неустранимых на данном этапе исторического развития) факторов сдерживания, негативную роль в экономике издательского

<sup>2</sup> Лыков К. «Дальпресс»: 20 лет спустя // Парламентская газета на Дальнем Востоке. 2009. 20 февр. (№ 2–3). С. 10.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Степашин. Книжная отрасль может потерять до 30 % рынка. – URL: <http://www.gazeta.ru/news/culture/2011/09/28n-2028758.9htm/htm> (дата обращения: 31.03.2012).

<sup>5</sup> Лыков К. «Дальпресс»: 20 лет спустя... С. 10.

дела восточных территорий России играют и текущие, вызванные экономической ситуацией, антистимулы. К таковым относится непрерывный и все возрастающий рост цен на сырье – бумагу, краску, полиграфические материалы, непомерный рост арендной платы за производственные помещения, используемые издателями, увеличение налогового бремени, энерготарифов, транспортных расходов. В Сибири и на Дальнем Востоке практически нет издательств, которые являлись бы собственниками помещений. Резкий рост арендной платы поставил многих провинциальных представителей книжного дела на грань выживания.

Дважды за изучаемый период снижение экономических показателей книжной отрасли – и прежде всего рентабельности предприятий – принимало разрушительный характер. Так было во время кризисов 1998 и 2008–2009 гг. Дефолт в августе 1998 г. увлек в пучину краха многие закредитованные региональные книжные структуры: бумага и полиграфические услуги устремились к мировым ценам, количество заказных и профинансированных властями изданий резко упало, как и платежеспособный спрос на них со стороны коллективных и индивидуальных потребителей книги. В этот период, затянувшийся в издательском деле Сибири и Дальнего Востока до 2001–2002 гг., в небытие ушло несколько десятков региональных издательств, из них несколько «культурных», имевших осмысленную репертуарную программу.

Кризис 2008–2009 гг. происходил в книжной отрасли России в более мягкой, обтекаемой форме, чему во многом способствовала общая антикризисная финансово-экономическая политика государства. Кризис в большей степени коснулся периодических изданий, зависящих от конъюнктуры рынка, от поддержки прессы со стороны финансово-промышленных групп. В сибирско-дальневосточном регионе не было зафиксировано ни одного случая краха состоявшихся, зарекомендовавших себя перед читателем издательств<sup>6</sup>.

Ведущей тенденцией, которая проявляется в книжном деле России с середины 1990-х гг. (и особенно явственно после кризиса 1998 г.), стала монополизация издательского и книготоргового рынка. Столичные структуры-гиганты, взошедшие к экономическому могуществу за счет концентрации капитала и профессиональных кадров в центральном регионе страны, используя общую развитость экономики Центра и лучшую доступность источников сырья, в первом десятилетии XXI в. фактически захватили все книжные рынки регионов России, оставив независимым региональным издателям и книготорговцам лишь небольшие «ниши» и «сегменты» книжного репертуара, не приносящие больших доходов<sup>7</sup>. Явление, получившее название «культурный империализм», носит

устойчивый и всеобъемлющий характер. Монополизм коренится в самой экономической системе книжного производства и потребления России, когда при любых обстоятельствах в силу неразвитости окраин создавать книгу в регионах оказывается дороже, чем закупать и привозить ее из столиц. Обратной стороной усиления монополизма является снижение уровня конкуренции на региональных издательском и книготорговом рынках. Эта устойчивая тенденция также наблюдалась в Сибири и на Дальнем Востоке в течение всего первого десятилетия XXI в.

Рынок сам по себе не вырабатывает стратегию развития. Без вмешательства внешних сил, таких как экономический кризис, государственная политика, диктат монополистов и т. п., он представляет собой беспорядочное движение субъектов издательского процесса, основанное на конъюнктуре их текущей деятельности. В условиях «чистого» рынка затруднительно говорить о быстрой реализации каких-либо общепрофессиональных, тем более общенациональных и глобальных мировых задач.

По-видимому, предстоит целая полоса (или эпоха) целенаправленного воздействия развивающегося российского гражданского общества, направленная на адаптацию существующей ныне книжной культуры регионов России к требованиям будущего общества знаний.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузьмин Е.И., Фирсов Е.И. Предисловие к изданию в России // Формирование информационного общества в XXI веке. СПб., 2006. С. 5–13.
2. Глинский В.В. Российский книжный бизнес: проблемы и перспективы // Вестник Новосиб. гос. ун-та экономики и управления. 2008. № 1. С. 191–199.
3. Юлдашева Л.О. Региональное книгоиздательство: картография кризиса // Чтение на евразийском перекрестке: Междунар. интеллектуальный форум: сб. материалов форума (Челябинск, 27–28 мая 2010 г.). Челябинск, 2010. С. 278–279.
4. Гольдберг С. Остаться в живых // Эксперт. Сибирь. 2007. № 33(175). С. 20–24.

#### REFERENCES

1. Kuzmin E.I., Firsov V.R. Preface to the Russian edition. *Formirovanie informatsionnogo obshchestva v XXI veke*. St. Petersburg, 2006, pp. 5–13. (In Russ.)
2. Glinkin V.V. Russian book business: problems and prospects. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i upravleniya*. 2008, no. 1, pp. 191–199. (In Russ.)
3. Yuldasheva L.O. Regional book publishing: the crisis cartography. *Chтение na evrazijskom perekrestke: Mezhdunar. intellektual'nyi forum: sb. materialov foruma (Chelyabinsk, 27–28 maya 2010 g.)*. Chelyabinsk, 2010, pp. 278–279. (In Russ.)
4. Goldberg S. Staying alive. *Expert. Siber*. 2007, no. 33, pp. 20–24. (In Russ.)

<sup>6</sup> Исключение составляет новосибирское издательство «Сова», но корни его банкротства уходят в иную плоскость, именуемую человеческим фактором.

<sup>7</sup> Книжный рынок – это прежде всего АСТ и «ЭКМО». У них главные авторы и неограниченные возможности // Афиша: все развлечения Москвы. М., 2012. № 6 (9–22 апр.). С. 24–28.

## СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20180315  
УДК 94:34(574) "1800/1850"

**И.В. АНИСИМОВА**

### РАЗВИТИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Алтайский государственный университет,  
РФ, 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

В статье проводится анализ развития судебно-правовых институтов в казахском обществе в первой половине XIX в. Модернизационная направленность проводимой Россией политики нашла свое выражение в реформировании судебной системы казахского общества, которое шло по пути ее интеграции в общеимперское правовое пространство. В ходе исследования выделены основные этапы становления судостройства региона и определено их содержание. Показано, что судебная система региона приобрела сложную конфигурацию: наряду с общеимперскими правовыми институтами и нормами в ней сохраняли свой статус элементы традиционного суда. Отчасти это было обусловлено патерналистским характером национальной политики Российской империи. Реформы судостройства казахского общества широко обсуждались на региональном и центральном уровнях власти, однако выработать оптимальную модель судебной системы к середине XIX в. так и не удалось.

*Ключевые слова:* Российская империя, Казахстан, судебная система, народный суд, обычное право, реформа, интеграция, инкорпорация, модернизация

**I.V. ANISIMOVA**

### DEVELOPMENT OF THE KAZAKH SOCIETY JUDICIAL SYSTEM IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Altay State University  
61 Lenina Str., Barnaul, 656049, Russian Federation

The article analyzes development of the Kazakh society's judicial and legal system in the first half of the XIX century. The necessity to integrate the region into the general imperial space led to carrying out a broad range of reforms that resulted in transformation of the potestary-patriarchal relations and Kazakh society's traditional social institutions. An important component of Russia's policy was the transformation of the judicial and legal system of Kazakhstan, whose formation took place in the first half of the XIX century. The study objective is to determine features of Kazakh society's judicial system during the examined period and to identify its efficiency degree based on complex points of the frontier modernization and neoinstitutionalism theory and involving new documentary sources. The state policy of the Russian Empire in the Central Asian national outskirts was aimed at "soft" integration of the nomadic community into the general imperial legal space. This resulted in slow "transplantation" into region of the judicial imperial elements and preservation of traditional court on adat basis.

This concept was reflected in main bills of the first half of the XIX century concerning the studied region: "The Charter on Siberian Kirghizs" 1822, "Regulations to manage Orenburg Kirghizs" 1844, "Regulations to manage Semipalatinsk Region" and subsequent orders of 1854. The status

---

**Инна Владимировна Анисимова** – канд. ист. наук, доцент кафедры востоковедения, Алтайский государственный университет, e-mail: [iva0410@mail.ru](mailto:iva0410@mail.ru)

**Inna V. Anisimova** – Candidate of Historical Science, Docent, Department of Oriental Studies, Altay State University.

of a people's court in the regional legal system caused disputes, whose jurisdictions were quite broad despite the limitations imposed by reforming. Regional and central authorities admitted the incompleteness and functional inefficiency of this option of the judicial system and discussed necessity of its reorganization through unification with the Imperial legal space.

*Key words: Russian Empire, Kazakhstan, judicial system, People's Court, customary law, reform, integration, incorporation, modernization.*

Важным этапом развития российской имперской модели стал XIX в. Именно в этот период отчетливо проявился патерналистский подход в политике России по отношению к народам азиатских окраин, теоретические основы которого нашли практическое воплощение в реализации стратегии их интеграции в политико-правовое и социально-экономическое имперское пространство. Был разработан и реализован комплекс реформ, направленных на модернизацию традиционного кочевого сообщества и его интеграцию в общее имперское пространство. При этом, соглашаясь с И.В. Побережниковым, необходимо подчеркнуть, что российская модернизация на протяжении XVIII – начала XX в. осуществлялась в условиях продолжавшегося расширения территории страны, присоединения новых земель и их освоения, что требовало, с одной стороны, максимального разнообразия культурных навыков и этнокультурного взаимодействия носителями автохтонных культур. С другой стороны, контакты местного населения с поселенцами способствовали совершенствованию и его собственной культуры. На все эти процессы диффузионного характера модернизация накладывала трансфер технологий, социальных институтов, культурных ценностей западного, преимущественно – западноевропейского, происхождения [1, с. 4–7]. Особое внимание в связи с этим необходимо уделить судебно-правовой системе, которая выступала важным способом координации социального взаимодействия. Реформы традиционной судебной системы казахского общества стали одним из важнейших векторов национальной политики Российской империи в центральноазиатских окраинах.

Необходимо отметить, что тезис о модернизационной направленности имперских реформ, проводимых в национальных окраинах, отрицательно оценивается в современной казахстанской историографии. В ряде исследований подчеркивается, что кочевое общество было не готово к широкой трансформации традиционных социально-правовых институтов. К тому же организация имперского судопроизводства, разрушая уникальную судебную систему в лице бийского суда, способствовала укреплению и ужесточению колониального режима [2]. Более взвешенными представляются оценки современной российской историографии, согласно которым внутренняя политика Российской империи была ориентирована на поиск оптимальной практики управления, обеспечивающей административную, финансово-налоговую и судебно-правовую унификацию ее регионов [3, с. 31–40].

К 1820-м гг., когда казахское традиционное общество стало рассматриваться Россией как объект национальной политики [3, с. 41–42], относится начало реформирования судостроительства региона. При этом, исходя из особенностей административно-территориального деления казахской степи, наблюдалось формирование двух моделей судостроительства в регионе, которые при этом были взаимосвязаны. Первая модель реализовывалась среди казахов Среднего жуза, тер-

риториально относившихся к Западной Сибири. Устав о сибирских киргизах 1822 г., направленный на регламентацию административно-территориальной устройства и управления казахов Среднего жуза, определял основные контуры судебной системы и подвергал традиционные судебные институты кардинальным преобразованиям. Отныне судебная система была представлена пограничной комиссией, окружными приказами, военными судами и традиционным судом биев, чьи функции и компетенции были разграничены.

Особую роль в судебной системе региона стала играть Пограничная комиссия, к полномочиям которой относилось рассмотрение дел о конфликтах, затрагивающих интересы русских и казахов [4, с. 28]. В частности, за кражу, нападение на прилинейных жителей, причинение им материального ущерба казахи судились гражданским уголовным судом Пограничной комиссии с участием султанов – правителей [5, с. 122]. Однако зачастую Пограничная комиссия рассматривала и дела, возникавшие между казахами.

В целом для первой половины XIX в. характерно значительное расширение сети судов, создание не только пограничных судов, но и ряда окружных приказов, которые наряду с административными выполняли важные судебные функции. Окружной приказ приобрел значение уездного суда, в состав которого входили и «два заседателя из почетных киргизов» [6, с. 401]. К подсудности приказов относились все дела об измене, убийстве, разбоях, барымте, захвате русских в плен, а также антиправительственных выступлений. Уголовные дела решались «на основании общих государственных узаконений» и поступали на ревизию в областной суд [7, с. 79].

Важное значение в судебной системе региона сохранял суд биев, опиравшийся на нормы адата [6, с. 401]. Причины сохранения их суда в системе судопроизводства на протяжении XIX в. объяснялись государственной властью политическими интересами Российской империи. Так, в одном из документов Степной комиссии по разработке Положения об управлении в казахских степях 1867 г. подчеркивалось, что «оставление за киргизами<sup>1</sup> разбирательства большинства дел судом биев успокоило и значительно ослабило неудовольствие народа, привыкшего к необузданной свободе и потому не могшего равнодушно смотреть на новые порядки, во многом стесняющие его своеволие»<sup>2</sup>.

Однако полномочия биев были значительно сокращены: из трех категорий преступлений, определяемых по Уставу – уголовные, жалобы на управление и исковые – в компетенции традиционного суда остались только последние, к которым и относилась основная масса правонарушений.

<sup>1</sup> Здесь и далее речь идет о казахах, которые вплоть до конца имперского периода в документальных источниках определялись этнонимом «киргизы».

<sup>2</sup> Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГАРК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 490. Л. 10–16.

Передача дел «по жалобам на управление» в введение общеимперского суда предоставляла право казахам обращаться с претензиями на представителей административной власти в вышестоящие инстанции. Кроме того, казахам было предоставлено право обращаться в имперские судебные органы в случае несогласия с решением суда биев. Данный механизм, по мнению разработчиков Устава, должен был со временем нанести удар по положению и роли традиционного суда биев в казахском обществе. Однако подобная политика, весьма разумная с политической точки зрения, дискредитировала российские власти даже в глазах признающих их казахских султанов и родовых старейшин: преобладающая часть казахского населения предпочитала по-прежнему прибегать к суду биев [8, с. 55].

Исследователи признают, что несмотря на сохранение народного суда как элемента судебно-правовой структуры, Устав 1822 г. существенно осложнил положение биев в обществе. Авторитет, которым пользовались они в казахском обществе, был поколеблен [5, с. 123]. Введение выборного начала для биев с последующим утверждением государственной властью открыло, по мнению С. Зиманова, путь к бийским должностям большому числу лиц, создало своеобразную систему двоевластия в родовых отделениях: наряду со старыми биями появились «избранные» бии, которые не отличались высокими личными качествами. Теперь нередко можно было встретить среди биев «невежд и весьма недалеких людей, единственным достоинством которых было богатство» [9, с. 197]. Связь бийских судов с официальными органами власти и надзор за их деятельностью со стороны последних со временем привели, по мнению Н.Е. Бекмахановой, к фактическому огосударствлению значительной их части. Постепенно бии начали приобретать статус местных государственных чиновников, что было закреплено в последующих законодательных реформах [10, с. 231].

Безусловно, при всей важности проводимых реформ преобразования судебной системы по Уставу 1822 г. не были восприняты единодушно. Весной 1828 г. сенатор Б.А. Куракин предоставил в Сибирский комитет записку о результатах ревизии Западной Сибири и введении в действие Устава о сибирских киргизах 1822 г.<sup>3</sup>, в которой, при признании его важности, выразил скептическое отношение к Положению Сперанского. Князь Куракин отмечал, что «...ни дух киргизского народа, ни степень зависимости его от России <...> не требовали той внезапности, с какой введен в действие Устав о киргизах, и тех средств, какие были употреблены к поддержанию онаго»<sup>4</sup>. В процессе внедрения новых судебных институтов и норм среди казахов князь Куракин предлагал действовать крайне осторожно и умеренно. В этом отношении он соглашался с мнением генерал-губернатора Западной Сибири П.М. Капцевича, который предписывал окружным приказам удовлетворять поступающие от казахов любые просьбы о рассмотрении судебных исков, за исключением уголовных дел. Куракин подчеркивал, что при этом необходимо избегать принуждения казахов к обращению в русский суд и «строго запретить

всякому, особенно чиновникам, власть имеющим, помогать подобного разбирательства»<sup>5</sup>. По мнению ряда исследователей, нововведения осложнили и затянули сам судебный процесс. В результате реформы, по мнению Е.Б. Бекмаханова, с разбором судебных дел казахов стала происходить невероятная путаница. Судебные дела накапливались сотнями и лежали без движения [5, с. 123].

Дальнейшие шаги в реформировании судебно-правовой системы казахского общества были предприняты в 30-е гг. XIX в. Важно отметить, что проводимые в казахской степи преобразования отражали в целом внутриполитический курс Николая I, который уделял значительное внимание модернизации российского права и упорядочению судебной практики. Именно при Николае I были более четко определены компетенции судебных и судебно-административных органов, создан первый в России Уголовный кодекс [11].

О дальнейшей «трансплантации» общеимперских судебных институтов в судостроительство казахов свидетельствует принятие Положения об отдельном управлении сибирскими киргизами 1838 г., согласно которому общее управление сибирскими казахами осуществляли пограничный начальник, председатель Пограничного управления, четыре советника (один из казахов), стряпчий казенных и уголовных дел и канцелярия. Руководство казахским населением являлось компетенцией Пограничного управления, которое соединяло в себе функции губернского правления, казенной палаты и губернского суда, руководствовало в своей деятельности соответствующими узаконениями для внутренних губерний [12, с. 10].

Параллельно с этим получила развитие вторая модель реформирования судостроительства, реализованная среди казахов оренбургского ведомства. Введение Положения об управлении оренбургскими киргизами от 4 июля 1844 г. определило устройство суда в Оренбургском крае, которое было представлено тремя типами судов: судом Оренбургской пограничной комиссии, получившей права палаты уголовного суда, военным судом, в компетенцию которого были переданы наиболее важные уголовные дела (возмущение против правительства, измена, убийство, барымта), и народным судом кочевников. Особое значение имело возложение на Оренбургскую пограничную комиссию обязанности инкорпорировать нормы казахского права, создать из них кодекс обычного права и передать его на утверждение правительства. По мнению Д.В. Васильева, это обстоятельство в полной мере указывает на отсутствие у власти реальных представителей о традиционном судопроизводстве у кочевников и предположении имперской администрации сохранить его в долгосрочной перспективе [13, с. 43]. Нововведением Положения 1844 г. стало изъятие из подсудности суда биев всех основных категорий уголовных дел казахов Оренбургского ведомства, а также исковых дел между казахами, превышающими 50 руб. серебром и отнесение их к подсудности общеимперских судов [14, с. 222]. Однако в процессе реализации данного постановления региональные власти столкнулись с рядом сложностей. Положение 1844 г. в целом внедрялось медленно и вызвало серьезную реакцию в казахском обществе [15, с. 198].

<sup>3</sup> Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1264. Оп. 1. Д. 339. Л. 9–68 об.

<sup>4</sup> Там же. Л. 35 об.–36.

<sup>5</sup> Там же. Л. 62–63, 70.

В связи с этим важное значение имеет донесение действительного статского советника Н.С. Любимова о результатах административно-судебных преобразований в казахской степи, составленное в ходе его поездки в 1845 г. по Оренбургской губернии. Чиновник писал о недовольстве среди казахского населения работой институтов существующей судебной системы. Особой критики заслуживала медлительность рассмотрения дел, многочисленная переписка между инстанциями и ограничение компетенций бийского суда исками до 50 руб. серебром. В качестве меры, направленной на улучшение судебной системы, Любимов предлагал вернуть на рассмотрение биев все исковые дела без ограничения [16, с. 30–31].

Донесение Любимова было неоднозначно воспринято и вызвало активное обсуждение в правительственных кругах. Так, в 1846 г. была составлена докладная записка чиновника особых поручений д'Андре, адресованная председателю Оренбургской пограничной комиссии М. Ладыженскому, в которой высказывалась иная позиция. «Бесспорно, – писал д'Андре, – <...> предоставить султанам-правителям и старшинам производить суд по всем отраслям преступлений (за исключением одних только важных уголовных дел), кажется, не совсем согласовалось бы с видами правительства» [14, с. 245–246]. При этом д'Андре исходил из государственных интересов Российской империи и важности интеграции казахской степи в общеправовое пространство. Чиновник подчеркивал, что «избегать переписки Пограничной комиссии с султанами-правителями – значило бы почти отдать всю орду на произвол судьбы <...>» [14, с. 246].

В свою очередь председатель Оренбургской пограничной комиссии М. Ладыженский нейтрально относился к возможности вернуть все исковые дела казахов в подсудность народному суду, отмечая, что в отдаленных областях Степи казахи и сейчас выносят решения по искам, превышающим 50 руб. серебром, а «прекратить это не только возможности нет, но и не предвидится до тех пор, пока бии совершенно не потеряют своего векового в народе значения судей» [16, с. 42–43]. В целом несмотря на разные взгляды и оценки судопроизводства в казахском обществе, чиновники были едины в признании несовершенства нормативно-правовой основы судебной системы и необходимости ее дальнейшего преобразования. Эта идея в 1851 г. была озвучена управляющим МИД Л.Г. Сенявиным, который подчеркивал, что необходимо выработать особую модель управления казахским обществом с учетом «кочевого его быта и степени нравственного его состояния»<sup>6</sup>.

В итоге к середине XIX в. судостроительство Оренбургского края характеризовалось определенной обособленностью и включением «местной традиции» судопроизводства в судебную систему региона [12, с. 14]. В то же время судебная система казахов Западной Сибири в большей степени была приближена к общеимперскому судостроительству и приобрела административно-управленческий характер. Важным этапом реформирования судебной системы в связи с этим стало принятие 19 мая 1854 г. Положения об управлении Семипалатинской областью. Согласно Положению, областному правлению были даны функции палаты уголовного

суда, а в каждом из четырех округов области учреждались окружные приказы, сочетавшие административные и судебные функции и рассматривавшие уголовные дела. В качестве представителя прокурорского надзора в области назначался стряпчий казенных и уголовных дел.

Завершающим преобразования судебной системы казахского общества в первой половине XIX в. стал указ Николая I о распространении на казахов общих законов Российской империи от 22 июня 1854 г.<sup>7</sup> За уголовные правонарушения, совершенные в местах кочевий, а также за правонарушения, совершенные в городах и селениях, казахи приговаривались к наказаниям по общим законам империи. Мелкие преступления, а также возникающие между казахами гражданские дела рассматривались на основе обычного права в суде биев. Одним из важнейших нововведений стало придание званию биев выборного характера. На должность биев могли претендовать лица, имевшие опыт работы на государственных должностях не менее 6 лет.

Таким образом, на протяжении первой половины XIX в. были сделаны значительные шаги в реформировании судебной системы казахского общества. Рассмотренные практики судостроительства – для казахов Оренбургского края и казахов степных областей Западной Сибири – позволяют говорить о поисках государственной властью оптимальной модели судебно-правовой системы региона. Но сложности в реализации такой модели заключались в характерном для национальной политики в регионе патернализме, который не способствовал коренной ломке традиционных судебных институтов и затруднял процесс интеграции казахского общества в общеимперское правовое пространство.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Побережников И.В.* Фронтальная модернизация в российском цивилизационном контексте // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации. Материалы межрегион. науч. конф., 6–7 июня 2013 г. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 3–10.
2. *Нурпеисов Т.А.* О деятельности «Степной комиссии» по подготовке реформы 1867–1868 годах в Казахстане // Известия вузов Кыргызстана. 2010. № 3. С. 192–196.
3. *Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Тарасова Е.В. и др.* Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул: АЗБУКА, 2014. 271 с.
4. *Шаламов М.* Судебное устройство Казахстана. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 99 с.
5. *Бекмаханов Е.* Казахстан в 20–40-е гг. XIX в. Алма-Ата: «Казак университети», 1992. 398 с.
6. *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: «Санат», 1996. 656 с.
7. *Анисимова И.В., Лысенко Ю.А.* Нормативно-правовая база реформирования традиционной судебной системы казахского общества в XIX в. // Вестник алтайской науки. 2013. № 1. С. 78–82.
8. *Почкаев Р.Ю.* Основные этапы эволюции казахского суда биев (XV – начало XX вв.) // Зангер. 2008. № 4 (81). Апрель. С. 51–58.
9. *Зиманов С.З.* Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата: АН КазССР, 1958. 293 с.

<sup>7</sup> Указ императора Николая I о распространении на казахов общих законов Российской империи от 22 июня 1854 г. URL: [http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1760-1780/Kazach\\_rus\\_17\\_18/261-280/261.htm](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1760-1780/Kazach_rus_17_18/261-280/261.htm) (дата обращения: 27.03.2018).

<sup>6</sup> ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4079. Л. 1–3.

10. Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е гг. XIX в. М.: Наука, 1980. 280 с.

11. Ружицкая И.В. Судебное законодательство Николая I (работа над Уголовным и Гражданским уложениями) // Отечественная история. 2001. № 4. С. 41–57.

12. Васильев Д.В. Россия и Казахская степь в первой половине XIX века: на пути к интеграции // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2013. № 4(73). С. 5–21.

13. Васильев Д.В. Административное управление Малой Казахской ордой в первой половине XIX в. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 3. С. 40–45.

14. Материалы по истории политического строя Казахстана / сост. М.Г. Масевич. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. 441 с.

15. Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX в. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. 296 с.

16. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.): документы и извлечения. Барнаул: АЗБУКА, 2014. 582 с.

#### REFERENCES

1. Poberezhnikov I.V. Frontier modernization in the Russian civilizational context. *Regional'nye aspekty tsivilizatsionnogo razvitiia rossiiskogo obshchestva v XX stoletii: problemy industrializatsii i urbanizatsii: materialy mezhr regional'noy nauchnoy konferentsii. 6–7 iyunya 2013 g.* Novosibirsk, 2013, pp. 3–10. (In Russ.)

2. Nurpeisov T.A. "Stepnaya Commission" Activity on preparing reforms of 1867–1868 in Kazakhstan. *Izvestiia VUZov Kyrgyzstana*, 2010, no. 3, pp. 192–196. (In Russ.)

3. Lysenko Yu.A., Anisimova I.V., Tarasova E.V., Sturova M.V. The traditional Kazakh society in the Russian Empire national policy: the conceptual approaches and mechanisms of implementation (the XIX – early XX centuries). Barnaul, AZBUKA, 2014, 271 p. (In Russ.)

4. Shalamov M. The judicial system of Kazakhstan. Moscow, Yurid. izd-vo NK Yu SSSR, 1941, 99 p. (In Russ.)

5. Bekmakhanov E. Kazakhstan in the 20–40s of the XIX century. Alma-Ata, Kazak Univ., 1992, 398 p. (In Russ.)

6. Levshin A.I. Description of Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak, hordes and steppes. Almaty, Sanat, 1996, 656 p. (In Russ.)

7. Anisimova I.V., Lysenko Yu.A. The legal framework of reforming the traditional judicial system of the Kazakh society in the XIX century. *Vestnik altaiskoy nauki*, 2013, no. 1, pp. 78–82. (In Russ.)

8. Pochekaev R.Yu. The main stages of the evolution of the Kazakh court of the biys (the XV – early XX centuries). *Zanger*, 2008, no. 4, pp. 51–58. (In Russ.)

9. Zimanov S.Z. The social structure of Kazakhs of the first half of the XIX century. Alma-Ata, AN KazSSR, 1958, 293 p. (In Russ.)

10. Bekmakhanova N.E. The multinational population forming in Kazakhstan and northern Kyrgyzstan. The late XVIII – 60s of the XIX centuries. Moscow, Nauka, 1980, 280 p. (In Russ.)

11. Ruzhitskaya I.V. The judicial law of Nicholas I (elaborating the Criminal and Civil codes). *Otechestvennaya istoriya*, 2001, no. 4, pp. 41–57. (In Russ.)

12. Vasiliev D.V. Russia and the Kazakh steppe in the first half of the XIX century: towards integration. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 2013, no. 4, pp. 5–21. (In Russ.)

13. Vasiliev D.V. Administration of the Small Kazakh Horde in the first half of the XIX century. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2015, no. 3, pp. 40–45. (In Russ.)

14. Masovich M.G. (comp.). The historical contents of the political system of Kazakhstan. Alma-Ata, Izd-vo Akad. nauk KazSSR, 1960, 441 p. (In Russ.)

15. Zimanov S.Z. The political system of Kazakhstan in the late XVIII – early XIX centuries. Alma-Ata, Izd-vo Akad. nauk KazSSR, 1960, 296 p. (In Russ.)

16. Lysenko Yu.A. (ed.). Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: the conceptual approaches and mechanisms of implementation (the XIX – early XX centuries): documents and notes. Barnaul, AZBUKA, 2014, 582 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 25.06.2018

DOI: 10.15372/HSS20180316  
УДК 94(571.1):378.1

А. В. БЛИНОВ

## УСТАВНЫЕ НАЧАЛА УПРАВЛЕНИЯ ПЕРВЫМИ ВЫСШИМИ УЧЕБНЫМИ ЗАВЕДЕНИЯМИ СИБИРИ

Кемеровский государственный университет  
РФ, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

В статье содержится анализ уставной документации, определяющей организационные начала, принципы и механизмы управления первыми высшими сибирскими учебными заведениями: Императорским Томским университетом и Томским технологическим институтом императора Николая II. На основе сравнительного анализа общеимперских уставов и положений с нормативной документацией, определяющей принципы управления сибирскими высшими учебными заведениями, выявлены как общие принципы и подходы, так и различия, обусловленные спецификой учебных заведений и особенностями их учреждения. Показаны роль и статус администрации высших учебных заведений, определяемых уставной документацией. Отражены сфера компетенции и место в системе управления учебным заведением коллегиальных органов, представленных советами, комитетами и собраниями. Выявлены механизмы взаимодействия учебного заведения с органами региональной и центральной учебной администрации, формы контроля со стороны последних над деятельностью учебного заведения.

*Ключевые слова:* Сибирь, университет, технологический институт, устав, совет, собрание, ректор, попечитель.

A.V. BLINOV

## STATUTORY BASIS OF THE FIRST HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS MANAGEMENT IN SIBERIA

Kemerovo State University  
6 Red str., Kemerovo, 650000, Russian Federation

Despite the active expansion of educational institutions' types and kinds in the Russian Empire in the XIX century, a universal legislative act defining the organization principles of the management and control system was not developed. The statutes and directives regulated educational institutions activity (including the higher ones). At the same time, while the common imperial charters were developed for the universities, such practice was not applied to technical higher educational institutions. The late XIX century was marked by the beginning of the typological diversification of higher educational institutions in Siberia that singled out two higher school types: a classical university and a technological institute. The legislative acts adopted earlier, imperial analogues – “The General Charter of Imperial Russian Universities” (1884), “Regulation on Kharkov Practical Technological Institute” (1885) – became the normative documents determining the statutory foundations of the newly established higher education institutes activity. This paper objective is an attempt to reveal the correlation degree between the statutory documents regulating the activity of the first higher educational institutions in Siberia and general imperial counterparts available at that time. The regulatory documentation analysis showed that while Tomsk Technological Institute received originally developed regulations (adapted “Regulations on Kharkov Practical Technological Institute”), then the extension of “General Charter of the Imperial Russian Universities”, the Tomsk Imperial University required a transitional period, due to the fact that the University consisted only of the medical faculty. The comparative analysis of regulatory documentation by typological and territorial criteria allows concluding on similarity of management model principles (administrative positions and bodies, competences range, forms of accountability), which facilitated not only monitoring an educational institution, but its interacting with territorial and central bodies of educational authorities as well.

*Key words:* Siberia, university, technological institute, charter, council, meeting, rector, trustee.

---

Блинов Алексей Владимирович – канд. ист. наук, доцент, кафедра истории России Кемеровского государственного университета, e-mail: blinov\_alexey\_vlad@mail.ru.

Alexey V. Blinov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History of Kemerovo State University.

В Российской империи сформировалась обширная законодательная база, регулирующая основные векторы развития образования применительно к отдельным типам и видам учебных заведений. Единого законодательного акта для этой сферы не было выработано. По мнению авторов-составителей сборника «Российское законодательство об образовании XIX – начала XX века», важнейшей особенностью дореволюционного российского законодательства об образовании было то, что оно вытекало из образовательной политики государства, т.е. не из права, определенного законом, а из политической воли, которая формировала само право по своему усмотрению, исходя из политической и социально-экономической ситуации [1, с. 15]. Среди многочисленных законодательных актов (манифесты, указы, рескрипты и т.д.), которые определяли векторы государственной политики в сфере образования, представляют особый интерес уставы и положения.

Конец XIX – начало XX в. ознаменованы становлением высшего образования на территории азиатской части Российской империи: 16 мая 1878 г. был подписан указ, санкционирующий создание классического университета в г. Томске, а восемнадцать лет спустя, 29 апреля 1896 г., последовал указ о создании в том же городе практического технологического института<sup>1</sup>.

В последнее время история высшего образования привлекает внимание многих исследователей. Одним из последних фундаментальных исследований по данной проблеме является монография Е.А. Ростовцева, посвященная истории Санкт-Петербургского университета [2].

Вопросы развития высшего образования в Сибири неоднократно привлекали внимание исследователей и нашли отражение в ряде публикаций, затрагивающих становление высших учебных заведений, организацию образовательной и научной деятельности, формирование кадрового состава [3, 4, 5, 6, 7, 8]. Однако уставные принципы системы управления не стали предметом самостоятельного исследования, рассматривались как второстепенные. По словам С. И. Посохова, сами уставы университета освещались в основном в контексте проблемы университетского самоуправления [9, с. 379].

Обращение к проблеме нормативного регулирования принципов управления первыми сибирскими высшими учебными заведениями представляет интерес с позиции сравнительного анализа, позволяющего выявить как ряд общих подходов, так и особенностей. Для определения полноты специфики, в том числе региональной, необходимо, как минимум, проводить двухуровневый сравнительный анализ нормативной документации по принципу территориального и видового анализа.

Если говорить о территориальном контексте сравнительного анализа, основанного на выделении общеимперских и региональных нормативно-правовых актов, то следует отметить, что в основу уставной документации сибирских высших учебных заведений были положены преимущественно общегосударственные аналоги. Так, открытию в г. Томске

классического университета в составе единственного медицинского факультета предшествовало внедрение в практику «Общего Устава Императорских Российских Университетов», подписанного 23 августа 1884 г. (далее – Устав (1884))<sup>2</sup>. Что касается технологических институтов, то для них, в отличие от университетов, законодательная практика не имела опыта разработки общих уставов и положений. Однако аналогами стали положения технологических институтов европейской части страны. В качестве примеров могут выступать «Положение о С.-Петербургском Практическом Технологическом Институте», принятое 3 июля 1862 г. (далее – Положение (1862)) и «Положение о Харьковском Практическом Технологическом Институте», подписанное 16 апреля 1885 г. (далее – Положение (1885))<sup>3</sup>.

Сравнительный анализ нормативной документации, положенной в основу организационно-управленческих принципов Томского университета с Уставом (1884), позволяет сделать вывод о двусторонней тенденции: с одной стороны, стремление распространить единство принципов и подходов, а с другой, с учетом региональных особенностей, выработать адаптационно-переходный вариант. Так, в указе «Об открытии медицинского факультета Томского Университета» (далее – Указ (1888)) высказывалась идея распространения на него принципов Устава (1884), но во избежание юридических противоречий, так как согласно общеимперскому уставу обязательным было наличие четырех факультетов (историко-филологического, физико-математического, юридического и медицинского) (§ 3), делалась оговорка, «со следующими изменениями»<sup>4</sup>.

Таким образом, в системе управления сибирского классического университета изначально были допущены отклонения от общих правил и принципов. Во-первых, отсутствие факультетского собрания, которое было совмещено с советом университета. Устав (1884) предусматривал наличие собрания под председательством декана в рамках каждого факультета (§ 23). Во-вторых, отсутствие должности декана, чьи права и функции были возложены на секретаря факультета, избираемого ректором из числа ординарных профессоров и утверждаемых министром народного просвещения. По Уставу (1884), каждый факультет должен был иметь своего декана, который избирался попечителем учебного округа и утверждался министром (§ 22, 24). В-третьих, в правление университета входили инспектор студентов и три ординарных профессора, избираемых попечителем и утверждаемых министром. Согласно Уставу (1884), правление должно было состоять из деканов и инспектора (§ 40).

Только с открытием в составе Императорского Томского университета юридического факультета указом от 2 июня 1898 г. были отменены отступления от Устава (1884)<sup>5</sup>.

Согласно Уставу (1884), университет находился под контролем попечителя учебного округа, который являлся связующим звеном между министерством и университетом,

<sup>2</sup> Там же. Собр. 3-е. СПб., 1887. Т. 4, № 2404.

<sup>3</sup> Там же. Собр. 2-е. СПб., 1862. Т. 37, ч. 1, № 38439; Собр. 3-е. СПб., 1887. Т. 5, № 2870.

<sup>4</sup> Там же. СПб., 1890. Т. 8, № 5231.

<sup>5</sup> Там же. Собр. 3-е. СПб., 1900. Т. 17, № 14841; СПб., 1901. Т. 18, ч. 1, № 15504.

<sup>1</sup> Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. СПб., 1880. Т. 53, ч. 1, № 58527; Собр. 3-е. СПб., 1899. Т. 16, ч. 1, № 12853.

опирался на органы университетской администрации (§ 4, 7). На него была возложена ответственность за благоустройство университета, надзор за учебным процессом, контроль по соблюдению университетом правительственных распоряжений.

Ректор университета назначался министром народного просвещения из числа ординарных профессоров университета на четыре года (§ 10) (с 1903 г. ректор становится избираемым лицом). В обязанности ректора входили: контроль за учебным процессом и трудовой дисциплиной, порядком в учебных помещениях и сохранностью имущества, расходованием финансовых средств; председательство на заседаниях совета и правления; обращение в вышестоящие органы о награждении своих подчиненных; взаимодействие с министерством и окружными властями (§ 10–21).

При ректоре предусматривалось создание правления в составе деканов и инспектора студентов (§ 40). Круг вопросов, относящихся к компетенции правления, делился на четыре блока. Первый блок, предусматривающий окончательное решение правления, включал: распоряжение финансовыми средствами; разрешение на публикацию научных трудов; принятие решений о приеме студентов и их переводе на другой факультет или в другой университет; разбирательство по студенческим делам и вынесение взысканий. Второй блок, предусматривающий вынесение решений на совет университета, касался составления ежегодных финансовых отчетов. Третий блок, требующий утверждения решений правления со стороны попечителя учебного округа, включал следующие вопросы: производство сверхштатных расходов по одной статье из специальных сумм университета в размере не более 1000 руб.; заключение контрактов и подрядов на сумму до 7000 руб.; обсуждение предложений по улучшению хозяйственной части; выделение стипендий и денежных пособий студентам; распределение университетских помещений под квартиры должностным лицам и учебно-вспомогательные нужды; приглашение преподавателей искусств, избрание библиотекаря, секретаря правления, бухгалтера, казначея, архитектора и врача. Четвертый блок вопросов требовал утверждения министра народного просвещения, а именно: производство сверхштатных расходов из специальных средств университета на сумму более 1000 руб. по одной статье статей; заключение контрактов и подрядов на сумму более 7000 руб. (§ 41).

Высшим коллегиальным органом университетского управления являлся совет, состоявший под председательством ректора из профессоров. Вопросы, рассматриваемые советом, подразделялись на три блока. Первый содержал вопросы, по которым совет мог вынести окончательное самостоятельное решение: определение наград для студентов и присуждение ученых степеней. Второй блок – вопросы, которые после рассмотрения советом требовали утверждения попечителем учебного округа: мнения на предложения попечителя, избрание на вакантные преподавательские должности, распределение финансовых фондов факультетов на учебно-вспомогательные нужды. Третий блок являлся самым представительным и включал вопросы, по которым заключение совета через попечителя передавалось на рассмотрение и утверждение министра народного просве-

щения. Исходя из проблемно-содержательного критерия, их можно разделить на группы: кадровые – представление к наградам приват-доцентов, избрание почетных членов университета, замещение вакантных профессорских должностей; организационные – реорганизация кафедр, утверждение университетских научных обществ, обсуждение проектов инструкций; учебные – меры по улучшению учебного процесса, рассмотрение учебных планов и графиков; финансово-хозяйственные – рассмотрение росписи доходов и расходов по университету.

Во главе факультета стоял декан, который избирался попечителем учебного округа из числа профессоров и утверждался в должности министром народного просвещения на четырехлетний срок. Его непосредственной функцией являлся контроль над осуществлением учебного процесса.

С 1898 г., с открытием юридического факультета, на медицинском и юридическом факультетах появились не только деканы, но начали функционировать и советы, которые рассматривали вопросы, требующие заключения со стороны совета университета.

Что касается Томского технологического института императора Николая II, открытого на основании высочайше утвержденного Положения от 12 июня 1900 г., то в качестве аналога его уставной деятельности можно рассматривать Положение (1885)<sup>6</sup> (утвержденное для Харьковского практического технологического университета).

Сравнительный анализ Положений 1885 и 1900 гг. позволяет отметить ряд общих моментов, как и в случае с университетом, в организационно-управленческой модели. Во-первых, оба технологических института находились в ведении единого учредителя – Министерства народного просвещения и подчинялись попечителю учебного округа, как его региональному представителю (Положение (1885), § 17; Положение (1900), § 37). Во-вторых, для институтов предусматривалась идентичная система управления, представленная директором, помощником директора (для Харьковского института), инспектором студентов и коллегиальными органами – учебным и хозяйственным комитетами (Положение (1885), § 18, 21; Положение (1900), § 38, 41). Единственным отличием для Томского института являлось отнесение к управленческим структурам отделений. В-третьих, едиными были требования к представителям высшей институтской администрации: кандидатура директора избиралась министром народного просвещения «из лиц, известных своей ученою и преподавательской деятельностью» и утверждалась императором (Положение (1885), § 19, Положение (1900), § 39). В-четвертых, анализ нормативной документации свидетельствует о разительном сходстве в составе и функциональных обязанностях органов институтского управления. Учебный комитет (для Томского технологического института – совет), под председательством директора, состоял из профессоров и преподавателя богословия. К его компетенции относились три группы вопросов, по степени правомочности принятия решений и наполняемости очень похожие на вопросы, находящиеся в компетенции совета университета (Положение (1885), § 22–23; Положение

<sup>6</sup> ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1902. Т. 20, ч. 1, № 18869; СПб., 1887. Т. 5, № 2870.

(1900), § 46–47). Отличие состояло в том, что для решения финансовых и хозяйственных вопросов под председательством директора в составе трех выборных лиц был создан хозяйственный комитет (Положение (1885), § 27, 28; Положение (1900), § 48).

Положение (1885), в отличие от Положения (1900), не уделяло внимания управлению отделениями. Согласно Положению (1900) отделения Томского института находились под непосредственным контролем декана и собрания. Декан на основании § 43 назначался министром народного просвещения сроком на четыре года и должен был следить за организацией учебного процесса. Собрание отделения, под председательством декана, состояло из ординарных и экстраординарных профессоров. В случае необходимости на заседание собрания могли приглашаться преподаватели. За собраниями факультетов закреплялась обязанность подготовительных и исполнительных работ по вопросам, рассматриваемым советом института (§ 44–45).

Таким образом, уставные принципы управления Императорским Томским университетом и Томским технологическим институтом в целом соответствовали моделям управления высшими учебными заведениями соответствующего профиля.

Если сравнивать принципы и подходы к управлению сибирскими вузами, то, несмотря на их отнесение к разным видам (классический университет и технологический институт), на момент учреждения между ними также прослеживается ряд общих черт.

Во-первых, одним из важнейших объединяющих начал для двух первенцев высшего образования в Сибири являлось наличие единого учредителя в лице Министерства народного просвещения и отнесение их под контроль попечителя учебного округа (Устав (1884), § 4; Положение (1900), § 37). Во-вторых, высокие требования, предъявляемые к руководителю учебного заведения: ректор и директор назначались министром народного просвещения из числа опытных и высококвалифицированных профессоров (Устав (1884), § 10; Положение (1900), § 39). В-третьих, при руководителе учебного заведения определялись его непосредственные помощники: для Томского университета – инспектор по делам студентов, секретарь факультета (с 1908 г. – деканы медицинского и юридического факультетов); для Томского технологического института – помощник директора, инспектор студентов, деканы отделений. В-четвертых, при высших учебных заведениях создавались коллегиальные органы управления – советы. Исключение представлял Томский технологический институт, где наряду с советом был создан хозяйственный комитет (Устав (1884), § 28; Положение (1900), § 46). В-пятых, на администрацию высших учебных заведений распространялись схожие служебные предпочтения.

В соответствии со штатными расписаниями для высших учебных заведений Сибири должности ректора университета и директора института были отнесены к IV классу, что соответствовало чину действительного статского советника, давало право на потомственное дворянство и титулование «Ваше превосходительство». Деканы и секретари факультетов (отделений) по должности были отнесены к V классу, что соответствовало чину статского советника, титулу «Ваше высокоородие», но на основании указа от 9 декабря 1856 г. они

не получали потомственного дворянства, которое предоставлялось только с IV класса<sup>7</sup>.

Последующие изменения в управлении университетом и институтом происходили в соответствии с изменениями законодательства на имперском уровне. Так, в сентябре 1906 г. на основании Положения Совета министров была упразднена должность инспектора студентов и введена должность проректора<sup>8</sup>. Кандидатура на должность проректора должна была избираться советом университета из числа профессоров, а затем утверждаться министром народного просвещения. Данное обстоятельство вызывает интерес и в связи с тем, что просматриваемая идентичность в управлении университетом и институтом привела к тому, что совет Томского технологического института по аналогии с университетом в марте 1908 г. принял решение о замене должности инспектора студентов на помощника директора. Однако данная мера не была поддержана министерством [10, с. 73].

Анализ уставной документации позволяет сделать вывод о схожести подходов к организации системы управления высшими учебными заведениями разного профиля. При отсутствии универсального законодательного акта Министерства народного просвещения пыталось выработать унифицированную административную модель, позволяющую не только контролировать основные направления деятельности учебного заведения, но и эффективно взаимодействовать с региональными и центральными органами учебного ведомства.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российское законодательство об образовании XIX – начала XX века: сб. док.: в 3 т. М., 2017. 832 с.
2. *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: учебное сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 903 с.
3. *Зайченко П.А.* Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск, 1960. С. 25
4. Профессора Томского университета: Биографический словарь. Томск, 1996. Т. 1. 288 с.
5. Профессора Томского политехнического университета. Биографический справочник. Томск, 2000. Т. 1. 428 с.
6. *Фоминых С.Ф.* Роль Императорского Томского университета в развитии образования и науки в Сибири (1888–1917 гг.) // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2000. № 4 (20). С. 61–66.
7. *Лиценко О.В.* Томский университет в городском пространстве Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Югор. гос. ун-та. 2012. № 1(24). С. 18–22.
8. *Некрялов С.А.* Научные общества в Томском университете в дореволюционный период. Томск, 2013. 258 с.
9. *Посохов С.И.* Уставы российских университетов XIX века в оценках современников и потомков // Вопросы образования. 2006. № 1. С. 370–380.
10. *Карташов Н.И.* Административная организация института // Том. технологический ин-т за 25 лет своего существования. 1900–1925: Юб. сб. Томск, 1928. С. 73.

#### REFERENCES

1. Russian legislation on education in the XIX – early XX centuries: documents collection. Moscow, 2017, vol. 3, 832 p. (In Russ.)

<sup>7</sup> ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1857. Т. 31, ч. 1, № 31236.

<sup>8</sup> Там же. Собр. 3-е. СПб., 1909. Т. 26, ч. 1, № 28347.

2. *Rostovtsev E.A.* Capital University of the Russian Empire: an academic class, society and power (the second half of the XIX – early XX centuries). Moscow: Political encyclopedia, 2017, 903 p. (In Russ.)
3. *Zaichenko P.A., Pegel' V.A.* Tomsk State University named after V.V. Kuibyshev. Essays on the first Siberian University history for 75 years (1880–1955). Tomsk, 1960, 475 p. (In Russ.)
4. Professors of Tomsk University: a biographical dictionary. Tomsk, 1996, vol. 1, 288 p. (In Russ.)
5. Professors of Tomsk Polytechnic University. Biographical directory. Tomsk, 2000, vol. 1, 428 p. (In Russ.)
6. *Fominykh S.F.* The role of Tomsk Imperial University in developing education and science in Siberia (1888–1917). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2000, no. 4, pp. 61–66. (In Russ.)
7. *Ishchenko O.V.* Tomsk State University in the Siberian urban space (the late XIX – early XX centuries). *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012, no. 1, pp. 18–22. (In Russ.)
8. *Nekrylov S.A.* Scientific societies at Tomsk University in the pre-revolutionary period. Tomsk, 2013, 258 p. (In Russ.)
9. *Posokhov S.I.* Statutes of Russian universities in the XIX century assessed by contemporaries and descendants. *Voprosy obrazovaniya*. 2006, no. 1, pp. 370–380. (In Russ.)
10. *Kartashov N.I.* The Institute's administrative organization. *Tomskiy tekhnologicheskii institut za 25 let svoego sushchestvovaniya. 1900–1925: Yubileinyy sbornik*. Tomsk, 1928, p. 73. (In Russ.)

Статья принята  
редакцией 02.07.2018

DOI: 10.15372/HSS20180317  
УДК 94(571. 17):365"1922/1928"

Д.П. САРИН

## РОСТ ЖИЛИЩНОГО ФОНДА В ПРОМЫШЛЕННЫХ РАЙОНАХ КУЗБАССА (1922–1928 гг.)

Государственное бюджетное образовательное  
учреждение «Школа № 950»,  
РФ, 127273, г. Москва, ул. Декабристов, 26А

В статье рассматриваются состояние жилищного фонда в промышленных районах Кузбасса и деятельность производственных объединений угольной промышленности Кузнецкого бассейна в решении вопроса обеспечения жильем трудящихся и членов их семей в условиях нэпа. Показаны тяжелые жилищно-бытовые условия рабочих в рудничных поселках. Выделены периоды в процессе решения жилищной проблемы. Анализируется жилищное строительство в промышленных центрах бассейна и источники его финансирования. Определяется удельный вес жилфондов по районам и дефицит жилья среди шахтеров Кузбасса накануне первой пятилетки. Сделан вывод о том, что в рассматриваемый период наблюдались устойчивый рост жилищного фонда и улучшение жилищно-бытовых условий трудящихся, но преодолеть жилищный кризис не удалось.

*Ключевые слова:* жилищный кризис, жилищное строительство в Кузбассе, шахтеры, угольная промышленность, Кузбасстрест, Автономная индустриальная колония «Кузбасс», трест «Кузбассуголь», трест «Сибуголь».

D.P. SARIN

## GROWTH OF HOUSING STOCK IN INDUSTRIAL REGIONS OF KUZBASS (1922–1928)

State Budget Educational Institution "School No. 950"  
26A, Dekabristy str., Moscow, 127273, Russian Federation

The article highlights the situation in terms of housing a population in Kuzbass industrial centers and fighting the housing crisis in 1922–1928. The author used a problematic-chronological method that made it possible to trace the process of meeting housing needs of the working population in Kuzbass as well as housing construction of large coal trusts during NEP (New Economic Policy). Based on archival sources, the author analyzed housing stock, revealed the periods characterizing the approaches to fighting the housing crisis, identified funds for housing, as well as noted harsh living conditions of workers in Kuzbass mine settlements and towns. In 1922–1925, the housing stock growth took place due to limited housing construction, in which temporary houses, poorly adapted to local climatic conditions prevailed. At the same time, the population outflow from the mine settlements was observed, that had a positive effect on housing indicators of working people. 1926–1928 was marked by the revival of housing construction of apartment-type houses and private construction, as a result of loan money received by Kuzbassugol and Kuzbasstrast enterprises from the Central Bank for Communal Services and Housing. There were about 265,000 m<sup>2</sup> of living space at the disposal of industrial enterprises by October 01, 1928 as a whole, which showed doubling the housing stock of industrial Kuzbass. In total, before the first five-year plan about 36 thousand people or 62 % of the population in industrial regions were provided with housing. The author concluded that growth of the housing stock during NEP improved workers living conditions of Kuzbass industrial enterprises, had a positive impact on stabilization of the miners' personnel, but did not allow to overcome the housing crisis the aggravated miners' turnover in coal mines.

*Key words:* housing crisis, housing construction in Kuzbass, miners, coal industry, Kuzbasstrast, autonomous industrial colony "Kuzbass", Kuzbassugol trust, Sibugol trust.

---

Дмитрий Петрович Сарин – учитель истории, Государственное бюджетное образовательное учреждение «Школа № 950», e-mail: sarin.d@mail.ru.

Dmitry P. Sarin – teacher of history, State Budget Educational Institution "School No. 950".

Развитие угольной промышленности Кузбасса в 1922–1928 гг. сопровождалось высокой концентрацией населения в рудничных поселках, что не могло не привести к острой нехватке жилья. Для удовлетворения потребностей горнорабочих в жилье промышленные предприятия использовали собственные фонды, жилые помещения которых из-за крайней ограниченности оказались не в состоянии вместить всех нуждающихся. Зависимость количества рабочего контингента горняков от наличия жилья, особенно в южной группе рудников, была метко подмечена М. Богуславским и Н. Брянцевым: «Не предоставление рудничных квартир рабочим здесь (Прокопьевский район) означает не иметь вовсе этих рабочих» [1].

Жилищный кризис в данной отрасли получил освещение в работах сибирских ученых (см., напр.: [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]). Историки сходятся в оценке состояния жилищно-бытовых условий в промышленных районах Кузбасса в 1920-е гг., называя их «невообразимо тяжелыми» [11, с. 6]. Вместе с тем исследователи отмечают постепенный рост жилищного фонда и относительное улучшение положения горняков Кузбасса.

Несмотря на то, что жилищная проблема индустриального Кузбасса в условиях нэпа неоднократно рассматривалась в ряде научных публикаций, до сих пор картина жилищного кризиса и деятельность угольных трестов по его преодолению подробно не освещались. Попытаемся восполнить этот пробел.

Анализ жилищного фонда и жилищного строительства в промышленных районах бассейна позволяет выделить два периода в процессе удовлетворения жилищных потребностей рабочего населения Кузбасса в годы нэпа. Первый период – 1922–1925 гг. – характеризуется количественными колебаниями жилищного фонда в сторону роста, в основном за счет строительства жилья барачного типа, в том числе барачков временного использования. Второй период – 1926–1928 гг. – отличается значительным расширением жилищного фонда благодаря увеличению масштабов строительства домов квартирного типа и застройке частного сектора.

В Кузбассе главная роль в решении жилищного вопроса в данный период принадлежала вновь созданному в августе 1922 г. Государственному объединению угольной промышленности Кузнецкого бассейна (Кузбасстрест), в состав которого вошли все угледобывающие предприятия, за исключением Кемеровского рудника, переданного в январе 1923 г. Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» (АИК «Кузбасс») [12, с. 120–121].

В октябре 1922 г. исходя из производственных интересов и с целью закрепления на шахтах Кузбасстреста необходимого количества рабочей силы, а также с учетом имевшихся возможностей управляющим треста В.М. Бажановым инициируется план жилищного строительства с акцентом на возведение временного жилья. Строительство барачков временного использования было обусловлено недостатком финансовых средств и нехваткой на местах строительных материалов.

Жилищное строительство в 1922/23 операционном году в Кузнецком бассейне было тесно связано с расширением производства и увеличением угледобычи на юге Куз-

нецкого района, на который делалась ставка руководством Кузбасстреста и в котором практически отсутствовало казенное жилье.

В связи с переходом на хозяйственный расчет и отсутствием денежной поддержки со стороны Центра финансирования жилищного строительства в Кузбассе имело свои особенности. Так, на заседании комиссии по топливной промышленности при Президиуме Госплана 16 октября 1922 г. по предложению управляющего Кузбасстреста В. Бажанова при утверждении стоимости и твердых цен на кузбасский уголь в себестоимость произведенного товара были включены затраты на жилищное строительство. В счет этих средств планировалось построить в бассейне 20 тыс. м<sup>2</sup> жилья<sup>1</sup>. Из этого объема 12,8 тыс. м<sup>2</sup> (64 %) приходилось на временные помещения – так называемые «хворостянки», которые должны были заменить разрушавшиеся землянки на юге Кузнецкого района.

В результате строительных работ, выполненных Кузбасстрестом к 10 октября 1923 г., жилищный фонд пополнился 13 627,9 м<sup>2</sup>, из которых более половины приходилось на южную группу рудников (табл. 1).

Как видно из итоговых показателей программа жилищного строительства была выполнена только на 36 %, лишь на Судженском руднике она была выполнена практически полностью. На всех остальных рудниках планы строительства жилья были реализованы лишь частично, причем самые низкие показатели возведенного жилья приходились на Прокопьевский рудник – здесь выполнение программы составило 25,7 %, и Киселевский рудник – 26,4 %.

Построенное жилье с учетом минимальной нормы жилплощади в 4,55 м<sup>2</sup> на человека позволяет считать, что размещение на новой жилой площади в рудничных поселках Кузбасса 3028 чел. отчасти снизило напряженность в жилищном вопросе.

Основную часть построенного жилья на юге Кузнецкого района составляли дома временного использования. Так, жилплощадь в глинохворостяных, саманных, дерновых, тесовых и глиносоломенных домах составляла 5284,6 м<sup>2</sup>, или 73,4 %, на деревянные дома приходилось 1911,2 м<sup>2</sup>, или 26,6 %<sup>2</sup>.

С учетом того, что жилищный фонд Киселевского рудника на 21 сентября 1924 г. состоял из 60 барачков<sup>3</sup> с общей площадью 6697 м<sup>2</sup>, можно утверждать, что построенные бараки в 1923 г. увеличили казенную жилплощадь этого рудника вдвое.

Жилищный кризис испытывали и железнодорожные рабочие и служащие Кольчугинской новостройки Сиббпса, которых на 1 декабря 1923 г. насчитывалось 2904 чел.<sup>4</sup> В сведениях о работе Упрофстроя за ноябрь 1923 г. в разделе «Труд и быт» констатировалось: «Жилищные условия невозможные, вряд ли по Республике, где даже в самых глу-

<sup>1</sup> Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4. Л. 8 об.

<sup>2</sup> Подсчитано автором по данным: Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 392. Л. 88.

<sup>3</sup> Государственный архив Томской области. Ф. Р-788. Оп. 1. Д. 115. Л. 14.

<sup>4</sup> ГАКО. Ф. Р-263. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.

Жилищное строительство в рудниках Кузбасстреста в 1922/23 операционном году\*

Рудник	По плану, м <sup>2</sup>	Построено		Район	Построено по районам	
		м <sup>2</sup>	%		м <sup>2</sup>	%
Анжерский	3122,4	864,9	27,7	Северная группа рудников	2139,5	15,7
Судженский	1274,6	1274,6	100			
Ленинский	5648,0	4292,5	76	Центральная группа рудников	4292,5	31,5
Прокопьевский	14 549,0	3739,1	25,7			
Киселевский	13 093,9	3456,8	26,4	Южная группа рудников	7195,9	52,8
Всего по Кузбасстресту	37 688,0	13 627,9	36,1	Кузнецкий бассейн**	13 627,9	100

\* Составлено по: ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 392. Л. 88.

\*\* Без Кемеровского рудника, переданного АИК «Кузбасс».

хих уголках найдется: живут в вагонах, в землянках и даже, как звери в норах»<sup>5</sup>.

О тяжелом положении с обеспечением жильем рабочих Кузбасса свидетельствуют и результаты обследования, полученные в мае–июне 1924 г. представителями СибРКИ. В ходе проверки Анжеро–Судженского района были выявлены трудности в расквартировании рабочих и их семей, а также неудовлетворительное состояние значительной части жилых помещений.

На момент проверки 1 мая в жилом фонде числилось 88 606,3 м<sup>2</sup>, в этих помещениях проживали 16 468 чел., т.е. на 1 чел. приходилось почти 5,4 м<sup>2</sup>. Тем не менее проверяющий инспектор отметил в квартирах рабочих «нечеловеческую, а кошмарную уплотненность» в 1,5, 1,6 и 1,8 м<sup>2</sup> на человека<sup>6</sup>. Столь чрезмерная уплотненность объяснялась состоянием жилого фонда. В удовлетворительном состоянии находилось лишь 50 % жилых помещений, еще 25 % были признаны относительно годными для жилья, а 25 %, примерно 22 150 м<sup>2</sup> жилой площади, числившиеся в жилом фонде, пришли в полную негодность. Из-за нехватки жилья на 1 июня 1924 г. не были удовлетворены 700 заявлений рабочих о предоставлении квартир<sup>7</sup>.

Неудовлетворительное состояние жилых помещений подчеркивал акт обследования бараков на территории рудничных поселков. Так казенный полуземляной барак №572, в котором проживало 9 рабочих с семьями из 34 чел., характеризовался следующим образом: «Помещение представляет собой нечто кошмарно-ошеломляющее. Квартирами рабочих его никак нельзя назвать и невозможно, это не что иное, как каземат для пыток и человеческих страданий и мучений. Духота, теснота, темнота, грязнота, закопченность, печи дымят, потолок изогнулся, так по верху его ходят пригульная скотина: коровы, свиньи и другие. Насекомые (клопы, жукалицы, мокрицы, белые свистуны, сверчки и т.д.) набрасываются как злые собаки. Весной вода заливала пол более чем на четверть. Стекла выбиты, зимних рам нет. Живущие этого барака при уходе комиссии, цеплялись за руки, долго умоляли о том, чтобы их скорее перевели из этого помещения,

так как некоторые из них заживо здесь гниют, иные за эту зиму уже умерли»<sup>8</sup>.

На Кемеровском руднике жилищный вопрос обстоял лучше. Жильем были обеспечены 78 % рабочих и 90 % служащих<sup>9</sup>. У рабочих в среднем на одного человека приходилось 4,5 м<sup>2</sup>, а в семьях служащих – 7,5 м<sup>2</sup>. Лучшие условия проживания отмечались у колонистов-иностранцев, похуже – у русских рабочих, самые плохие помещения занимали мигрировавшие с Поволжья татары. Здесь уместно отметить прямую связь между показателями обеспечения жильем населения Кемеровского района с динамикой роста жилого фонда – благодаря развернутому АИК «Кузбасс» жилстроительству. Так, только за 1922/23 операционный год жилфонд увеличился на 9891,7 м<sup>2</sup>, или почти на 64 %.

Самое тяжелое положение с жильем сложилось на юге Кузнецкого района. Киселевский рудник обеспечивал жильем всего 54 % рабочего персонала. На Прокопьевском руднике жильем были удовлетворены 88 % рабочих и 70 % служащих, на одного проживавшего в помещении приходилось у рабочих – 3,1 м<sup>2</sup> и 5,9 м<sup>2</sup> – у служащих<sup>10</sup>. Причем жилые помещения, которые занимали рабочие, состояли на 59 % из землянок. Зимой в них было холодно, а летом через потолок протекала дождевая вода. Еще 13 % составляли жилые помещения в глинобитных и 5 % саманных бараках, и лишь 6 % приходилось на новые деревянные бараки.

Жилищный фонд Ленинского района в 1924 г. в связи с закрытием Шестаковского рудника и ликвидацией землянок на Ленинском руднике сократился на 1957,4 м<sup>2</sup><sup>11</sup>.

По итогам обследования комиссия СибРКИ констатировала: «Неудовлетворительность значительной части жилищ отмечена и в других обследованных районах (Сибири), но хуже в Кузбассе»<sup>12</sup>. Результаты обследования промышленных районов Кузбасса позволяют представить степень обеспеченности жильем населения этих районов (табл. 2).

Приведенные в табл. 2 данные свидетельствуют о том, что прирост жилищного фонда каменноугольной промышленности Кузбасса составлял 29 197 м<sup>2</sup>, или в сравнении

<sup>8</sup> Там же. Л. 130 об.

<sup>9</sup> Там же. Л. 131 об.

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> Там же. Д. 100. Л. 76.

<sup>12</sup> Там же. Д. 48. Л. 136 об.

<sup>5</sup> ГАКО. Ф. Р-263. Оп. 1. Д. 3. Л. 30.

<sup>6</sup> Там же. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 48. Л. 130.

<sup>7</sup> Там же.

Жилищный фонд каменноугольной промышленности Кузбасса в 1922–1924 гг.\*

Промышленные районы Кузбасса	На 1 октября 1922 г.			На 1 октября 1923 г.			На 1 июля 1924 г.		
	Жил. фонд, м <sup>2</sup>	Население, обеспеченное жильем, чел.	Жил. площ. на 1 чел., м <sup>2</sup>	Жил. фонд, м <sup>2</sup>	Население, обеспеченное жильем, чел.	Жил. площ. на 1 чел., м <sup>2</sup>	Жил. фонд, м <sup>2</sup>	Население, обеспеченное жильем, чел.	Жил. площ. на 1 чел., м <sup>2</sup>
Анжеро-Судженский	84 768,9	21 510	3,9	86 353,0	18 688	4,6	89 648,7	16 683	5,4
Ленинск-Кузнецкий	20 848,5	7940	2,6	23 393,1	5949	3,9	21 435,7	5606	3,8
Прокопьевский	11 585,0	3301	3,5	13 091,8	4203	3,1	21 526,8	4840	4,4
Кемеровский (АИК «Кузбасс»)	15 522,6	4548	3,4	25 414,3	5177	4,9	29 310,8	6202	4,7
В с е г о	132 725,0	37 299	3,6	148 252,2	34 017	4,4	161 922,0	33 331	4,9

\* Составлено по обобщенным данным Кузбасстреста и АИК «Кузбасс»; ГАНО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 100. Л. 75 об.

с 1922 г. увеличился на 22 %, но в то же время количество населения, проживавшего в жилых помещениях рудничных поселков, сократилось на 3968 чел., т.е. отток населения из каменноугольных районов составлял 10,6 %.

Таким образом, прирост жилого фонда, с одной стороны, и отток населения – с другой, положительно отразились на показателях жилой площади, приходившейся на одного человека. Так, если в 1922 г. на одного человека приходилось 3,5 м<sup>2</sup>, то в 1924 г. – почти 4,9 м<sup>2</sup>.

В конце 1925 г. происходят положительные сдвиги в возведении нового жилья в угольных районах Кузбасса, в том числе в Анжеро-Судженском районе. Так, в пояснительной записке к производственной программе Кузбасстреста на 1925/26 г. в разделе, посвященном жилищному строительству, отмечалось, что согласно десятилетнему плану развития копий в смету была внесена постройка 67 домов четырехквартирного типа общей площадью 10 775 м<sup>2</sup>, по 8 тыс. руб. на каждый дом<sup>13</sup>.

Увеличение финансирования жилищного строительства до 536 тыс. руб. было предложено Горным директором Центрального управления государственной промышленности ВСНХ СССР (за счет директората) и утверждено на заседании рабочей комиссии Топплана по рассмотрению производственной программы топливной промышленности на 1925/26 г.<sup>14</sup> Данное решение диктовалось острой нуждой в жилье шахтеров Анжеро-Судженского района. Так, на 1 октября 1925 г. Кузбасстрест располагал 76 157 м<sup>2</sup> жилой площади. По сравнению с 1 мая 1924 г. жилищный фонд сократился на 12 449,3 м<sup>2</sup>, что было связано с выводом из строя ветхого и полуразрушенного жилья. Такое состояние жилплощади не позволяло увеличить количество шахтеров, которых в то время насчитывалось 4015 чел.<sup>15</sup> Этот состав шахтеров способен был обеспечить добычу угля около 34 млн. пуд., или 75 % производственного плана, всего по плану было намечено добыть 45 млн пуд.<sup>16</sup>

Кузбасстрест, апеллируя данными цифрами, подчеркивал, что имевшийся жилой фонд не позволял привлечь необходимое количество рабочих, поэтому трест не гарантировал выполнение планового задания. Такая аргументация позволила добиться выделения дополнительных средств – на постройку новых домов.

Нужно отметить, что строительство и эксплуатация деревянных домов в то время были дешевле примерно на 25–30 % по сравнению с кирпичными [13], поэтому Кузбасстрест, экономя средства, застраивал горняцкие поселки деревянными домами.

В последующие два года размер инвестиций в строительство жилых домов для трудящихся угледобывающих предприятий Анжеро-Судженского района был увеличен, это стало возможным благодаря денежным поступлениям в виде ссуд, полученных Кузбасстрестом от краевого отделения, созданного в январе 1925 г. Центрального банка коммунального хозяйства и жилищного строительства (Цекомбанк).

В 1926/27 г. на жилищное строительство Кузбасстрестом было израсходовано 1 360 035 р. 80 к., что превышало утвержденную программу на 34,1 %<sup>17</sup>. Финансирование строительных работ позволило в Анжеро-Судженском районе сдать в эксплуатацию к 1 октября 1927 г. 148 домов, что обеспечило прирост жилой площади треста на 17 178,5 м<sup>2</sup><sup>18</sup>.

Помимо запланированного строительства жилья в 1926/27 г. Кузбасстрест впервые применил опыт индивидуального кредитования рабочих, решившихся на постройку в районе копей частных домов. Максимальный размер кредита на строительство собственных домов для рабочих Кузбасстреста достигал 500 руб. и предусматривал долгосрочное погашение<sup>19</sup>. Всего по программе кредитования за отчетный год рабочим были выданы ссуды на сумму 76 663 руб.<sup>20</sup>, что составляло 61,3 % от установленного лимита.

<sup>13</sup> ГАКО. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 9. Л. 215 об.

<sup>14</sup> Там же. Л. 111 об.

<sup>15</sup> Там же. Л. 215 об.

<sup>16</sup> Там же. Л. 107 об.

<sup>17</sup> Там же. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 215. Л. 111.

<sup>18</sup> Там же.

<sup>19</sup> Там же. Д. 218. Л. 116.

<sup>20</sup> Там же. Д. 215. Л. 111.

В рамках реализации программы индивидуального кредитования в течение года на территории Анжерского и Судженского рудников рабочими был построен 121 дом общей площадью 5 595 м<sup>2</sup> и еще 53 дома находились в стадии строительства<sup>21</sup>.

В следующем году Кузбасстрестом в рамках жилищно-строительства были освоены финансовые средства в размере 1 506 600 руб.<sup>22</sup> Таким образом, увеличение объемов жилищного строительства Кузбасстреста в 1926–1928 гг. было связано с получением от Цескомбанка денежных ссуд.

Возведение нового жилья в эти годы занимались и в других промышленных районах бассейна, входивших сначала в состав АИК «Кузбасс», а затем в трест «Кузбассуголь».

В отличие от Кузбасстреста, который застраивал рабочие поселки Анжерки и Судженки только деревянными домами, АИК «Кузбасс», помимо традиционных деревянных домов, практиковал строительство кирпичных блочных домов по проектам голландского архитектора Й. Б. ван Лохема, работавшего в 1926–1927 гг. в Кемерове [14, с. 47].

Контроль за выполнением программы жилищного строительства и освоения денежных средств, полученных по ссудам согласно заключенным договорам, осуществляли комиссии, в состав которых входили представители Цескомбанка и рудоуправлений Кузбасса<sup>23</sup>.

Всего в 1926/27 г. трестом «Кузбассуголь» было построено и введено в эксплуатацию 123 деревянных и 19 каменных жилых домов с общей площадью 16 177,4 м<sup>2</sup>, что увеличило жилплощадь предприятий треста на 16,2 %. Новое жилье должно было снизить потребность в жилых помещениях, в первую очередь среди семейных шахтеров – для них было построено 676 новых квартир. В то же время было возведено три здания казарменного типа, они предназначались под общежития для рабочих, два – в Ленинске и одно – в Прокопьевске с общей площадью 1040,2 м<sup>2</sup>, что составляло 6,4 %<sup>24</sup>. По району новое жилье распределялось следующим образом: на долю Кемеровского района приходилось 6222,7 м<sup>2</sup> (38,5 %), Прокопьевского – 5277,2 м<sup>2</sup> (32,6 %) и Ленинского – 4678,5 м<sup>2</sup> (28,9 %).

Благодаря жилищному строительству с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1928 г. Кузбассуголь увеличил свой жилищный фонд примерно на 40 тыс. м<sup>2</sup>. Одновременно в связи с износом часть жилья выходила из эксплуатации, так, за 1927–1928 гг. убыль составила 2085 м<sup>2</sup> казенного жилья<sup>25</sup>.

Всего в рамках планового жилищного строительства в угольных районах Кузбасса в 1927 г. было введено в эксплуатацию 290 новых домов с общей площадью 33 355,9 м<sup>2</sup>. Между производственными объединениями бассейна новое жилье распределялось следующим образом: Кузбасстрест – 51,5 %, «Кузбассуголь» – 48,5 %, что косвенно свидетельствует о выделении трестам примерно равных финансовых средств на жилищное строительство.

Несмотря на оживление жилищного строительства в последние годы нэпа, жилищный кризис в угольных рай-

онах Кузбасса не был преодолен. Об этом свидетельствует протокол заседания коллегии СибРКИ от 15 июня 1928 г., в котором отмечалось, что одной из причин текучести кадров в Анжеро-Судженском районе являлся «острый жилищный кризис копей»<sup>26</sup>.

На 1 октября 1928 г. жилфонд треста «Сибуголь», объединившего все предприятия угольной промышленности бассейна, насчитывал 239 481 м<sup>2</sup> жилой площади [1, с. 16]. С учетом жилфондов Кемеровского коксохимического и Гурьевского заводов, располагавших соответственно<sup>27</sup> 19 836 и 5050 м<sup>2</sup>, общий размер жилищного фонда индустриального Кузбасса накануне первой пятилетки составлял 264 367 тыс. м<sup>2</sup>, что в 2 раза превышало показатели 1922 г., а средний размер жилплощади на одного человека увеличился до 7,3 м<sup>2</sup>.

Вместе с тем прирост жилой площади незначительно отразился на количестве рабочего населения, обеспеченного казенным жильем. Так, если 1 июля 1924 г. на жилплощади, принадлежавшей промышленным предприятиям, проживало 33 331 чел., то на 1 октября 1928 г. казенным жильем было обеспечено около 36 тыс. чел., или 62 % населения угольных районов Кузбасса, т.е. прирост населения, проживавшего в квартирах жилфонда предприятий, не превышал 8 %.

Удельный вес жилищного фонда Кузбасса распределялся между промышленными районами следующим образом: на долю Анжеро-Судженского района приходилось 121 094 м<sup>2</sup>, или 45,8 %, Кемеровского – 53 919 м<sup>2</sup>, или 20,4 %, Ленинского – 45 621 м<sup>2</sup>, или 17,3 %, Прокопьевского района – 38 683 м<sup>2</sup>, или 14,6 %, и Гурьевска – 1,9 %.

Таким образом, жилищный фонд Кузбасса в годы нэпа имел устойчивую тенденцию роста благодаря расширению жилищной базы и развернутому жилищному строительству. Улучшение жилищно-бытовых условий рабочих в шахтерских городах и поселках способствовало стабилизации состава рабочих и постепенному увеличению численности населения в угольных районах Кузбасса. Однако дефицит жилья среди горняков не был ликвидирован.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богуславский М., Брянцев Н.Я.* Кузбасс и Тельбесс. Новосибирск, 1928. 55 с.
2. *Московский А.С.* Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1920–1937 гг.): дис. ... д-ра. ист. наук. Новосибирск, 1968. 991 с.
3. *Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.)* // Новосибирск, 1982. 425 с.
4. *Циприс Б.* Города Кузбасса // Вторая угольная база СССР. Кузбасс. Новосибирск, 1936. Ч. 2, кн. 2: Техника производства и экономика Кузбасса. С. 250–270.
5. *Кривошеева Е.А.* Промышленность Кузнецкого бассейна в восстановительный период (1920–1927 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1965. 395 с.
6. *Шуранов Н.П.* Прокопьевск. Кемерово, 1964. 112 с.
7. *Никитин М. А.* Жемчужина Кузбасса // Строим Кузбасс / сост. А.М. Титов. Кемерово, 1984. С. 91–96.
8. *Галкина Л.Ю.* Автономная индустриальная колония «Кузбасс». Кемерово, 2011. 207 с.

<sup>21</sup> ГАКО. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 215. Л. 111.

<sup>22</sup> Там же. Д. 171. Л. 29 об., 30.

<sup>23</sup> Там же. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 177. Л. 14.

<sup>24</sup> Там же. Д. 182. Л. 44.

<sup>25</sup> Там же. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 8. Л. 64.

<sup>26</sup> ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 378. Л. 20.

<sup>27</sup> ГАКО. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 182. Л. 45; Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 8. Л. 29 об.

9. *Каймашикова Е.Б.* История становления и развития угольно-металлургических городов Кузбасса в 20-е – середине 80-х гг. XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2004. 221 с.

10. *Давлетшина О.Ю.* Опыт международного сотрудничества Кузбасса в производственно-технической сфере в 20–30-е годы XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2003. 221 с.

11. *Ефимкин М.М.* Жилищный фактор в процессе индустриальной адаптации Сибири в XX–XXI вв. // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв. Новосибирск, 2008. С. 3–45.

12. *Заболотская К.А., Халиуллина А.А., Карпенко З.Г., Мишенин С.Е., Бикметов Р.А., Киселев Ю.П., Некрасов Г.С., Теодорович Б.А., Кожихов О.В., Реховская Т.А., Кривошеева Е.А.* Угольная промышленность Кузбасса, 1721–1996. Кемерово, 1997. 301 с.

13. *Хиценко Е.В.* Задачи типизации жилищного строительства Западной Сибири в 1920-е годы // Архитектон: известия вузов: Электронный научный журнал. 2015, № 49. 12 с. URL: [http://archvuz.ru/2015\\_1/12](http://archvuz.ru/2015_1/12) (дата обращения: 07.04.2018).

14. *Зюзьков Ю.С., Захарова И.В.* Ян Ван Лохем. Строительство нового жилья для «нового человека» (О проекте «Дома холостых» на Кемеровском химзаводе) // Балибаловские чтения: материалы 2-й науч.-практ. конф. Кемерово, 2001. С. 46–55.

#### REFERENCES

1. *Boguslavskiy M., Bryantsev N.Ya.* Kuzbass and Tel'bess. Novosibirsk, 1928, 55 p. (In Russ.)

2. *Moskovskiy A.S.* Working class of Siberia in the socialism development period (1920–1937): diss. Novosibirsk, 1968, 991 p. (In Russ.)

3. *Moskovskiy A.S. (ed.)*. Working class of Siberia in the period of building socialism (1917–1937). Novosibirsk, 1982, 425 p. (In Russ.)

4. *Tsipris B.* Kuzbass towns. *Vtoraya ugolnaya baza SSSR*. Kuzbass. Novosibirsk, 1936, pt. 2, bk. 2, pp. 250–270. (In Russ.)

5. *Krivosheeva E.A.* Kuznetsk coal basin industry in the recovery period (1920–1927): diss. Tomsk, 1965, 395 p. (In Russ.)

6. *Shuranov N.P.* Prokopyevsk. Kemerovo, 1964, 112 p. (In Russ.)

7. *Nikitin M.A.* Pearl of Kuzbass. *Stroim Kuzbass*. Kemerovo, 1984, pp. 91–96. (In Russ.)

8. *Galkina L.Y.* The autonomous industrial colony “Kuzbass”. Kemerovo, 2011, 207 p. (In Russ.)

9. *Kaimashnikova E.B.* History of formation and development of coal-metallurgical towns of Kuzbass in 1920s – mid-80s: diss. Kemerovo, 2004, 221 p. (In Russ.)

10. *Davletshina O.Yu.* The experience of international cooperation of Kuzbass in industrial-technological fields in 1920–1930s: diss. Kemerovo, 2003, 221 p. (In Russ.)

11. *Efimkin M.M.* Housing factor in the process of Siberia industrial adaptation in the XX–XXI centuries. *Opyt resheniya zhilishshnoy problemy v gorodakh Sibiri v XX – nachale XXI vekov*. Novosibirsk, 2008, pp. 3–45. (In Russ.)

12. *Zabolotskaya K.A., Khaliulina A.A., Karpenko Z.G., Mishenin S.E., Bikmetov R.A., Kiselyov Y.P., Nekrasov G.S., Teodorovich B.A., Kozhikhov O.V., Rekhovskaya T.A., Krivosheeva E.A.* Kuzbass coal industry, 1721–1996. Kemerovo, 1997, 301 p. (In Russ.)

13. *Khitsenko E.V.* Tasks of typifying the housing construction in West Siberia in 1920s. *Arkhitekton: Izvestiya vuzov*, 2015, no. 49, pp. 1–12, URL: [http://archvuz.ru/2015\\_1/12](http://archvuz.ru/2015_1/12) (accessed: 07.04.2018). (In Russ.)

14. *Zyuz'kov Yu.S., Zakharova I.V.* Johannes van Loghem: construction of a new housing for a “new man” (on the project “Houses of Bachelors” at Kemerovo Chemical Plant). *Balibalovskie chteniya: materialy vtoroy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Kemerovo, 2001, pp. 46–55. (In Russ.)

Статья принята редакцией 24.05.2018

DOI: 10.15372/HSS20180318  
УДК 94(47+571)“1929/1934”

А.А. ПЛЯСУЛЯ

## ЖИВОТНОВОДЧЕСКИЕ СОВХОЗЫ СИБИРИ В 1929–1934 гг.

Институт истории СО РАН,  
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье освещаются вопросы организации и функционирования животноводческих совхозов в Сибири в 1929–1934 гг. Специализированные совхозы должны были внести весомый вклад в решение продовольственной и сырьевой проблемы в СССР. До 1932 г. число хозяйств и их землепользование увеличивалось. Совхозы не оправдали надежд, возлагаемых на них советским руководством. Продуктивность скота была меньше, чем в единоличных хозяйствах и колхозах. Но главной проблемой для властей являлась высокая себестоимость производства и соответственно его низкая рентабельность. В 1933 г. программу совхозного строительства свернули. Началась реорганизация животноводческих совхозов, которая сводилась в основном к их разукрупнению и расширению специализации. Оптимизация совхозной сети не привела к преодолению негативных явлений в животноводческом хозяйстве совхозов.

*Ключевые слова:* аграрная политика советского государства, коллективизация, совхозы, сельское хозяйство, животноводство, Сибирь.

A.A. PLYASULYA

## LIVESTOCK STATE FARMS OF SIBERIA IN 1929–1934

Institute of History SB RAS,  
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article deals with the issues of the organization and work of livestock-breeding state farms in Siberia in 1929–1934. Specialized state farms had to make a significant contribution to solve food and raw material problems in the USSR. Until 1932 the number of farms and their land use increased. State farms did not justify expectations laid upon them by the Soviet authorities. The cattle productivity was less than in individual farms and collective farms. But the main problem for the authorities was the high cost of production and, accordingly, its low profitability. In 1933 the program of state-farm construction was closed up. The reorganization of livestock-breeding state farms began, which was reduced mainly to the disaggregation and expansion of specialization. Optimization of the state farm network did not lead to overcoming the negative phenomena in the livestock sector of state farms.

*Key words:* Soviet state agrarian policy, collectivization, state farms, agriculture, livestock production, Siberia.

В 1920-е гг. совхозы играли весьма незначительную роль в производстве продукции животноводства, являясь по сути опытно-показательными хозяйствами. В 1928 г. в Сибирском крае функционировало 8 крупных совхозов, 3 из них входили в «Госсельтрест» и 5 – в трест «Овцевод». Из 44 нетрестированных совхозов специализировались на коневодстве 3 и смешанную специализацию (с преобладанием животноводства) имели 9 хозяйств [1, с. 237–239]. В животноводческих совхозах края, по нашим расчетам, было сосредоточено не более 0,1 % поголовья продуктивного скота.

XV съезд ВКП(б) взял курс на коллективизацию сельского хозяйства. Составной частью модернизации аграрного сектора являлось совхозное строительство. Первоначально ставка была сделана на организацию зерновых совхозов. Строительство крупных животноводческих хозяйств развернулось в 1930 г. Были созданы специализированные тресты «Скотовод» (мясосовхозы), «Маслотрест» (молочные совхозы), «Свиноводтрест». В конце 1930 г. в Западно-Сибирском крае насчитывалось 27 трестированных совхозов мясомолочного направления, 8 свиновозов, 9 овцесовхозов, в Восточно-Сибирском крае – 4 мясомолочных и

---

Антон Александрович Плясуля – соискатель, Институт истории СО РАН, e-mail: antonplyasulya1991@gmail.com.  
Anton A. Plyasulya – applicant, Institute of History SB RAS.

5 овцеводческих предприятий. Всего в Сибири им принадлежало 171,6 тыс. голов крупного рогатого скота (КРС), в том числе 42 тыс. коров, 8,8 тыс. свиней, 119,7 тыс. овец<sup>1</sup>.

В 1931 г. интенсивное совхозное строительство продолжалось. Причем количество животноводческих совхозов стало расти быстрее, чем зерновых. Более того, часть зерновых совхозов, земли которых были не пригодны для выращивания хлебов, переорганизовали в животноводческие. Так, 9 зерносовхозов, формируемых на территории Западно-Сибирского края, передали в ведение трестов «Скотовод» и «Овцевод» [1, с. 380], так как они больше соответствовали развитию животноводства. Кроме того, в 1931 г. обострилась проблема снабжения городского населения мясopодукцией. Вызванный форсированной коллективизацией кризис в животноводстве был более глубоким, чем в зерноводстве. К концу 1931 г. в Западно-Сибирском крае функционировал 71 трестированный мясомолочный совхоз, 18 свиновозов, 12 овцесовхозов, в Восточно-Сибирском крае – 7, 12 и 8 хозяйств соответственно. Поголовье КРС в трестированных животноводческих совхозах обоих краев увеличилось за год в 2,7 раза (до 465,9 тыс. голов), коров – в 5,6 раза (до 249,2 тыс.), свиней – в 8,3 раза (до 94,6 тыс.), овец – в 1,4 раза (до 539,2 тыс.)<sup>2</sup>.

В 1932 г. число трестированных мясомолочных совхозов в Западно-Сибирском крае выросло до 192, свиновозов – до 41, овцесовхозов – до 15. В Восточно-Сибирском крае количество свиновозов и овцесовхозов осталось прежним, а мясомолочных – увеличилось до 18<sup>3</sup>. Рост числа хозяйств происходил частично за счет разукрупнения. Гигантские размеры совхозов затрудняли управление ими. Некоторые совхозы занимали по 200–300 тыс. га и располагались на территории 4–5 административных районов<sup>4</sup>. В первую очередь были разукрупнены совхозы Запсибскотопродрестра: Тюкалинский, Коченево-Чулымский и Абакано-Идринский совхозы разделили на три новых хозяйства, Каргат-Сарабалыкский, Солонешенский, Тисульский – на два<sup>5</sup>. В совхозах на основе хозрасчета создавались отделения и фермы с постоянным составом рабочих и зоотехнического персонала, за фермами закреплялись скот, сельскохозяйственные машины и инвентарь.

Несмотря на попытки наладить организацию труда в совхозах, его производительность оказалась существенно ниже ожидаемой. По показателям продуктивности скота совхозы уступали не только единоличным крестьянским хозяйствам, но и колхозам. Надой молока на одну корову в совхозах Западно-Сибирского края в 1931 г. составлял 6,9 ц, в 1932 г. – 7,5 ц, а в колхозах соответственно 8,4 и 10,0 ц<sup>6</sup>. Совхозы испытывали острую нужду в квалифицированных кадрах – зоотехниках, ветеринарах, экономистах. Большин-

ство кадров готовилось на краткосрочных курсах, качество их подготовки было низким. В животноводческих хозяйствах абсолютно преобладал ручной труд. На фермах механизация фактически отсутствовала, а кормопроизводство было механизировано слабо. В Западно-Сибирском крае в 1932 г. в среднем на один совхоз мясомолочного направления приходилось примерно 7 тракторов, а на овцесовхоз – 18. В Восточно-Сибирском крае на один скотоводческий и свиноводческий совхоз приходилось 7, а на овцеводческий – 12 тракторов [1, с. 386]. Рабочей силы для уборки кормов в совхозах не хватало, и они были вынуждены обращаться за помощью в соседние колхозы или нанимать на временную работу единоличников.

Высоким был процент падежа сельскохозяйственных животных, прежде всего молодняка. Так, в 1931 г. падеж скота в хозяйствах Западно-Сибирского «Маслотреста» составил 21 %. Весной 1933 г. отход приплода в Западно-Сибирского края по свиновозам достигал 33 %, по овцесовхозам – 19, а по маслосовхозам – колебался от 33 до 60 %<sup>7</sup>.

Низкая продуктивность и высокий процент падежа являлись следствием недостатка кормов, животноводческих помещений, плохого ухода за скотом, нехватки квалифицированных специалистов, отсутствия опыта у работников совхозов. Постоянным спутником совхозного производства являлась невиданная в доколхозной деревне бесхозяйственность. Крайне низкими были трудовая дисциплина и качество выполняемых работ. Члены комиссии ЦК и ЦКК ВКП(б), обследовавшие в 1932 г. животноводческие совхозы, констатировали, что в них «не соблюдаются простые, элементарные, известные каждому крестьянину правила ухода за скотом»<sup>8</sup>.

Типичная картина состояния животноводства в совхозах отображена в докладной записке комиссии, обследовавшей в конце сентября 1933 г. свиновозов «Овражный» Томского района, в Западно-Сибирский крайком ВКП(б) и крайисполком: «17 % свиного стада находится сейчас в летниках, 34 % – постановлено в необорудованные зимние свинарники и 49 % – находится под открытым небом. В летниках невылазная грязь, ни от ветра, ни от дождя летники не спасают. Подстилка не подвезена, хотя все возможности имеются. Запаса кормов нет. <...> Скот стоит под дождем, в грязи и на морозе. Вследствие этого 635 свиней, поставленных на откорм, имеют на 50 % нижесреднюю и на 40 % среднюю упитанность. Организация кормления поставлена из рук вон скверно. Корма даются на глазок, не придерживаясь веса свиней и не полностью (2 кормовых единицы вместо 4-х). Имеется только овес. Ячмень, корнеклубнеплоды и минералы отсутствуют совсем. Соли нет уже год, и свиньи грызут хвосты и поедают порослят. Чтобы спасти скот, его с 30/IX ставят на зиму в не законченные постройкой свинарники» [2, с. 141–142].

В то же время себестоимость производства сельхозпродукции в совхозах была на порядок выше, чем в колхозах. Государство вынуждено было тратить значительные средства на материально-техническое и финансовое обеспечение

<sup>1</sup> Сельское хозяйство СССР: ежегодник 1935. М., 1936. С. 788, 798–799, 894, 900, 969, 974.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же. С. 788, 894, 969.

<sup>4</sup> Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-285. Оп. 1. Предисловие. Л. 9.

<sup>5</sup> Там же. Д. 169. Л. 139.

<sup>6</sup> Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства Западной Сибири за первое пятилетие. 1928–1932 гг. Новосибирск, 1934. С. 64.

<sup>7</sup> ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 132. Л. 14; Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.

<sup>8</sup> Там же. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 132. Л. 5.

совхозов. Их работники, в отличие от колхозников, получали гарантированную заработную плату. В материалах созданной в 1931 г. по инициативе Сталина специальной комиссии по проверке хозяйственной деятельности совхозов констатировалось, что они «фактически повисли на шее у государства» [3, с. 36]. Многие совхозы оставались нерентабельными. 1932 г. западносибирские животноводческие тресты закончили с убытком: «Свиновод» – в 11 млн руб., «Овцевод» – в 1,9 млн руб. [1, с. 397].

В качестве примера финансового положения совхозов вновь обратимся к ситуации в свиноводстве «Овражный»: «Вследствие недовыполнения производственной программы, высокой себестоимости (убытки), отсутствия борьбы за мобилизацию внутренних ресурсов и полного игнорирования задачи организации финансового хозяйства финансовое состояние совхоза чрезвычайно напряженное. На первое сентября недостаток собственных оборотных средств равен 233 000 рублей. Задолженность по зарплате составляет 113 000 руб. Большинству рабочих зарплата не выплачена с мая мес[яца]. За работу колхозам и единоличникам не уплачено. Просрочка в Госбанке равна 99 400 рублей. Долги разным организациям составляют 73 700 руб. За дебиторами совхоз имеет 28 000 р[уб]. и за подотчетными лицами – 18 000 руб. По составленному комиссией финплану совхоза на октябрь доход равен 155 700 руб., а расход – 278 400 руб. Платежный разрыв – 122 700 рублей – покрывать нечем» [2, с. 144].

Негативно на финансово-хозяйственном состоянии животноводческих совхозов сказывалась чрезмерно узкая специализация. Полеводство в них было развито слабо, практически отсутствовало огородничество и садоводство. Большая часть кормов приобреталась в других хозяйствах, картофель и овощи для снабжения рабочих закупались на рынке. В молочно-мясных хозяйствах не развивались другие отрасли животноводства – свиноводство и овцеводство, хотя в большинстве совхозов возможности для этого имелись.

Причинами кризисных явлений в совхозном животноводстве, по мнению властей, были не только организационно-хозяйственные трудности, но и сопротивление классовых врагов пролетарского государства. Группа орготдела ВЦИК, обследовавшая весной 1932 г. животноводческие совхозы Западно-Сибирского края, выявила их «засоренность классово-чуждыми элементами», деятельность которых направлена на «уменьшение стада» [1, с. 399].

Высокий уровень падежа в 1932 г. сказался на изменении количества продуктивного скота. За год поголовье свиней в трестированных совхозах Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев увеличилось на 30 %, коров – лишь на 6,5 %, а КРС в целом и овец снизилось на 1 и 2 % соответственно<sup>9</sup>. В конце июня 1933 г. во всех типах совхозов Западной Сибири<sup>10</sup>, включая нетрестированные, насчитывалось 553,9 тыс. голов КРС, 274 тыс. коров, 428,6 тыс. овец, 218,8 тыс. свиней, в Восточной Сибири<sup>11</sup> – 203 тыс., 94,6 тыс., 528,3 тыс. и 76,8 тыс. голов соответственно. В За-

падной Сибири доля КРС государственных хозяйств в их общем поголовье составляла 18,2 %, коров – 18, овец – 14,1, свиней – 23,0 %, в Восточной Сибири – 8, 13,8, 26 и 14,3 %<sup>12</sup>. В Западно-Сибирском крае в 1932 г. все совхозы сдали 6040 т масла и 1840 т мяса, что составило соответственно 30,2 и 16 % всех заготовок [1, с. 392].

31 марта 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило совместное постановление ЦК компартии, СНК СССР и Наркомата земледелия СССР «О работе животноводческих совхозов»<sup>13</sup>. В постановлении отмечены «крупнейшие недостатки» в их работе: «а) бесхозяйственность и полную ненадежность процессов производства; б) совершенно неудовлетворительную организацию ухода за скотом, чрезмерно большой падеж молодняка, большой процент яловости, совершенно недостаточный рост стада за счет собственного приплода и плохое состояние стада; в) разбазаривание товарной продукции, самоснабжение и невыполнение планов сдачи государству; г) исключительно слабую организацию труда; д) полное отсутствие хозрасчета и крайне неудовлетворительную постановку отчетности в совхозах перед вышестоящими органами». В документе сообщалось о наказании директоров совхозов, «изобличенных в бесхозяйственности и разбазаривании государственной товарной продукции». В Западно-Сибирском крае были сняты с работы и привлечены к судебной ответственности директора свиноводческого «Травополье» и маслосовхоза № 51, сняты с работы «без отдачи под суд» директора Лузинского и Мошковского свиноводческих, молокосовхоза № 46.

В соответствии с постановлением программа нового совхозного строительства фактически сворачивалась. Базовым направлением государственного регулирования совхозного производства должна была стать реорганизация существующих хозяйств. Следовало продолжать их разукрупнение и перепрофилирование, развивать собственное кормопроизводство, внедрять дополнительные отрасли хозяйства, в том числе полеводство.

Основные мероприятия по реорганизации совхозов были осуществлены в годы второй пятилетки. Помимо разукрупнения к уменьшению размеров хозяйств приводила передача части принадлежавших им сельхозугодий соседним колхозам. Об этом часто ходатайствовало руководство самих совхозов. В 1933 г. в Западно-Сибирском крае от овцесовхозов отрезали в пользу колхозов 38,5 тыс. га, от свиноводческих – 2 тыс. га, от молочно-мясных совхозов – 10,6 тыс. га. В течение 1934 г. животноводческие совхозы края передали колхозам 10,4 тыс. га сельхозугодий<sup>14</sup>.

Численность скота в каждом животноводческом совхозе приводилась в соответствие с реальными возможностями его содержания. В большинстве хозяйств это привело к существенному сокращению поголовья. Часть совхозов была ликвидирована. Так, в связи с низкой производительностью труда и малой рентабельностью был ликвидирован упомянутый выше свиноводческий «Овражный». Маточное поголовье

<sup>9</sup> Сельское хозяйство СССР. С. 789, 790, 894, 969.

<sup>10</sup> Здесь и ниже в Западную Сибирь включены Алтайский край, Новосибирская и Омская области в границах 1938 г.

<sup>11</sup> Здесь и ниже в Восточную Сибирь включены Красноярский край, Бурят-Монгольская АССР, Иркутская и Читинская области в границах 1938 г.

<sup>12</sup> Животноводство СССР за 1916–1938 гг.: стат. сб. М.; Л., 1940. С. 120, 122, 131, 139, 140, 153, 157.

<sup>13</sup> Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 878. Л. 68–73.

<sup>14</sup> ГАНО. Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 482. Л. 5–7; Д. 483. Л. 61.

этого совхоза перевели на откормочную ферму, созданную на месте двух ликвидированных ферм, сельхозинвентарь и машины передали в другие совхозы, часть скота продали колхозам<sup>15</sup>. Вместе с тем продолжалось перепрофилирование зерновых совхозов в животноводческие. В начале 1933 г. Черлакский и Алабатинский зерносовхозы передали в ведение Западно-Сибирского овцеводческого, а Нивинский зерносовхоз – Омского союзмаслотреста<sup>16</sup>.

В постановлении июньско-июльского (1934 г.) пленума ЦК ВКП(б) «Об улучшении и развитии животноводства» содержалось требование ликвидировать чрезмерную специализацию совхозов [4, с. 161]. В зерновых хозяйствах стали заниматься животноводством, в мясомолочных – свиноводством и овцеводством, в овцесовхозах и свиновозовых разводить КРС. В 1934 г. молокосовхозы Западно-Сибирского края получили от хозяйств других специализаций 2,6 тыс. голов свиноматок и 29 тыс. овец [1, с. 401]. В 1933–1934 гг. поголовье КРС в овцесовхозах Западно-Сибирского края выросло с 984 до 6240 голов, свиней – с 451 до 2396 голов. В мясомолочных хозяйствах края в 1934 г. пашни засеяли на 25 % больше, чем в предыдущем, зерновых культур – на 30, овса – на 37 %<sup>17</sup>.

Укреплялась материально-техническая база сельхозпредприятий. В 1934 г. в мясомолочных совхозах Западно-Сибирского края количество тракторов увеличилось с 1531 до 2234, грузовых автомобилей – с 298 до 404, в свиновозовых – с 869 до 1124 и с 55 до 100 соответственно, в овцесовхозах – с 435 до 464 и с 18 до 31<sup>18</sup>.

В 1933–1934 гг. в Западно-Сибирском крае количество мясомолочных совхозов увеличилось с 192 до 201, овцесовхозов – с 15 до 18, а свиновозовых – уменьшилось с 41 до 36. В Восточно-Сибирском крае число овцесовхозов увеличилось с 8 до 12, мясомолочных совхозов и свиновозовых уменьшилось с 18 до 15 и с 12 до 10 соответственно. В целом в Сибири за два года в мясомолочных совхозах КРС стало на 0,7 % больше, коров – на 3,2 % меньше, в свиноводческих хозяйствах – свиней на 11,1 % меньше, в овцеводческих хозяйствах – овец на 0,9 % меньше<sup>19</sup>.

В конце 1934 г. во всех типах совхозов Западной Сибири, включая нетрестированные, насчитывалось 590,2 тыс. голов КРС, 271,6 тыс. коров, 420,7 тыс. овец, 246,2 тыс. свиней, в Восточной Сибири – 220,7 тыс., 97,5 тыс., 447,1 тыс. и 100,3 тыс. голов соответственно. В Западной Сибири доля КРС государственных хозяйств в общем их поголовье составляла 16,9 %, коров – 16,6, овец – 13,8, свиней – 19,8 %, в Восточной Сибири – 14, 13,7, 22,7 и 15,1 %<sup>20</sup>. В целом удельный вес скота совхозного сектора экономики в общем поголовье в регионе по сравнению с 1932 г. снизился. На 1 января 1935 г. доля КРС трестированных совхозов Западной Сибири в общем поголовье КРС государственного сектора составляла 72,2 %, коров – 77,4, овец – 72, свиней – 28,8 %, в Восточной Сибири – 66,5, 68,7, 77,2 и 25,7 %.

Несмотря на снижение поголовья скота в трестированных совхозах, валовое производство животноводческой продукции в них выросло. К этому привело увеличение продуктивности сельскохозяйственных животных. Так, в Западно-Сибирском крае среднегодовой удой на одну фуражную корову в 1932 г. составлял 7,42 ц, в 1934 г. – 9,92 ц<sup>21</sup>. Тем не менее качественных изменений в совхозном производстве в середине 1930-х гг. не произошло. Продуктивность сельскохозяйственных животных оставалась довольно низкой. Перманентным явлением в животноводческих совхозах был падеж молодняка. Его причинами являлись периодические возникающий дефицит кормов, недостаточно качественное ветеринарное обслуживание, неудовлетворительный уход за скотом. В 1934 г. в Западно-Сибирском крае в совхозах соответствующего профиля падеж телят составил 23,9 %, поросят – 23,1, ягнят – 11,9 %<sup>22</sup>.

Но главной проблемой для властей оставалась высокая себестоимость совхозного производства и соответственно его низкая рентабельность. Во второй половине 1930-х гг. государство в качестве основных методов сокращения издержек производства в зерновых и других совхозах рассматривало расширение специализации и передачу части принадлежавших им земель колхозам (см. [1, с. 404; 5, с. 65–66, 81]).

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гуцин Н.Я.* Сибирская деревня на пути к социализму (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1973. 518 с.
2. Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: док.-моногр. изд. / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2011. 608 с.
3. *Кондрашин В.В.* Хлебозаготовительная политика в СССР в годы первой пятилетки и ее результаты // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 34–38.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М.: Политиздат, 1985. Т. 6. 431 с.
5. *Зеленин И.Е.* Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. 1928–1941. М.: Наука, 1982. 240 с.

#### REFERENCES

1. *Guschin N.Ya.* Siberian village on the way to socialism: socio-economic development of the Siberian village during the national economy socialist reconstruction. 1926–1937. Novosibirsk: Nauka, 1973, 520 p. (In Russ.)
2. *Il'inykh V.A., Kavtsevich O.K. (eds.)*. Agrarian policy of the Soviet state and agriculture of Siberia in the 1930s. Novosibirsk, 2011, 608 p. (In Russ.)
3. *Kondrashin V.V.* The grain procurement policy in the USSR during the first five-year plan period and its results. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2013, no. 4, pp. 34–38. (In Russ.)
4. The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. 9th ed. Moscow: Politizdat, 1985, vol. 6, 431 p. (In Russ.)
5. *Zelenin I.E.* State farms of the USSR during the prewar five-year plans. 1928–1941. Moscow: Nauka, 1982, 240 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 05.06.2018

<sup>15</sup> ГАНО. Ф. Р-358. Оп. 1. Д. 949. Л. 314.

<sup>16</sup> Там же. Ф. Р-366. Оп. 1. Предисловие. Л. 9.

<sup>17</sup> Сельское хозяйство СССР. С. 844, 977.

<sup>18</sup> Там же. С. 865, 943, 1009.

<sup>19</sup> Там же. С. 788, 798–799, 894, 900, 969, 974.

<sup>20</sup> Животноводство СССР за 1916–1938 гг. С. 120, 122, 131, 139, 140, 153, 157.

<sup>21</sup> Сельское хозяйство СССР. С. 815.

<sup>22</sup> Там же. С. 825, 910, 990.

## АЗИАТСКАЯ РОССИЯ В ИМПЕРСКИХ УСТРЕМЛЕНИЯХ ПРАВИТЕЛЬСТВА XVIII – НАЧАЛА XX в.

*Дамешек Л.М. Избранное. Серия «Азиатская Россия». Т. I: Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Иркутск: Оттиск, 2018. 455 с; Т. II: Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск: Оттиск, 2018. 415 с.; Т. III: Сибирские окраины Российской империи. (XVIII – начало XX в.). Иркутск: Оттиск, 2018. 255 с.*

Издание рецензируемых монографий приурочено к 70-летию известного российского историка. Книги подготовлены и опубликованы издательством «Оттиск», в том же издательстве разработан несомненно удачный дизайн книг и библиографического указателя. Главный редактор антологии – директор

Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, академик РАН Б.В. Базаров. В общей сложности объем трехтомника насчитывает около 1100 с.

Серия монографических и учебно-методических изданий «Азиатская Россия», в рамках которой вышел рецензируемый трехтомник, хорошо известна научной обществу. Впервые она была представлена историческому сообществу в 2007 г. Ее бессменным главным редактором в течение 11 лет является Л.М. Дамешек. В названии серии заложена идея неразрывного единства России и Сибири и в то же время подчеркивается своеобразие этой части российского государства, ее исторические особенности, которые имели место как на протяжении XVIII – начала XX в., так и сегодня.

Все три тома посвящены исследованию проблем имперского регионализма и окраинной политики России – центральным темам, которым посвящены труды Л.М. Дамешека в последние 15–20 лет. И это не случайно. История России – это прежде всего история ее окраин, которые в начале XX в. составляли 80 % территории государства. Именно здесь проживало не менее 55 % населения империи, говорившего на 200 языках и наречиях. Во всех трех новых книгах серии содержатся специальные разделы историографии, в том числе зарубежной, а также источниковый анализ проблемы. Не случайно в третьей книге впервые в российском сибиреведении представлена специальная глава, посвященная анализу материалов Полного собрания законов Российской империи как источника изучения истории Сибири. Этой теме посвящено около 200 с. в рецензируемом издании. Необходимо отметить еще одну общую и очень существенную особенность указанных книг. На нее обращает особое внимание главный редактор антологии, академик Б.В. Базаров – это опора автора на нормативно-законодательную базу, созданную в XIX – начале XX в. выдающимися российскими правоведами. Данное обстоятельство обеспечивает неизменную актуальность и востребованность работ Л.М. Дамешека, несмотря на все изменения методологической составляющей исторических исследований.

Для включения в «Избранные труды» отобраны три основные монографии автора из более чем двадцати, написанных им (индивидуально и в соавторстве с коллегами и учениками). Все они хорошо известны специалистам, по праву вошли в золотой фонд исторического сибиреведения. Однако они существенно доработаны – дополнены или заново написаны историографические и источниковедческие разделы, по-новому освещены некоторые важные сюжеты, заново подготовлены отдельные главы.

Для третьего тома отобран дополнительно ряд статей, что существенно расширило и углубило его проблематику. Собранные вместе, эти работы серьезно меняют оптику (как ныне модно выражаться) взгляда читателя-специалиста: позволяют оценить подлинный масштаб и фундаментальность сделанного, увидеть разнообразие исследовательских интересов и в то же время сосредоточиться на главном, приоритетном направлении. Они высветили смыслы постижений прошлого Сибири как части России и России как единства составляющих ее территорий. Сам обзор произведений, предисловия и вступительные статьи стали несомненной вехой в историографии. Первый том состоит из шести глав, в которых через призму национального фактора рассматриваются аграрное законодательство и землеустройство, развитие системы управления, процесс христианизации народов Сибири, а также ясная политика самодержавия в отношении сибирских «инородцев». Анализ поставленных проблем предшествует солидный историографический анализ, сама же книга написана в основном на основе нормативных и делопроизводственных источников императорских (центральных и сибирских) архивов. Автор рассматривает различные аспекты правительственного курса: правовые, социально-экономические, этнографические. Он приводит исчерпывающие данные о землеустроительной политике самодержавия, земельных отрезках в колонизационный фонд начала XX в., анализирует последствия колоссальных земельных изъятий у инородцев, рассматривает аграрную политику как стержень имперской политики по отношению к народам Сибири, на который как бы нанизывались все остальные мероприятия правительства в отношении народов Сибири. Вторая и третья главы посвящены изучению вопросов организации управления сословием сибирских инородцев – от организации управления народами края в начале XVIII до введения института крестьянских и инородческих начальников в Зауралье в конце XIX в., завершается она показом судьбы этого института власти в сибирском селе после крушения самодержавия. Тщательный анализ Устава об управлении инородцев 1822 г. дополняется социальным портретом новых чиновников, созданным на основе их формулярных списков. Специальная глава монографии посвящена анализу политики христианизации народов Сибири, рассматриваемой в качестве составной части политики инкорпорации сибирских инородцев в общегосударственную систему Российской империи.

Глава о ясачной политике написана почти исключительно на архивных материалах ясачных комиссий, предложений императорского Кабинета о реформировании ясачного сбора, отчетах Министерства финансов. Автор приходит к убедительному выводу о принадлежности сибирского ясака не государственному казначейству, а императорскому Кабинету, приводит свидетельства использования Кабинетом государственных органов при сборе ясака.

Том второй, написанный в соавторстве с дочерью и ученицей, И.Л. Дамешек, состоит из трех глав, в которых российские окраины рассматриваются в системе внутренней политики империи. В нем дается весьма основательный источниковый анализ проблемы, подробная характеристика всех основных высших имперских институтов власти и воздействия их на Сибирь. И, наконец, важнейшая составляющая монографии – «Региональный компонент управления», в котором раскрывается суть областнической концепции как выражения сибирского самосознания; характеризуются механизмы и особенности деятельности губернской администрации; место сибирских инородцев в имперской стратегии власти; управление каторгой и ссылкой как специфическая функция местных политических институтов власти.

Особенно хочется обратить внимание читателя на первую главу, в которой прописана методология исследования. Л.М. Дамешек и И.Л. Дамешек совершенно обоснованно посвятили первый параграф монографии отработке категориально-понятийного аппарата, дали понятие окраин (на примере Польши, Финляндии, Кавказа), характеристику их типологическим сходствам и различиям. Это позволило исследователям выявить роль этнического, ресурсного и природно-географического факторов в окраинной политике, выстроить имперскую модель управления окраинами. Авторы с особой тщательностью, с привлечением значительного круга статистических источников анализируют место Сибири в экономическом механизме империи, показывают специфику имперского законодательства применительно к огромному и важному в стратегическом отношении региону России. Тактично привлекая результаты работ предшествующих исследователей (А.В. Ремнева, Н.П. Матхановой и др.), но отнюдь не повторяя их, авторы на широком историческом фоне рассматривают деятельность особых органов управления окраинами империи, анализируют их место и значение в системе управления государством. В монографии содержится наиболее полный, на наш взгляд, в современном сибиреведении очерк истории института генерал-губернаторского правления в Сибири со времени его возникновения и до крушения в феврале 1917 г. дается обобщенный социальный портрет генерал-губернаторского корпуса Сибири.

Том третий состоит из трех глав, в которых рассматриваются проблема имперства на окраинах России. Отчасти эти материалы публиковались автором трехтомника и раньше, но прежние издания стали уже библиографической редкостью. Особое внимание автор уделяет проблеме становления имперского регионализма в Сибири через призму личности М.М. Сперанского и его реформ. Чрезвычайно

важна высказанная в книге мысль: основная цель издания законов состояла не в адаптации имперского законодательства применительно к сибирской специфике – общеимперский Свод законов появился позже. Сибирское учреждение Сперанского, по сути региональный Свод законов, формировало общие принципы регионального государственного устройства. Важным аспектом стало изучение этнического фактора в имперском измерении, влияния этого фактора на приграничную политику империи, что, несомненно, является новым и перспективным сюжетом. Все это позволило охарактеризовать окраинную политику как фактор устойчивости Российской империи в XVIII – начале XX вв. В палитру тома органически вписываются три историографических очерка, посвященных изучению «образов империи» в отечественной и зарубежной историографии (И.Л. Дамешек), сибирским реформам 1822 г. и ясачной политике самодержавия. И, наконец, в заключительной главе монографии, носящей сугубо источниковедческий характер, рассматривается законодательство как источник изучения правительственной политики в Сибири. Глава построена на анализе «Полного собрания законов Российской империи» и законодательных актов середины XIX в., действующих на территории Сибири, что делает работу по-настоящему фундаментальной. Исследователям хорошо известен интерес Л.М. Дамешка к истории разработки имперского законодательства в России. Этому вопросу посвящено немало его публикаций. Следует, однако, заметить, что большая их часть посвящена более раннему хронологическому периоду – концу XVIII – середине XIX в. Анализ законодательства последующего периода с источниковедческой точки зрения еще ждет своего исследователя.

Во всем трехтомнике прослеживается подлинно комплексный подход к изучению анализируемых проблем: исследование правовых и социокультурных аспектов, соотношение административных реформ и социально-экономического развития региона, рассмотрение роли этнического фактора в различных измерениях. Объединение разных, но близких по смыслу и содержанию работ в указанных томах позволяет более четко и выпукло проследить общую линию правительственной политики, направленной на инкорпорацию Сибири в общеимперское пространство и укрепление геополитических позиций России на ее восточных рубежах. Для рецензируемого издания характерно сочетание глубокого и всестороннего знания материала, широты обобщений и оригинального взгляда на изучаемые проблемы.

Хочется поприветствовать автора трехтомного издания «Избранных трудов» в связи с его 70-летием, которое коллеги профессора Л.М. Дамешка по историческому цеху рассматривают не иначе как стартовую площадку для новых монографий, коллективных изданий и диссертационных работ будущих аспирантов и докторантов.

*Заведующий сектором  
археографии и источниковедения  
Института истории СО РАН, д-р ист. наук А.Х. Элерт*

## У ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СИБИРИ XX – НАЧАЛА XXI в.»

У Всероссийская научная конференция «Экономическая история Сибири XX – начала XXI в.» (с международным участием) проходила 29–30 июня 2018 г. на базе исторического факультета Алтайского государственного университета. Организаторами конференции выступили Алтайское региональное отделение Российского общества исследователей экономической истории, региональное отделение Российского исторического общества, Центр экономической истории, возглавляемые д-ром ист. наук, проф. Е.В. Демчик. Финансовую поддержку конференции осуществлял Российский фонд фундаментальных исследований.

Конференция стала дискуссионной площадкой, объединяющей ученых по проблемам экономической истории Сибири в широких хронологических рамках. В адрес оргкомитета конференции поступило 87 заявок от исследователей из вузов и академических научных центров Москвы, Волгограда, Екатеринбурга, Челябинска, Уфы, Омска, Тюмени, Сургута, Кемерово, Томска, Новосибирска, Красноярска, Иркутска, Бийска, Барнаула, а также ряд заявок от историков из Казахстана. Абсолютное большинство ученых, пришедших заявки, приняли непосредственное участие в работе конференции.

В поступивших в адрес организационного комитета конференции приветствиях директора Института российской истории РАН, председателя Российского общества исследователей экономической истории Ю.А. Петрова, руководителя регионального центра научных исследователей экономической истории России Байкальского государственного университета А.В. Шалака, в выступлении проректора по научному и инновационному развитию Алтайского государственного университета Е.С. Попова подчеркивалась значимость конференции для консолидации исследователей экономической истории не только Сибири, но и России в целом. Отмечалось, что на фоне стремительного роста виртуальных научных коммуникаций и заочных конференций проводимые Центром экономической истории Алтайского государственного университета конференции остаются одной из немногих площадок непосредственного научного общения специалистов и носят междисциплинарный характер. Не случайно все пять научных конференций по экономической истории Сибири, проводившиеся на базе исторического факультета Алтайского государственного университета, имели грантовую поддержку российских научных фондов – РГНФ и РФФИ.

На выставке, подготовленной научной библиотекой Алтайского государственного университета, наряду с другими изданиями по экономической истории были представлены сборники статей по итогам предыдущих четырех конференций по экономической истории Сибири (первая из них проходила в 2006 г.).

Главная задача прошедшей конференции состояла в сохранении традиционного междисциплинарного подхо-

да и ориентации на получение практически значимых результатов. В ее работе участвовали не только историки, но и ученые-экономисты. Вместо традиционных пленарных докладов была организована панельная дискуссия «Тренды экономического развития XX – начала XXI в.». Работали не три секции, как на предыдущих конференциях (организованные по хронологическому принципу), а пять дискуссионных площадках по ключевым проблемам экономической истории Сибири XX – начала XXI в., что позволило объединить всех участников.

Панельные доклады ведущих ученых разных регионов России были посвящены трендам экономического развития Сибири разных исторических эпох: от начала XX в. до современности. В докладе д-ра ист. наук, проф. В.П. Зиновьева (Томский государственный университет) на основе анализа динамики цен на хлеб в 1860–1914 гг. в крупных городах Сибири были сделаны выводы об особенностях формирования внутреннего рынка в Сибири конца XIX – начала XX в. Дистанционный интерактивный доклад д-ра ист. наук, проф. Р.А. Хазиева (Башкирский государственный университет) содержал новые подходы к осмыслению подпольного «торгашества» как практики хозяйственного выживания периода «военного коммунизма». Кустарно-ремесленной промышленности как недооцененному тренду в развитии промышленного потенциала Сибири 1920-х гг. посвятил свое выступление д-р ист. наук, проф. А.А. Николаев (Институт истории СО РАН). В докладе д-ра ист. наук, проф. И.В. Быстровой (Институт истории РАН) приведены новые для историографии оценки иностранными союзниками СССР периода Великой Отечественной войны советского военного производства, организованного на базе эвакуированных в Сибирь промышленных предприятий. В заключительном докладе д-ра экон. наук С.И. Межова (Алтайский государственный университет), построенном на анализе технологических циклов, подчеркивалось растущее значение осмысления исторического опыта хозяйственных преобразований для выработки современной экономической политики.

Учитывая ключевое место аграрного сектора в структуре экономики Сибири в течение всего XX в., первой дискуссионной площадкой стала секция «Аграрное производство: акторы и модели развития» (модераторы – д-р ист. наук В.А. Ильиных (Институт истории СО РАН), д-р ист. наук В.Н. Разгон, д-р социол. наук А.М. Сергиенко (АлтГУ). Ведущие исследователи в области крестьяноведения рассмотрели процессы, механизмы и результаты трансформации аграрной экономики Сибири.

В ходе работы секции «Промышленность и транспорт в экономике Сибири» (модераторы – д-р ист. наук В.В. Запарий (Уральский федеральный университет), д-р экон. наук Т.Г. Строителява (АлтГУ) были представлены результаты научных исследований важных составляющих модернизацион-

ных процессов в Сибири – строительства и развития транспортных магистралей и промышленных объектов.

Различные аспекты экономической политики государства и ее реализации через изменения взаимоотношений государства, предпринимателей и других социальных групп в разные исторические периоды стали предметами обсуждения дискуссионной площадки «Государство, предприниматель, социум» (модераторы – д-р ист. наук Ю.А. Лысенко (АлтГУ), д-р ист. наук А.В. Старцев (Барнаульский юридический институт МВД России).

Участники дискуссионной площадки «Рынок труда и мотивация трудовой деятельности» (модератор – д-р экон. наук С.В. Лобова (АлтГУ) представили результаты своих исследований по одной из важнейших проблем экономической истории – изменений мотивов трудовой деятельности на различных этапах советской эпохи и в начале XXI в.

В центре внимания секции «Экономика повседневности» (модераторы – д-р ист. наук В.А. Скубневский (АлтГУ), д-р ист. наук С.А. Баканов (Челябинский государственный университет), д-р ист. наук О.Ю. Редькина (Волгоградский государственный университет) были различные структуры повседневной жизни городского и сельского населения Сибири и приграничных территорий Казахстана.

Материалы конференции свидетельствуют, что наряду с глобальным осмыслением опыта российской модернизации активно идет процесс накопления эмпирического материала и его теоретического анализа по таким направлениям, как история экономических реформ, городская и сельская экономика, региональные рынки, экономика повседневности, налоговая и финансово-кредитная политика, предпринимательская деятельность, история кооперации и промыслов, история сельского хозяйства, отраслей промышленности и транспорта, нефтегазового комплекса, трудовых ресурсов, рынка труда и др. Вместе с тем в ходе обсуждения докладов панельной дискуссии и работы секционных площадок обозначился дефицит методологических, источниковедческих и историографических исследований по экономической истории Сибири. К перспективным направлениям будущих исследований по экономической истории Сибири, наряду с традиционной для этой отрасли знания научной проблематикой, могут быть отнесены также внешнеэкономические связи Сибири в трансграничном пространстве. Остро нуждается в междисциплинарном изучении проблема экологических последствий хозяйственной деятельности.

Участниками конференции отмечена назревшая потребность в обобщении накопленного исследовательского опыта путем подготовки и издания фундаментального тру-

да по истории народного хозяйства Сибири. Такое издание могло бы не только способствовать обобщению результатов научного анализа модернизации и трансформаций экономики Сибири, но и актуализировать исторический опыт хозяйственных преобразований в Сибири для определения адекватной роли региона в современных условиях. Сибирь могла бы играть более существенную роль не только на внутреннем рынке продовольствия, в добыче нефти и газа, но и в промышленном производстве, и в области новых технологий, что крайне актуально в условиях мирового экономического кризиса и санкций, применяемых в настоящее время к России,

Участники конференции в полной мере реализовали стоявшие перед ними задачи обсуждения результатов научных изысканий по проблемам экономической истории, определения перспективных направлений будущих научных исследований, привлечения общественного внимания к проблемам экономической истории.

Сочетание докладов известных ученых и молодых специалистов, многие из которых получили в ходе работы конференции первый опыт публичной апробации результатов своих исследований и ведения научной дискуссии, искренний интерес представителей разных областей знания – историков, экономистов, социологов – к обсуждаемым проблемам экономической истории, оригинальность, новизна и глубина анализа участниками конференции многих сюжетов и выводов, безусловно, будут способствовать аккумуляции, осмыслению и обобщению исторического опыта экономических преобразований, а также использованию этого опыта в деятельности органов власти и самоуправления.

По итогам конференции подготовлен и издан сборник «Экономическая история Сибири XX – начала XXI века»: сборник статей по материалам V Всероссийской научной конференции (с международным участием). Барнаул, 29–30 июня 2018 г. / под ред. Е.В. Демчик. Барнаул: Изд-во «Пять Плюс», 2018. – 413 с.

*Д-р ист. наук Е.В. Демчик,  
декан исторического факультета,  
заведующая кафедрой отечественной истории,  
Алтайский государственный университет, г. Барнаул*

*Д-р ист. наук А.А. Николаев,  
заместитель директора по научной работе,  
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск,  
профессор кафедры теории и истории государства и права,  
Новосибирский военный институт им. И.К. Яковлева  
войск национальной гвардии РФ*

## **ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ (Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- археология;
- этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов\_28-02-2015;
- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;
- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 30 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: [gumnauki@gmail.com](mailto:gumnauki@gmail.com)

Правила оформления и рецензирования статей см.: [http://www.history.nsc.ru/publications/gns\\_magazine/index.htm](http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm)

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала на сайте Института истории СО РАН: [http://www.history.nsc.ru/publications/gns\\_magazine/index.htm](http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm); <http://www.hssiberia.info/> и сайте Издательства Сибирского отделения РАН: <http://www.sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.